

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

СТРОИТЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ХОЛМОВ И ОБИТАТЕЛИ ПЕЩЕР

СТРОИТЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ХОЛМОВ И ОБИТАТЕЛИ ПЕЩЕР

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СТРОИТЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ХОЛМОВ И ОБИТАТЕЛИ ПЕЩЕР

СТРОИТЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ХОЛМОВ И ОБИТАТЕЛИ ПЕЩЕР

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 931
ББК 63.3(0)3
С86

Перевод с английского
Е. КРАСУЛИНА

Строители погребальных холмов и обитатели пещер / Пер. с
С86 англ. Е. Красулина. — М.: ТЕРРА, 1997. — 168 с.: ил. —
(Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»).

ISBN 5-300-01182-7

В этой книге рассказывается о маундах — погребальных холмах (курганах),
соперничающих с египетскими пирамидами. Читатель вместе с современными
археологами совершит путешествие в глубь веков, проникнет в тайны ма-
стерства строителей этих грандиозных монументов древности.

УДК 931
ББК 63.3(0)3

СТРОИТЕЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ХОЛМОВ И ОБИТАТЕЛИ ПЕЩЕР

Редактор *А. Фаризова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *Н. Кузнецова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 10.07.97 г.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 22,08. Цена 52 000 р.
Цена для членов клуба 45 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет». 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская, 21.

ISBN 5-300-01182-7

Authorized Russian edition © 1997 Publishing Center «TERRA».
Original edition © 1992 Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form, by any
electronic or mechanical means, including information storage and
retrieval devices or systems, without prior written permission from
the publisher, except that brief passages may be quoted for review.

Time-Life Books is a trademark of Time Warner Inc.

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**АДЕНА И ХОУПВЕЛЛ:
МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ**

7

Земляные колоссы 33

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
**СТРОИТЕЛИ ХРАМОВЫХ МАУНДОВ:
МОГУЩЕСТВЕННЫЕ И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ**

43

Ключи к мирозданию 69

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЦВЕТУЩИЕ ПУСТЫНИ ЮГО-ЗАПАДА

79

Сага о Меса Верде 109

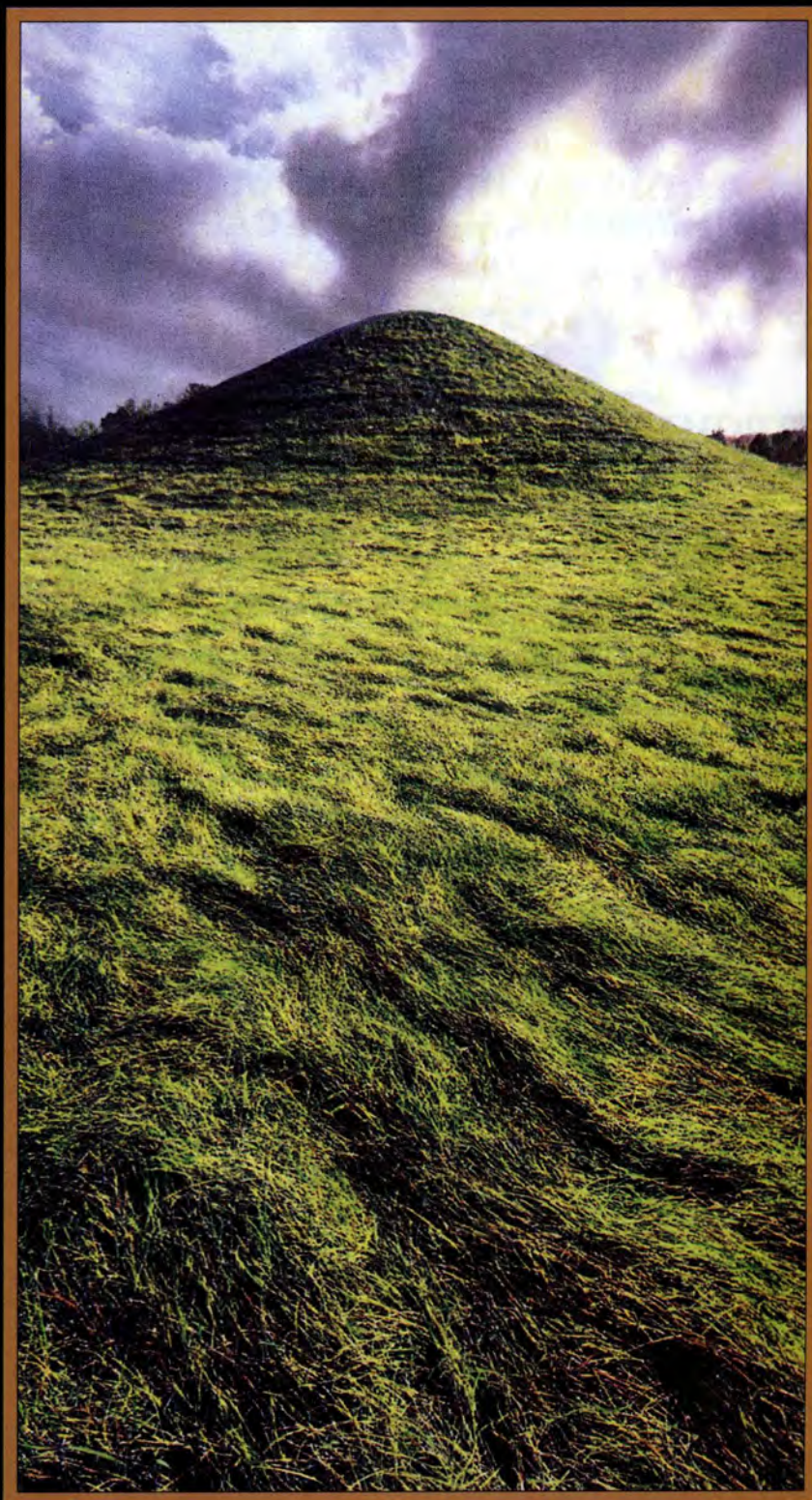
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
**АНАСАЗИ:
ПОВЕЛИТЕЛИ КАНЬОНОВ И СКАЛ**

121

Чудеса Чако-каньона 150

Библиография 164

Указатель 166

АДЕНА И ХОУПВЕЛЛ: МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

«Э́то было мистическое, сверхъестественное ощущение», — вспоминал Уоррен Кремер свой полет на вертолете над национальным заповедником Коконино в Аризоне. Кремер любил бродить по Коконино, но не только суровая красота здешних мест, причудливое разнообразие ландшафтов, сочетание пустыни, каньонов, величественных гор и альпийских лугов привлекали его. По огромной территории заповедника разбросаны руины тысяч доисторических сооружений, оставленных древними обитателями этого региона. Именно такой едва уловимый след давно ушедшего народа сделал незабываемым тот полет Кремера летним днем 1991 года.

Солнце уже клонилось к горизонту, но пилот согласился в последний раз облететь отдельно стоящую гору из красного песчаника, возвышавшуюся над равниной на 360 метров. Она прикрывала древнюю каменную постройку, несколько ярусов которой занимали не менее трети высоты отвесного склона. Вертолет находился прямо над домом, в 180 метрах от крыши верхнего яруса, когда взгляд Кремера выхватил из монотонной красноты скалы черный провал входа в пещеру. На уступе перед ним лучи заходящего солнца вырисовывали силуэты трех огромных глиняных сосудов.

Кремер сразу понял, что наткнулся на нечто сенсационное. «Кувшины пролежали здесь, вероятно, 700 лет», — отмечал он с благоговейным трепетом. «Но пещера была расположена так, что ее невозможно было увидеть ни с земли, ни с вершины горы. Пять лет назад я был на расстоянии 136 метров от нее, но мне и в голову не могло прийти, что она где-то рядом. Мы и с вертолета могли ее не заметить, окажись мы там рядом в любое другое время дня —

Этот 2000-летний маунд, возвышающийся на юге центральной части Огайо, скрывает в себе погребения индейцев культуры Хоупвелл — древних обитателей региона. Он является частью индейского некрополя (площадью 0,5 га), названного Маунд-Сити.

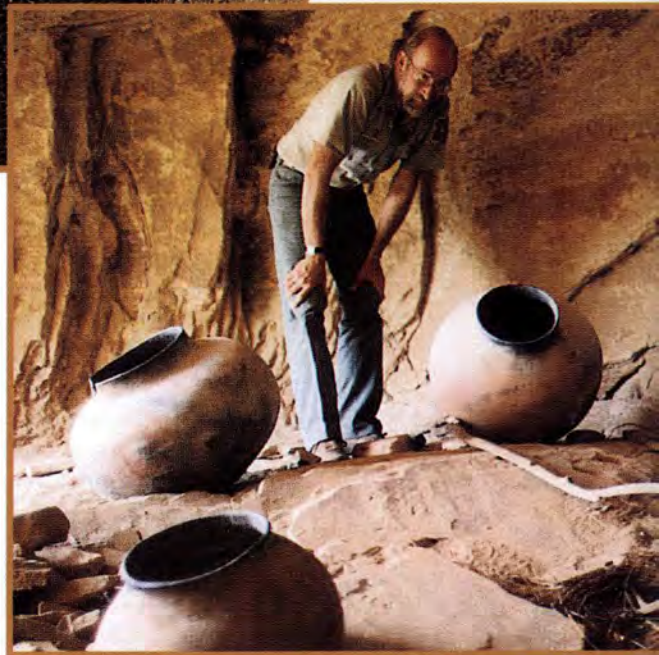

помогло лишь удачное освещение”. О своем открытии Кремер немедленно сообщил администрации заповедника.

Через некоторое время оснащенная лестницами и веревками группа археологов преодолела отвесную стену и приступила к обследованию пещеры. В дополнение к трем красновато-коричневым сосудам, которые Кремер заметил с вертолета, в пещере были обнаружены еще два кувшина, а также корзины и другие предметы, созданные человеком. Исследователи поняли, что являются первыми посетителями этого места, с тех пор как оно много веков назад было оставлено своими обитателями. Один из археологов, Петер Пиллес, позднее признался, что ощутил себя в тот момент “забравшимся в чужую кухню в отсутствие хозяина”.

Разумеется, ценность найденного едва ли можно выразить в денежном эквиваленте, тем не менее Пиллес говорит об “исключительной важности” этого тайника. Глиняные кувшины, вместимостью почти 30 галлонов, являются одними из самых больших доисторических сосудов, когда-либо найденных в Аризоне в неповрежденном виде. Можно почти с абсолютной уверенностью сказать, что они принадлежали обитателям многоярусного дома, расположенного далеко внизу. Пещера, вероятно, использовалась в качестве кладовой, а в кувшинах хранились запасы драгоценной в этом засушливом регионе воды.

Эксперты определили, что сосуды изготовлены в период между 1250 и 1350 годами нашей эры индейцами синагуа и относятся к типу керамики Тузигут Плейн. Исследователи надеялись, что анализ

В момент открытия. В 1991 году пассажир вертолета, облетающего национальный парк Коконино в Аризоне, сфотографировал три больших глиняных кувшина у входа в пещеру в отвесной скале (верхняя фотография). На этом месте они пролежали около 700 лет. Исследовавшие пещеру ученые, в том числе американский археолог Петер Пиллес (нижняя фотография), определили, что сосуды и другая домашняя утварь, обнаруженная здесь, принадлежали индейцам синагуа. Они покинули эту местность около 1400 года н. э.

иссохших остатков древних продуктов, обнаруженных в кувшинах и непосредственно в пещере, даст новый ключ к пониманию образа жизни синагуа. Само слово “синагуа” переводится с испанского как “лишенное воды”. Индейцы этой культуры использовали различные способы безырригационной обработки земли. И они добивались урожая от этой скудной почвы, на которой возделывали бобы, злаки и тыкву. Ведя оживленный обмен товарами и идеями с соседними культурами, их общины процветали в районе современного города Флагстафф на протяжении почти восьми столетий.

Около 1400 года по непонятным пока причинам синагуа покинули свои высотные дома и слились с окрестными общинами. Было бы неправильно сказать, что они исчезли. К ним восходят современные индейские племена, населяющие этот регион. Но как особое культурное образование Синагуа канула в Лету задолго до “открытия” Америки Колумбом, предоставив археологам копаться в причинах ее расцвета и упадка.

Синагуа — только одна из длинного списка древних американских культур, которые расцветали и гибли до того, как европейские переселенцы объявили Новый Свет своим владением. Эти культуры не оставили записей о своих достижениях, обычаях, религиозных верованиях и повседневной жизни. Мы даже не знаем, как они сами себя называли. Поэтому археологи давали культурам имена, исходя из особенностей среды обитания, подобно Синагуа, или по названию богатой археологическими находками местности.

К счастью, сохранились материальные свидетельства существования этих удивительных культур. В основном это внушительных размеров сооружения, заставляющие задуматься о могуществе их создателей. Но многое могут рассказать и небольшие находки — фрагменты керамики, корзины, человеческие кости, каменные наконечники копий, зерна, пыльца растений и даже остатки пищи, приготовленной несколько столетий назад. С их помощью ученый с дотошностью детектива воссоздает картину жизни реальных людей, скрытую за безмолвными предметами.

Современному специалисту по древним цивилизациям нет необходимости доказывать, что территория Соединенных Штатов вмещает в себя широкий спектр высокоразвитых доколумбовых сообществ. Это было и так очевидно. Еще в XVI веке испанские охотники за сокровищами, такие, как Эрнандо де Сото на юго-востоке и Франсиско де Коронадо на юго-западе, сталкивались как с древними руинами некогда процветавших поселений, так и с живыми потомками их создателей. Но интересы конкистадоров были направлены на поиски золота, а не на научные изыскания — иначе бы они не остались с пустыми руками.

Двумя столетиями позже волны переселенцев из Европы хлынули с Атлантического побережья на запад, в районы, которые считались дикими и необжитыми. Но вместо этого они обнаружили следы активной человеческой деятельности, куда более значительной, чем можно было ожидать от сравнительно небольшого числа индейцев, населявших эти территории. Массивные земляные сооружения любых очертаний — пирамиды, конусы, холмы, расположенные уступами террасы и фигуры животных, создание которых требовало многодневного упорного труда — рассыпаны по ландшафтам к западу от Аппалачей. Их точное количество узнать невозможно, так как многие были разрушены плугом фермера, размыты реками или поглощены городской застройкой, прежде чем их смогли хоть как-то обследовать. Но без преувеличения можно сказать, что их число достигало сотен тысяч. Разумеется, древняя Америка по количеству своих пирамид значительно превосходила Египет фараонов. Одна из них — до сих пор возвышающаяся в штате Иллинойс — даже имеет большую площадь основания, чем великая пирамида Хуфу. Вокруг этого ритуального центра, сооруженного из земли, в XII веке располагался шумный город. В нем насчитывалось 12 тысяч жителей — столько же, сколько в Лондоне той эпохи. Этот город обладал прочными связями с другими поселениями. Некоторые из них находились в сотнях километров от его деревянных палисадов.

Позже, когда пионеры достигли засушливых областей на юго-западе континента, они были поражены великолепными творениями других туземных культур, которые при возведении своих грандиозных сооружений предпочитали камень. Предметы из дерева, кожи, тканей и перьев, подверженные гниению во влажном климате восточных лесных массивов, здесь дошли до нас неповрежденными, изумляя красотой и сложностью своего исполнения. Техническая мысль древних обитателей этих земель достигла значительных высот. Сохранившиеся участки ирригационных каналов доказывают, что некогда пустыня была превращена умелыми руками в цветущий край.

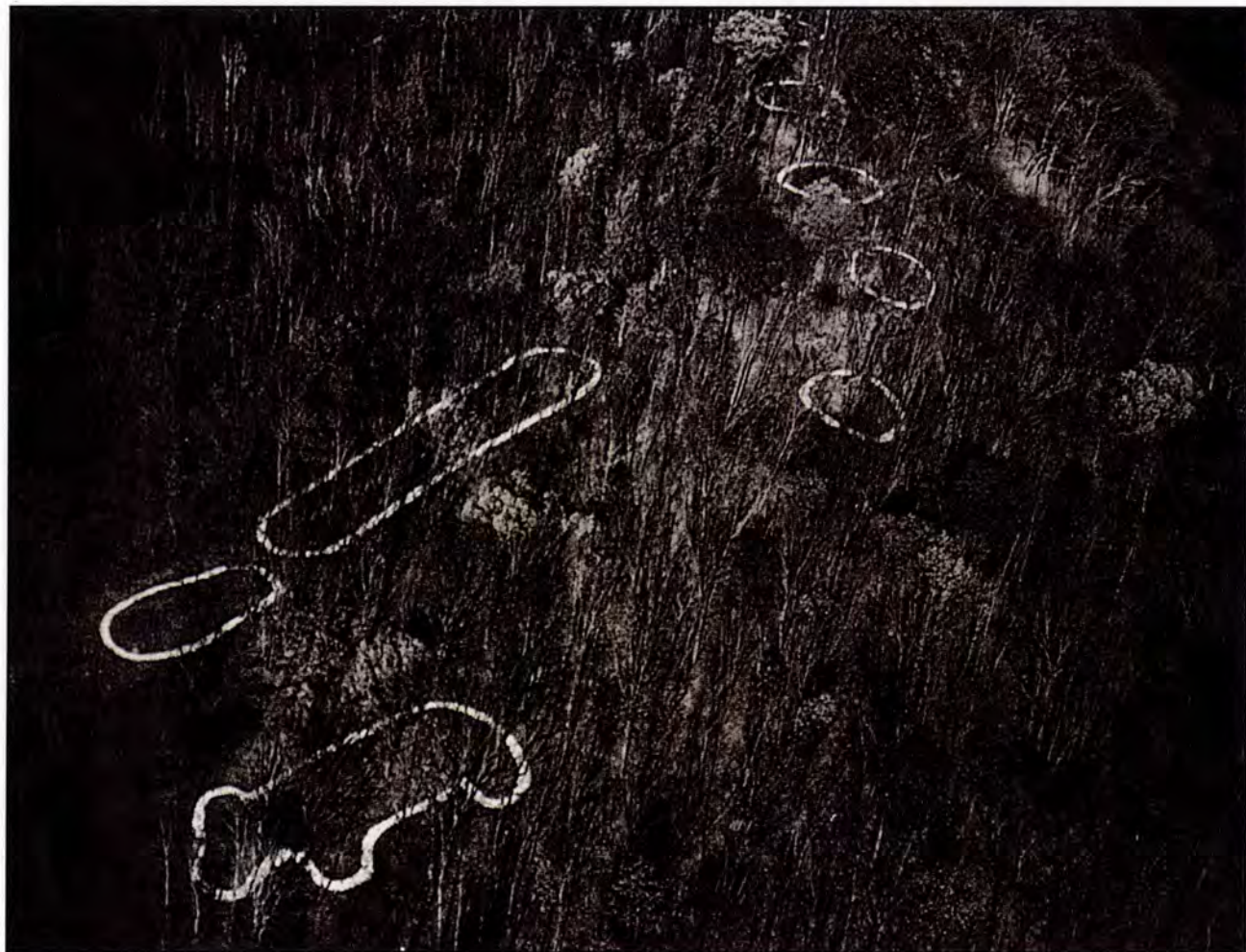
Позднейшие археологические исследования показали, что эти земледельцы были также выдающимися художниками. Созданные ими керамические изделия признаны одними из красивейших в мире, а по технике гравировки они, по крайней мере, на четыре столетия опередили европейских мастеров эпохи Возрождения. Преобладающая в регионе культура получила название Анасази. Ее следы, перемежку со следами других культур, можно встретить на огромной территории. До сих пор в каталоги вносят все новые предметы, относящиеся к этой культуре. Самым выдающимся ее достижением является, несомненно, сооружение скальных жилищ, взбегающих уступами по отвесным склонам гор на головокружительную высоту. Один из таких потрясающих комплексов, высотой в пять этажей и состоящий из 800 комнат, со времени своей постройки в XII веке

Поселения культуры Адена
 Поселения культуры Хоупвелл
 Поселения культуры Хоупвелл в Огайо
 Поселения культуры Миссисипи
 Поселения культуры Миссисипи Каддоа
 Поселения культуры Миссисипи Онеота
 Поселения типа Древний Форт

На карте показаны восточные регионы Соединенных Штатов, в которых на протяжении двух тысячелетий развивались три отдельные группы строителей маундов (на карте они показаны с помощью условных обозначений). Изобилие природных ресурсов и легко обрабатываемые почвы обусловили их расселение по долинам рек. С 500 г. до н. э. до 1 века н. э. индейцы Адена (зеленый цвет) занимали центральную часть долины р. Огайо, от юго-востока Индианы до

юго-запада Пенсильвании. Индейцы Хоупвелл (красный цвет), культура которых достигла своего пика между 50 г. до н. э. и 400 г. н. э., также жили по берегам Огайо, но при этом получали товары и сырье из многих отдаленных районов материка. С 800 г. н. э. до покорения европейцами индейцев культуры Миссисипи — строителей великих храмовых маундов — те процветали вдоль Миссисипи с ее притоками и на юго-востоке (голубой цвет).

Белая известь помогает разглядеть очертания этого маунда, расположенного на северо-востоке Айовы. С воздуха хорошо видно, что по форме он напоминает медведя. Это одно из многих земляных сооружений, имеющих форму животных, на территории Айовы, Висконсина и Миннесоты. Они были возведены примерно между 650 и 1200 гг. н. э. Подобно маунду с очертаниями медведя, соседние округлые и продолговатые маунды могли выполнять функции символов или были местами погребений.

и до 80-х годов XIX века сохранял титул крупнейшего жилого дома в мире.

Как и сотворенные человеком чудеса на юго-западе США, мириады земляных сооружений на востоке должны были оказывать на граждан молодой страны впечатление, подобное впечатлению от храмов, дворцов и руин Старого Света. В 1848 году редактор одной из газет писал о скоплении маундов и насыпей в Ньюарке (Огайо): "Посетителя, впервые попавшего на древнюю аллею, не покидает ощущение благоговейного трепета, какое он мог бы почувствовать, проходя через порталы египетского храма".

Регион к западу от Алегайнских гор (часть Аппалач), с паутиной кристально чистых рек, плодородными низменностями и бескрайними лесами, сначала казался пионерам практически не обжитым. Но продвигаясь в конце XVIII века все дальше на Запад, поселенцы были поражены возникающими перед ними одно за другим земляными сооружениями всевозможных форм — от небольших конусообразных маундов до сложных композиций из валов и насыпей. Монументы из земли, плод совместных усилий больших групп людей, были сконцентрированы в долине реки Огайо. Их количество в

этом месте оценивается примерно в десять тысяч. Но, как скоро стало ясно, они располагались и на других территориях. Район их распространения — от Канады и западной части Нью-Йорка до Небраски и вдоль побережья Мексиканского залива от Флориды до восточных районов Техаса.

Эти курганы возбуждали любопытство первых поселенцев. Некоторые из этих курганов напоминали по форме очертания животных или птиц; другие имели форму геометрических фигур: восьмиугольников, кругов и квадратов; третьи представляли собой усеченные пирамиды с разровненными площадками наверху. Постройки на вершинах холмов, похожие на форты с их толстыми стенами и насыпями, казалось, стояли безмолвной стражей, ожидая нападения давно забытых врагов.

Заинтригованные фермеры вонзили лопаты в некоторые сооружения — и ничего не нашли. Но не все маунды обманывали ожидания искателей кладов. Многие, особенно конические, содержали в себе керамику, орудия труда, ювелирные изделия, оружие, человеческие останки. Предметы были явно предназначены для сопровождения умерших во время их путешествия в загробный мир.

Большое земляное сооружение, расположенное в лесу у кромки фермерского поля (штат Айова), изображает летящую птицу. Большинство птиц, медведей и стилизованных ящериц, сооруженных строителями маундов, возвышаются над землей всего на метр, но в длину они могут иметь до 30 метров.

ЗАГАДКА, ОКАЗАВШАЯСЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ

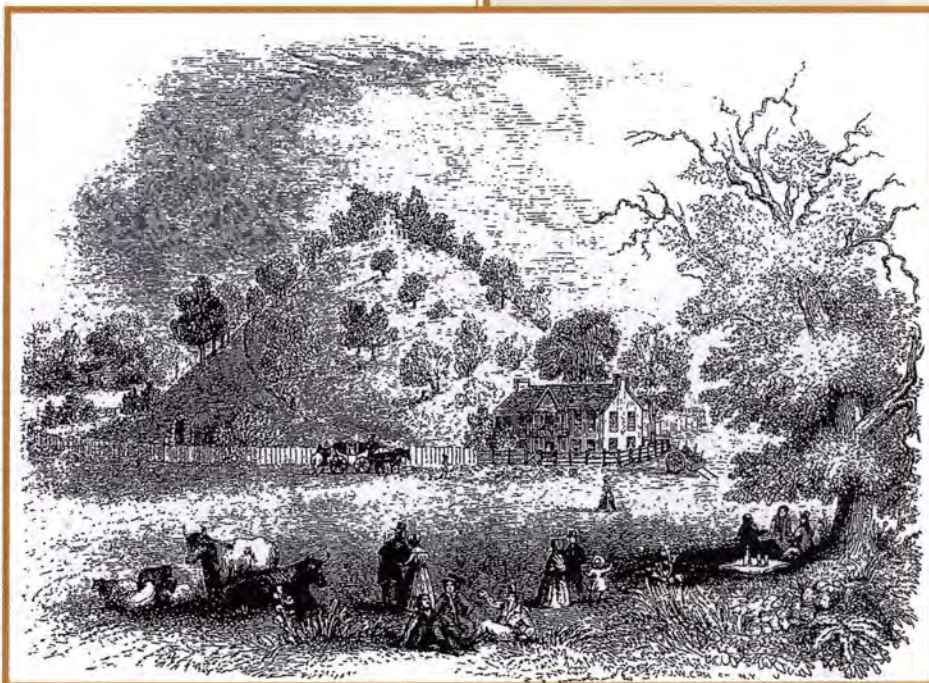
Одним из самых аккуратных из ранних археологов-любителей был Томас Джефферсон — хорошо образованный и разносторонний человек. Накануне 1781 года этот неутомимый государственный деятель, архитектор и ученый из штата Вирджиния произвел раскопки небольшого погребального маунда около своего дома в Монтичелло. Его техника предвосхитила методы профессиональных археологов, появившиеся столетием позже. Сначала он прокопал разведочную траншею, чтобы получить предварительное представление о структуре маунда, уделяя пристальное внимание стратификации (распределению по слоям) человеческих костей, которые он выкапывал. Останки были разбросаны в таком беспорядке, что, как писал Джефферсон, “создавалось впечатление, будто их высыпали без разбора из мешка или корзины”. Он предположил, что маунд мог содержать до тысячи скелетов. Но чьих? Джефферсон, изучавший в отрочестве традиционные знания индейцев, не имел ни малейшего сомнения, что этот и другие вирджинские маунды были созданы американскими индейцами.

Некоторые соотечественники Джефферсона соглашались, что индейцы могли построить маунды в Вирджинии или в более западных областях, однако большинство считали это преувеличением. Многие сооружения были ошеломляющих размеров, и их возведение требовало огромного количества хорошо организованных рабочих. В основном поселенцы долины реки Огайо недооценивали прежних обитателей этих мест. В результате получила распространение идея, что индейцы не обладали ни желанием, ни мастерством, чтобы осуществить такие огромные инженерные проекты.

Несмотря на общее мнение, непредвзятое исследование, проведенное одним человеком, показало, что маунды были слишком древними, чтобы являться творениями непосредственных предков современных индейцев. Манассия Кутлер, проникательный священник из Массачусетса, в 1788 году прибыл в новый поселок Мариетта на реке Огайо и обнаружил срубленные деревья на комплексе маундов площадью примерно в 1,5 гектара. Он вполне логич-

С момента открытия первопроходцами в XVIII веке, внушительный Грейв Крик маунд привлекает любопытных туристов со всех концов света. Он расположен около Маундсвилля в Западной Вирджинии и возвышается почти на 22 метра. В этом месте некогда располагался огромный комплекс маундов и земляных сооружений культур Адена и Хоупвелл. На постройку этого симметричного конуса с диаметром основания 73 метра потребовалось около 3 миллионов корзин — или 57 000 тонн — земли. Он изображен на гравюре, опубликованной в 1848 году.

Десятью годами раньше Абельард Томлинсон, владелец того, что позже было названо Мамонтовым Маундом, произвел первые раскопки. Прокопав вертикальный шурф, по мере продвижения вниз он обнаружил и обследовал два погребения в бревенчатых срубках. В одном из них вперемешку с человеческими кос-

тиями было найдено большое количество украшений из меди, ракушек и слюды. В ходе дальнейших раскопок было вскрыто и изучено еще несколько погребений. Результаты исследований позволяли безусловно отнести маунд к позднему периоду Адена.

Однако Грейв Крик более знаменит — или печально знаменит — благодаря небольшой овальной пластине из песчаника (внизу). Томлинсон заявил, что нашел ее в куче мусора в 1838 году. Нанесенная на нее загадочная надпись из 25 знаков породила 35-летний спор между экспертами, которые отождествляли алфавит с различными системами письма Старого Света. Кельтский, этрусский, ханаанский, нумидийский, древний галльский и финикийский — вот неполный список предложенных вариантов идентификации надписи на пластине.

Разнообразны и результаты попыток дешифровки. Так, пытаясь перевести этот текст, один из филологов утверждал, что в нем сообщается об убийстве. Другой предложил нелепое: “Ты сияешь в твоём стремительном клане и быстрой серне”, и т. д. После долгих исследований выяснилось, что табличка является подделкой.

Стремясь извлечь максимум выгоды из популярности маунда, его различные

владельцы постепенно пристроили к нему салун (на вершине маунда), ипподром (вокруг подножия) и музей (внутри раскопной шахты). В настоящее время этот маунд охраняется государством и является памятником первостепенного значения в Государственном парке Грейв-Крик.

но предположил, что деревья могли вырасти только после того, как это место было заброшено. По числу годовых колец на срезе ствола дерева он определил, что возраст маундов составляет от 400 до 1000 лет. И хотя он несколько ошибся, с научной точки зрения его метод для того времени был безупречен. Вполне вероятно, что это была первая в истории археологии попытка датировки с помощью древесных колец — зачатки дендрохронологии (стр. 90—91).

В начале XIX века миф о строителях маундов прочно укоренился в умах американских романтиков. Отвергая возможность того, что эти грандиозные земляные сооружения возвели простые индейцы, они изобрели вышшую доисторическую расу, ныне исчезнувшую с лица земли. Любители и ученые-профессионалы, используя древние тексты и свое собственное богатое воображение, объявляли строителями маундов самые разные древние народы: от викингов и англосаксов до греков, римлян, финикийцев и даже легендарных десяти колен Израилевых (ошибка у автора: колен Израилевых двенадцать, а не десять. — *Примеч. ред.*). От их внимания не ускользнул практически ни один народ Старого Света, который хоть когда-нибудь соорудил нечто похожее или чьи тексты упоминают о возведении неких “высоких мест”. Ни один. Кроме индейцев, разумеется.

Хотя некоторые версии об “исчезнувшей расе” содержали идею о переселении строителей маундов в Мексику, где ими были созданы высокоразвитые цивилизации, большинство изображало более печальный исход. Многие авторы полагали, что культура строителей маундов была уничтожена дикими племенами американских индейцев. В 1832 году Уильям Каллен Брайант в своей поэме “Прерии” писал: “Пришел чужак — бродячий мир племен, воинственных и лютых; Строители Холмов исчезли из долин. Все кончено. Лишь бранные останки хранят курганы те”.

Необычность и таинственность привлекала к маундам многочисленных исследователей. И хотя они пытались найти подтверждение существующим мифам, их работы тем не менее закладывали основы современной американской археологии. Прекрасным ученым оказался археолог-любитель Калев Атвотер. Он проводил раскопки поселения Сиркльвилль в Огайо, названного так из-за двух круглых концентрических земляных сооружений, примыкающих к ограде городка. В то время как многие маунды исчезали под плугом фермеров, Атвотер систематично изучал, измерял и наносил на карту те, которые сохранились. В 1820 году он опубликовал их детальное описание.

Атвотер был старательным и методичным топографом маундов, но в трактовке их происхождения он склонялся к романтической версии. Он считал, что строители маундов пришли из Индии, частично

обосновывая это тем, что жители этой страны располагают свои святилища по берегам рек. В качестве подтверждения он приводил находку из маунда в Теннесси — глиняный сосуд, неверно истолковывая его как изображение трехголового идола, представляющего почитаемую в Индии триицу божеств. И хотя в наши дни его теория кажется смешной, многие эксперты (в частности, Стивен Уильямс из Гарварда, один из ведущих специалистов по маундам) по достоинству оценили широту исследований Атвотера и ту тщательность, с которой он их проводил.

Десятилетием позже в Филадельфии выдающийся врач Сэмюэль Г. Мортон начал изучать черепа строителей маундов. Пытаясь определить, существовали ли какие-либо различия в объеме черепной коробки у представителей разных рас, Мортон собрал коллекцию из 968 человеческих черепов для своих исследований. Будучи пионером в области физической антропологии, он определил 10 различных технических приемов для изучения черепа, включая наполнение его горчичными зёрнами для определения объема.

Сравнив восемь черепов, обнаруженных в маундах, с шестью черепами современных индейцев, он заключил, что они принадлежали представителям одной расы. Хотя способ исследования далек от совершенства, вывод правилен. Однако, представляя это открытие в своей книге *"Crania Americana"* (*"Американские черепа"*, лат.), вышедшей в 1839 году, Мортон не смог преодолеть инерцию мышления и написал, что строители маундов и индейцы принадлежали к одной расе, но к двум разным ее ветвям: цивилизованной — тольтекской, названной в честь ранних обитателей Мексики, которыми очень восхищались ацтеки, и варварской. Разумеется, индейцев он относил ко второй.

В течение следующего десятилетия два выдающихся археолога-любителя завершили эпохальное исследование самого сердца страны маундов. Работая в Чилликотэ (Огайо) под покровительством Американского этнологического общества, Эфраим Г. Сквайр, редактор местной газеты, и Эдвин Г. Дэвис, врач, открыли за период между 1845 и 1847 годами более 200 маундов и около 100 площадок, огороженных земляными валами. Они провели раскопки некрополя, площадью полгектара, расположенного по соседству с Маунд-Сити, содержавшего 23 погребальных маунда. Они тщательно следили за слоями, содержащими керамику, украшения и другие предметы. Археологи исследовали земляные сооружения, делая зарисовки и подробные карты. Кроме того, они критически проанализировали работу Калеба Атвотера и труды других авторов по этому вопросу. "С самого начала, — писал Сквайр, — предвзятое отношение было отброшено. Все исследования проводились так, будто не было прежде ни увлечения фантастическими теориями, ни вообще каких-либо знаний по этому предмету".

Полученные Сквайром и Дэвисом данные были опубликованы в 1848 году в качестве первого тома в серии книг по естественным наукам. Издание этой серии финансировал недавно созданный Смитсоновский институт. Результаты их исследований поразительны. Они почти полностью соответствуют представлениям современных археологов. Так, например, они считали земляные сооружения геометрической формы отгороженными священными местами, выполнявшими религиозные функции, и полагали, что строители маундов были искусными инженерами и математиками.

Рисунки этих двух ученых в наше время бесценны, так как многие из изображенных на них маундов с тех пор исчезли с лица земли. Эти тщательно и изящно выполненные рисунки (см. стр. 34—40) и по сей день служат для посетителей путеводителями по сохранившимся в Огайо маундам. Книга Сквайра и Дэвиса “Древние памятники долины Миссисипи” привлекла к себе такое широкое внимание, что в 1849 году только что избранный президент США Закари Тейлор назначил Сквайра, активно занимавшегося политикой, на дипломатический пост в Центральной Америке. Однако Сквайр не оставил и своего увлечения археологией.

Но несмотря на все это, миф о “Строителях Маундов” не собирался умирать. Даже Сквайр заключил, что земляные сооружения демонстрируют “гораздо более высокий уровень знаний, чем тот, которым обладали племена охотников Северной Америки”. Предметы из керамики и других материалов, извлеченные из маундов, значительно превосходили по мастерству исполнения неуклюжие и лишенные изыска изделия индейцев, которых Сквайр определял как “дикие первобытные орды”.

Почти до конца столетия эта тема обсуждалась как специалистами, так и широкими массами. Преимущество в это время было на стороне Дж. У. Фостера, выдающегося геолога и президента Чикагской академии наук, который придерживался традиционной точки зрения. Предположить, что индейцы, “отличавшиеся жестокостью и вероломством”, были создателями маундов, “почти так же абсурдно, как предположить, что они построили египетские пирамиды”, — писал Фостер в 1873 году.

В конечном счете путь к истине проложили два влиятельных в американском научном мире исследователя. Джон Уэсли Пауэлл был ветераном Гражданской войны; после героического похода через Большой Каньон в 1869 году он был назначен директором Управления геологии Соединенных Штатов. Занимаясь изучением американских индейцев и будучи страстным поклонником индейской культуры, Пауэлл сотрудничал со Смитсоновским институтом. В 1879 году он добился создания Смитсоновского отдела этнологии и возглавил его, продолжая руководить Управлением геологии. Эти две должности он совмещал вплоть до своей смерти в 1902 году.

Пауэлл стремился, чтобы Отдел этнологии, как и следует из его названия, проводил исследования существующих племен и не вмешивался в дискуссии археологов. Сам Пауэлл вырос среди маундов Огайо, Висконсина и Иллинойса и не раз копался в них. Кроме того, он изучал современные индейские культуры. В итоге у него почти не осталось сомнений, что маунды были созданы предшественниками этих индейцев. Когда Конгресс под давлением археологов выделил отделу 5000 долларов на изучение маундов, Пауэлл ухватился за возможность решить проблему и провести более продуктивные исследования.

В конце 1881 года Пауэлл поручил Сайрусу Томасу возглавить Отделение по изучению маундов. Томас должен был ответить на основной вопрос: были ли маунды построены индейцами? Пауэлл считал, что почти знает ответ, но то же самое думал и Томас. Он был ученым старой закалки и говорил о себе как о "яром стороннике идеи о существовании расы Строителей Маундов, отличавшихся от американских индейцев". Но при этом Томас, бывший адвокат, школьный управляющий, протестантский священник, профессор и энтомолог, не мог, к его чести, позволить предубеждениям взять над собой верх. Он отбросил в сторону всякое предвзятое мнение и занялся сбором фактов. Как раз когда он приступил к работе, бывший конгрессмен от Миннесоты Игнатиус Доннелли издал книгу, быстро ставшую популярной. В ней он самоуверенно заявлял, что строителями маундов на самом деле были уцелевшие обитатели исчезнувшей Атлантиды.

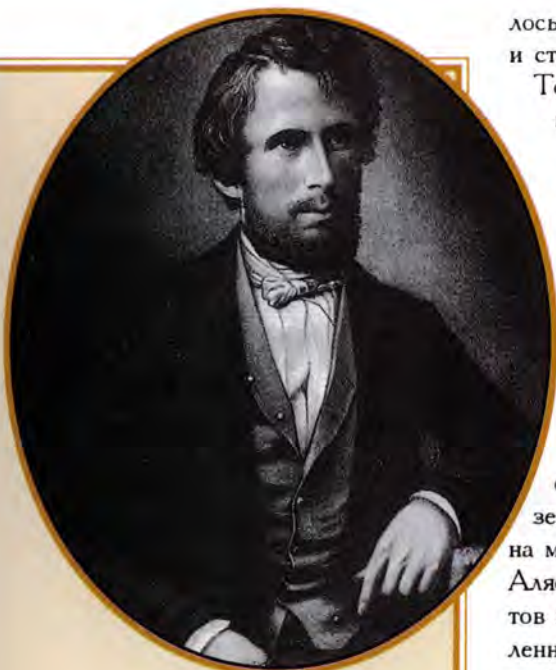
Недостаток денежных средств и рабочей силы не позволял исследовать все маунды. Опасаясь, что многие из них могут быть вскоре разграблены или уничтожены, Томас пришел к компромиссному решению. Он приказал провести детальное исследование отдельных характерных маундов в ряде различных регионов в одно и то же время. На пике своей активности одновременно шесть ассистентов Томаса трудились в восьми штатах, от Флориды до Северной и Южной Дакоты. Будучи строгим и даже скупым распорядителем работ, Томас ввел сдельную заработную плату, снизив ее даже своему родственнику, который представил небрежно составленный доклад. Все это заставляло ассистентов активно действовать. Всего они обследовали 2000 маундов в 24 различных штатах и добыли 40 000 предметов. Удивительно, что большая часть работ была выполнена всего за четыре года.

Итоговый отчет был опубликован в 1894 году и занял 730 страниц. В нем Томас писал, что миф о расе Строителей Маундов оказывал на исследователей такое сильное влияние, что "однажды овладев их разумом, приводил к искажению результатов и выводов всех дальнейших исследований". Но это не относится к отчету, который убедительно доказал, что строители маундов, столь сильно различавшиеся по своим типам, принадлежали к разным культурам и эпохам, но все они были индейцами. Причем строительство маундов на юго-востоке продолжа-

ЛЕТОПИСЦЫ ИСЧЕЗНУВШЕГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ

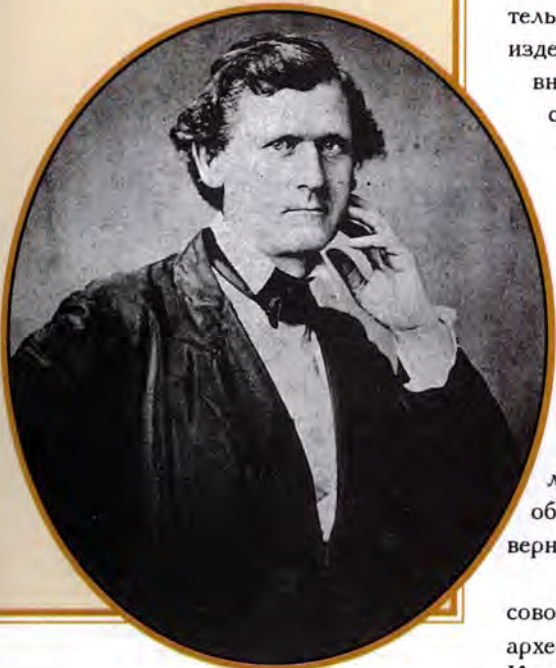
В самом начале 1845 года 23-летний журналист Эфраим Сквайр приехал из Нью-Йорка в Чиликотэ, штат Огайо. Почти сразу после приезда он познакомился с местным врачом Эдвином Дэвисом, который был десятию годами старше и серьезно увлекался археологией. Они объединили свои усилия и в течение последующих двух лет обследовали около 200 маундов и 100 других земляных сооружений. Итоги этой работы подробно изложены в книге "Древние памятники долины Миссисипи". Этот труд, опубликованный Смитсоновским институтом в 1848 году, стал бесценным. Он содержит описания многих памятников, которые позже исчезли с лица земли.

Финансировал эти работы Дэвис. Он же взял на себя заботы о сохранении многих предметов из тех нескольких тысяч, которые они нашли. Сквайр проводил исследования, выполнял рисунки и занимался подготовкой публикации. Но у них возникли разногласия по поводу оценки вклада каждого из них в общее дело. Дэвис считал, что все находки должны принадлежать ему. В конце концов после бесплодных поисков покупателя-американца он продал большую часть коллекции за 10 000 долларов некоему англичанину. Некоторые предметы сейчас находятся в Британском музее.

ЭФРАИМ Г. СКВАЙР

ЭДВИН Г. ДЭВИС

лось даже после прихода европейцев. “Прямые связи между индейцами и строителями маундов столь многочисленны и очевидны, — заключал Томас, — что можно без колебаний утверждать: индейцы и строители маундов — одни и те же люди”.

Изыскания Смитсоновского института совместно с усилиями других профессионалов нанесли удар по фантастическим теориям. Однако все еще оставалось загадкой, кем конкретно и с какой целью были построены маунды. Ответ на этот вопрос искали археологи прошлого столетия, расшифровывая кусочек за кусочком, фрагмент за фрагментом ненаписанную летопись строителей маундов и их предшественников. Этот титанический труд позволил воссоздать картину их истории. Однако в этой картине отсутствовали самые главные компоненты.

История началась 15 000 лет назад, перед окончанием последнего ледникового периода, когда первые поселенцы вступили на землю Америки. Они пришли из Азии по существовавшему в то время на месте Берингова пролива сухопутному перешейку между Сибирью и Аляской. Продвигаясь вдоль глетчеров к югу, они охотились на мамонтов и других зверей, пока многие виды животных не оказались истребленными. Это произошло 10 000 лет назад. Тогда люди переключились на более мелкую дичь, занялись рыболовством и собирательством. Приблизительно к 1000 году до н. э. различные группы в восточной части Северной Америки уже обладали тремя основными признаками, свидетельствовавшими о наличии культуры. Они производили керамические изделия, практиковали примитивную обработку земли и уделяли большое внимание погребальному обряду. Своих умерших они хоронили в насыпях из гравия, оставленных отступившим ледником, и в холмах естественного происхождения.

Со временем древние индейцы начали создавать для погребения покойников искусственные насыпи, которые в наше время принято называть маундами. Самая ранняя из наиболее значительных культур строителей маундов, Адена, возникла около 500 г. до н. э. в центре долины реки Огайо. Свое имя она получила по названию поместья около Чилликотэ в Огайо, где археологи в 1901 году в ходе раскопок обнаружили характерные предметы. Находки, связанные с культурой Адена, сосредоточены в основном в радиусе 240 километров вокруг Чилликотэ и реки Сиото, притока Огайо. Однако ее следы можно обнаружить на западе Пенсильвании, в Западной Вирджинии, северной части Кентукки и на юго-востоке Индианы.

В 30-е годы XX века, в эпоху Великой Депрессии, при финансовой поддержке правительства была осуществлена широкая программа археологических исследований. Раскопки, проводившиеся в основном в Кентукки, помогли выявить различные погребальные обряды индейцев культуры Адена. Одних покойников сжигали. Других помещали во вре-

менные могилы или, возможно, оставляли на церемониальных платформах на деревьях, пока хищные птицы не превращали тело умершего в скелет. Затем очищенные от мяса кости собирали вместе и хоронили.

Сами погребения также различались. На раннем этапе своей истории индейцы Адена выкапывали для трупа небольшое углубление. Края ямы отделяли глиной или корой деревьев, а сверху нагромождали кучи земли. При этом использовались, по непонятным пока причинам, разные типы грунта, так что получавшийся в итоге невысокий маунд был покрыт разноцветными пятнами. Позже стали сооружаться более сложные — срубные гробницы, которые впоследствии засыпались землей. Иногда срубы покрывались крышей из бревен. В таких случаях гробницы могли содержать несколько тел. Изредка около срубных гробниц располагались круглые деревянные дома. Возможно, труп выставляли в доме для прощания на достаточно долгое время. При этом его посыпали красной охрой и другими пигментами, цвета которых могли символизировать жизнь. С умершим обращались с большим почтением. Затем дом сносили и засыпали землей. Это, видимо, была кульминационная точка ритуала.

Такие гробницы сооружались для тех, кого Чарльз Э. Сноу, специалист по физиологии индейцев Адена, назвал “почитаемыми мертвецами”. Он считал, что кремация предназначалась для простых людей, а в срубах хоронили знать. Постепенное усложнение погребений, а также высокое качество содержащихся в них предметов свидетельствуют, что социальное неравенство со временем увеличивалось. Интересно, что составлявшие верхушку общества люди превосходили своих соплеменников ростом. Среди “почитаемых мертвецов”, как считал Сноу, рост в 180 сантиметров был обычным явлением.

Многие маунды Адена содержат бесчисленные пласты, которые в течение веков наслаивались друг на друга по мере добавления все новых погребений. Подобные напластования можно продемонстрировать на примере Крисеп Маунда, расположенного на реке Огайо, в 10 км к югу от Маундвилля в Западной Вирджинии. Этот маунд был раскопан Доном В. Драго из питсбургского музея Карнеги во время спасательной операции летом 1958 года. Угольная компания собиралась построить на этом месте завод. Ее руководство согласилось оказать помощь в исследованиях. Археологам были приданы четверо рабочих и техника, чтобы убрать лишнюю землю. Однако для предохранения маунда от повреждений землекопы должны были использовать лопаты и небольшие мастерки. Постепенно, сантиметр за сантиметром они удаляли землю, одновременно борясь с корнями белой акации, выросшей на вершине. Хотя маунд был сравнительно небольшой — высота составляла 4,5 метра, диаметр основания — 21 метр, — работа заняла 13 недель, что в два раза больше, чем планировал Драго.

Но результаты стоили того. Драго обнаружил скелеты 54 человек, захороненные в трех основных погребениях круглой формы. Эти погре-

бения располагались на разных уровнях. Нижнее лежало на 1 метр ниже уровня земли, верхнее — на 4 метра выше. Сохранившиеся в глине отпечатки сгнивших столбов и остатки очага показали, что маунд был построен на месте разрушенного дома. Умерших хоронили здесь на протяжении, по крайней мере, двух веков, с 200 г. до н. э. до 50 г. н. э. Типы захоронений были различны — от неглубоких ям до срубных конструкций. В результате тщательного изучения слоев и содержащихся в них находок Драго восстановил из отдельных частей целостную картину этапов развития культуры. “Я получил давно утраченный ключ к хронологии Адена, — писал Драго в своем отчете. — Ничего не значащие ранее обрывки информации теперь приобрели новое значение”. Один этот маунд показал постепенное развитие погребальных обрядов Адена, подчеркивая возрастающее мастерство его строителей. В нижнем захоронении

В 72 километрах к северу от Сент-Луиса в штате Миссури, около места слияния рек Миссисипи и Иллинойс, ученые и студенты исследуют поселение Костер-Сайт, названное так в честь фермера, которому принадлежит этот участок. Углубившись в землю на 10 метров, археологи выявили 14 отдельных одновременных уровней поселения, называемых горизонтами. Самые нижние из них значительно старше, чем культуры Адена и Хоупвелл. Возраст этих слоев оценивается в 8000 лет.

были найдены грубо обработанные каменные орудия, скребки, каменные шила и другие подобные предметы. Верхние — более поздние — слои содержали уже и украшения: каменные подвески, медные браслеты и кольца, а также орнаментированные силуэты, вырезанные из тонких пластинок слюды. Эти вещи сопровождали погребения только наиболее уважаемых членов общества. Самая верхняя могила Крисеп Маунда содержала даже так называемый “трофейный череп”, уложенный на колени скелета. Череп был тщательно отполирован и мог принадлежать либо захваченному врагу, либо почитаемому предку.

В других маундах кое-где можно найти изящно выполненные вещи, которые, вероятно, служили культовыми предметами в религии Адена. Головной убор, сделанный из верхней части черепа и рогов оленя или лося, возможно, позволял шаману или святому человеку как бы перевоплотиться в это животное. Шаманы могли играть и роли более свирепых существ. Такой вывод позволяет сделать верхняя челюсть волка, найденная в Райт Маунде в Кентукки около 1940 года одним из авторитетнейших специалистов по культуре Адена Уильямом С. Уэббом. Кость неба, вырезанная в форме лопаточки, очевидно, служила своеобразной рукояткой. Ее держали в зубах, а передние резцы волка торчали изо рта наружу, представляя собой маску волка. Приблизительно два десятилетия спустя теория Уэбба была подкреплена находкой при раскопках Эйерс Маунда в Кентукки. Исследователи обнаружили там такую же кость с резцами волка вплотную к черепу взрослого мужчины, возможно, шамана. Его собственные верхние резцы отсутствовали. Видимо, они были удалены специально, чтобы можно было держать эту кость во рту, делая эффект от маски максимальным.

В данном случае связь между волчьей маской и человеком с обезображенным ртом кажется достаточно прочной. Но археологи ред-

Как и древние обитатели Мексики, индейцы Адена использовали характерный способ переноски детей в люльках, состоявших из единственной доски. Чтобы уберечь при этом слабые шейки от переломов, они ремнями притягивали крошечные головки к доске-основе, как показано на рисунке слева. Правда, изображенные люлька и плетеная ткань были найдены по отдельности в одном из поселений Адена в Кентукки. Такая практика приводила к деформации черепа. Рисунки Сквайра и Дэвиса позволяют сравнить череп взрослого человека, подвергшийся таким образом деформации (внизу), с недеформированным черепом (вверху).

ко бывают так уверены, определяя, кому принадлежала та или иная вещь. Пример тому — самые характерные предметы культуры Адена — церемониальные курительные трубки. Трубка сопровождала человека и в могиле, вероятно, чтобы служить ему в загробной жизни. Но, как отметил Дон Драго, в одном маунде было найдено не менее 32 трубок около одного человека. “Почему? — задался вопросом Драго. — Был ли этот человек изготовителем трубок? Или подношение членами клана своих трубок было данью уважения умершему? Каждый ли имел право обладать трубкой или только избранные?” Подобные вопросы постоянно возникают у археологов, изучающих древние индейские культуры. Но, как говорит Драго, к сожалению, слишком часто имеющейся информации явно недостаточно, чтобы дать точные ответы.

Погребальные маунды культуры Адена снабжали ученых не только костями и предметами, но также давали представление о существовавших тогда типах построек. По непонятным пока причинам маунды часто возводились на месте снесенных домов. В ходе раскопок по оставшимся от столбов углублениям было установлено, что постройки имели круглую форму диаметром от 4,5 до 18 метров в основании. Самые крупные дома, возможно, служили местом ритуальных собраний. Судя по углублениям, столбы стояли под наклоном в 11 градусов, то есть постройка слегка сужалась к покрытой соломой или корой деревьев крыше. Видимо, это делалось с целью уберечь стены от дождевой воды и предотвратить гниение кусков коры, прикрепленных к столбам.

Остатки жилых построек помогают частично восстановить картину жизни индейцев Адена. В очагах этих исчезнувших домов были найдены кости животных, обугленная скорлупа орехов и остатки пищи, возраст которых насчитывает сотни лет. Кроме того, сухой микроклимат отдельных пещер и гротов в Кентукки и Огайо, явно какое-то время служивших жилищами некоторых жителей Адена, позволил сохраниться зернам и экскрементам. Анализ этих остатков дает возможность представить себе этих людей — охотников на оленей, лосей и мелкую дичь, собирателей диких растений и орехов. Зачаточный уровень земледелия давал им возможность выращивать тыквы и подсолнухи.

К культуре Адена часто относят одно из наиболее впечатляющих и хорошо известных земляных сооружений на территории Соединенных Штатов — Большой Змеиный Маунд, который извивается по гребню горы на юго-западе Огайо. Однако, как часто бывает в

случаях с давно исчезнувшей культурой, ученые не могут сказать определенно, что его возвели носители именно этой культуры. Маунд представляет собой поросшую травой волнистую полосу шириной 6 и высотой 1,5 метра. Если ее вытянуть в прямую линию, то общая длина от закрученного спиралью хвоста до широко разинутой пасти достигнет почти 400 метров. Это самое крупное изображение змеи в мире. “Был ли это символ древнего культа змеи здесь, на западном континенте?” — спрашивал в 1890 году Фредрик Уард Патнем, директор Гарвардского музея Пибоди. Во время посещения Большого Змеиногo Маунда он решил под настроение немного порассуждать: “Стоя на одном из колец этого гигантского змея, в то время, как последние проблески солнечных лучей из-за вершин отдаленных холмов отбрасывали в долину длинные тени, я задумался о прошлом. И мне показалось, что картина отдаленных времен встала передо мной и вместе с ней пришла потребность объяснить эту тайну. Незвестное должно стать известным”.

Чтобы сохранить маунд, Патнему пришлось прибегнуть к сбору частных пожертвований в Бостоне. В итоге было собрано

В Вильмингтоне, штат Огайо, была найдена табличка из песчаника, размером 10 на 12,7 сантиметра, покрытая зеркальными изображениями хищных птиц. Возможно, она использовалась индейцами Адена для татуировок или для нанесения рисунка на одежду и стены. Обратная сторона имеет структуру точильного камня, она предназначалась для заточки костяных иглоок или ножей. В нее ввелись частицы красной охры, которой индейцы раскрашивали свои тела. Кроме вильмингтонской, известны еще 14 табличек с подобными рисунками.

5880 долларов, что позволило Гарварду в 1900 году выкупить участок земли площадью 12 гектаров и передать его штату Огайо. Теперь Змеиный Маунд является общественным парком и привлекает тысячи посетителей каждый год. Не прекращается и поток всевозможных теорий и предположений. У всех, кто видел этот маунд, вызывает любопытство загадочный овал около головы змея. Его трактуют то как лягушку, то как яйцо, которое заглатывает змей, а иногда — как изображение разинутой для укуса пасти.

Как и многое другое, продолжают оставаться загадкой постепенные изменения в культуре Адена, произошедшие в течение I века до н. э. После пятисот лет существования она трансформировалась в другую культуру стронтелий маундов, получившую название Хоупвелл. Она продолжала развивать унаследованные от культуры Адена погребальные и другие обряды и быстро вывела их на невиданный ранее уровень. Она достигла ослепительного величия, на фоне которого потускнели даже грандиозные творения предшественников.

Хоупвелл подняли мастерство индейцев Адена на новую высоту. Они необычайно искусно изготавливали украшения из металла и камня. Если Адена иногда окружали свои погребальные маунды простыми насыпями, то Хоупвелл создавали все более грандиозные церемониальные комплексы, которые состояли из разнообразных сооружений: построенных с математической точностью геометрических фигур, площадей и аллей, протянувшихся иногда на многие мили.

Очаг культуры находился на юге Огайо, но посредством торговли и путешествий происходил обмен достижениями и идеями с населением большей части континента к востоку от Центральных равнин. Общины Хоупвелл, однако, не создали единого политического образования. Скорее у них существовала, как выразился сотрудник музея штата Иллинойс Джозеф Р. Калдуэлл, “сфера взаимодействия” — пространство для обмена товарами и идеями.

Тактика погребения в маундах и сопровождающие ее церемонии способствовали связям между отдельными общинами на юге Огайо. Эти связи укреплялись благодаря общим традициям и возрастающим потребностям элиты в церемониальных объектах и предметах заупокойного культа, для создания которых зачастую требовались экзотические материалы. Эти потребности могли быть удовлетворены только путем установления хорошо развитой сети торговых связей. Она простиралась от Скалистых гор до Атлантического океана и от Великих озер и Канады до побережья Мексиканского залива.

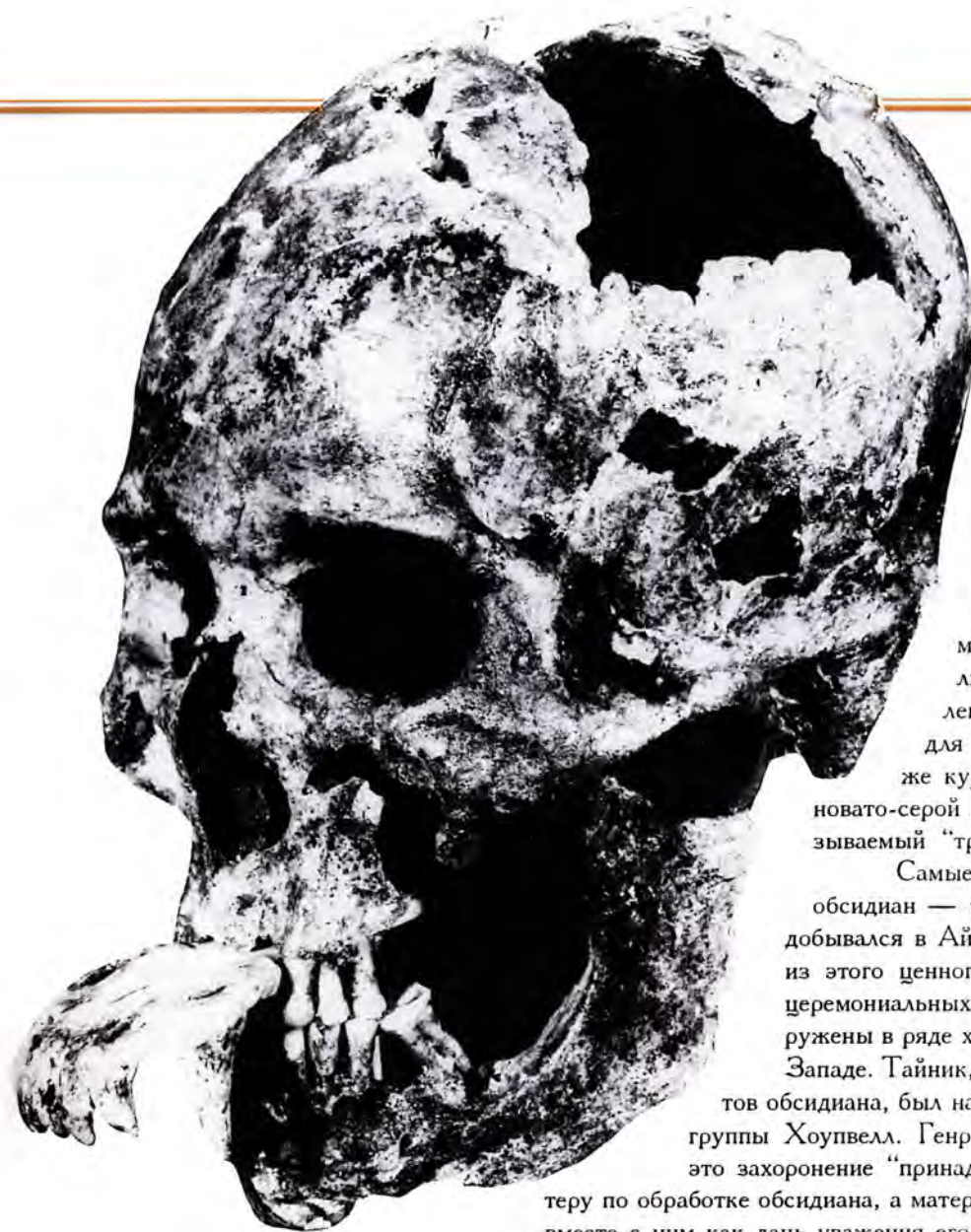
Способы погребения, существовавшие в эпоху Хоупвелл, в основном не отличались от тех, которые практиковались в последние годы эпохи Адена. Три четверти обследованных погребений содержали остатки кремаций, в остальных захоронениях были обнаружены срубные гробницы.

Что действительно отличает хоупвеллские погребения, так это поразительная роскошь предметов, которые сопровождали умершего. С целью пополнения экспозиции Всемирной выставки в Чикаго, проходившей в 1893 году, Уоррен К. Мурихед провел в Огайо раскопки на территории поместья капитана Клода Хоупвелла, по имени которого была названа культура. Мурихед раскопал 15 маундов из более чем тридцати, возвышавшихся в этом месте. Заложив 5 шурфов в самом большом маунде, достигавшем 150 метров в длину, 54 — в ширину и 10 — в высоту, он обнаружил группу из 48 захоронений и на редкость богатый набор медных изделий. Среди них были изображения рыб и птиц, предметы геометрической формы и головной убор с украшением в виде рогов оленя, сделанный из покрытого медью дерева. Рядом с ними лежали 23 нагрудника и 67 топоров, один из которых весил 17 килограммов и мог служить только культовым целям.

Тремя десятилетиями позже Генри Шетрон нашел в том же маунде останки высокого молодого человека и девушки, лежащие бок о бок. Исследователя сильно потрясло увиденное: “Около головы, шеи, тазовой кости и колен девушки, фактически окружая весь скелет, лежали тысячи бусин жемчуга и пуговицы из дерева и камня, покрытые медью. Вдоль одной из стен на всю длину могилы протянулся ряд медных ушных украшений. Запястья девушки украшали медные браслеты. В уши обоих умерших были вставлены медные украшения. Оба носили ожерелья из клыков гризли и медные нагрудники”. Последним штрихом были закрепленные на каждом черепе искусственные носы из меди.

Подобные богатые клады привели к тому, что людей Хоупвелл стали называть египтянами Северной Америки. Только из маундов в поместье капитана Хоупвелла были извлечены 100 000 речных жемчужин. Эти жемчужины из притоков реки Огайо использовались для изготовления бус или нашивались на одежду. Одинокое захоронение в другом маунде содержало 12 000 жемчужин, 35 000 перламутровых бусин и 20 000 бусин из раковин, а также несколько золотых и медных листков и бусины из метеоритного железа. В других маундах были найдены медные фигурки птиц, черепашек и людей, много жемчуга и сотни фигурных курительных трубок, многие из которых были поломаны. Согласно мнению Роберта Сильверберга, автора популярных книг на эту тему, “эти яркие проявления очевидного потребительства” означали “чрезмерную любовь к роскоши”.

Основными торговыми путями для индейцев Хоупвелл являлись реки. По притокам Огайо, таким, как Майами и Сиото, почти достигавшим на севере Великих озер, можно было доставлять медь и серебро из рудников, находящихся в районе озер Верхнего и Онтарио. Слюду для украшений привозили на каноэ из Северной Каролины.

Человеку культуры Адена, череп которого был найден в маунде в Кентукки, были удалены верхние зубы. Это было сделано при его жизни, чтобы он мог вставлять себе в рот верхнюю челюсть волка. Вероятно, этот человек был шаманом и носил ее в качестве волчьей маски во время ритуалов или церемоний. Челюсть могла использоваться также для обряда "превращения", когда человек должен был перевоплотиться в волка.

Панцири черепах шести видов, челюсти барракуд, раковины и зубы аллигаторов из Флориды и с побережья Мексиканского залива перевозились на каноэ по реке Чаттахучи в Теннесси, а затем по Огайо достигали поселений людей Хоупвелл, где из них изготавливали украшения. На территории современного Сент-Луиса добывали галенит, или свинцовый сульфид. При его растирании получали серый пигмент, которым затем раскрашивали лица и тела. В обратном направлении, из Огайо, вывозился кремнь для изготовления инструментов, а также курительные трубки из особой красновато-серой глиносодержащей породы (так называемый "трубочный камень").

Самые длинные путешествия совершал обсидиан — темное вулканическое стекло. Он добывался в Айдахо и Вайоминге. Изготовленные из этого ценного материала ножи и наконечники церемониальных метательных снарядов были обнаружены в ряде хоупвеллских поселений на Среднем Западе. Тайник, содержащий несколько сотен фунтов обсидиана, был найден около скелета в маунде № 11 группы Хоупвелл. Генри Шетрон выдвинул теорию, что это захоронение "принадлежало главному общинному мастеру по обработке обсидиана, а материал для его ремесла был захоронен вместе с ним как дань уважения его высокой должности".

Обмен как сырьем, так и товарами мог происходить в специальных местах, отведенных для торговли, неподалеку от поселений. Однако не исключено, что индейцы Хоупвелл предпринимали и длительные торговые экспедиции. Ремесленники превращали материалы, проходящие через торговые сети, в маленькие шедевры. Прекрасные образы, заимствованные из окружающего мира, воплощались в слюде и меди. Великолепно обработанный камень и глиняные трубки обретали форму животных. Некоторые керамические изделия вышли за рамки чисто утилитарного применения. Теперь они служили не только для приготовления пищи и хранения продуктов, они стали предметами искусства. Их гладкую поверхность покрывали вырезанные по глине симметричные изображения хищных птиц, животных и т. п.

Фигурки людей, вылепленные из глины или вырезанные из камня и бивней мамонта, показывают нам, как были одеты люди культуры Хоупвелл. Мужчины носили набедренные повязки. Женщины в теплую погоду носили только длинные юбки, которые закрепляли ремешком на талии. Одна из таких фигурок изображает человека с волосами, завязанными в узел надо лбом. Это было отличительной чертой шамана более поздних индейцев Великих равнин. Другая фигурка уже без всяких сомнений изображает шамана, одетого в церемониальную медвежью шкуру и держащего в руках человеческую голову. Некоторые изображают женщин с детьми на руках или в заплечных сумках.

Качество и количество подобных предметов позволяют предположить существование прослойки почти профессиональных ремесленников. На это указывает не только высокое мастерство их изготовления, но и огромное множество одинаковых образцов, например, фигурных трубок. Некоторые из этих предметов, видимо, производились специально для похоронного обряда. Однако с полной уверенностью археологи не могут этого сказать. Может быть, предметы повседневного пользования просто случайно попадали в погребение раньше, чем успевали послужить утилитарным целям. Или, возможно, они изготавливались для определенного человека в качестве талисманов. В любом случае, они не имеют следов износа. Иногда встречаются предметы, например, некоторые лезвия из меди, слюды или обсидиана, которые имеют весьма необычные формы и размеры. Это говорит о том, что люди Хоупвелл эстетичность предпочитали целесообразности.

Археологи предполагали, что особая прослойка ремесленников, равно как и широкая сеть торговли результатами их труда, могла существовать только при прочной экономической системе и поддержке

Извивающийся по гребню горы в округе Адамс, штат Огайо, Большой Змеиный Маунд изображает змея, хватающего пастью добычу. О происхождении этого самого крупного фигурного маунда ничего не известно. Однако археологи склонны относить его к культуре Адена, так как обнаруженные неподалеку древние дома и погребальные маунды имели традиционную для Адена конусообразную форму.

со стороны верхушки общества. Элита была способна также мобилизовать и воодушевить массы на осуществление грандиозных проектов, требующих коллективного труда. Земляное сооружение в Ньюарке, штат Огайо, некогда покрывало 10 с лишним квадратных километров. Потребовалось почти 3 миллиона человеко-часов, что представляет собой 300 лет непрерывного труда, если по одной корзине переместить те 189 тысяч кубических метров земли, из которых сооружен этот замкнутый комплекс. Сейчас на части его территории, принадлежащей Историческому обществу штата Огайо, располагаются общественный парк и площадка для игры в гольф.

Не менее, чем энергия, затраченная на осуществление подобного предприятия, впечатляет тщательность инженерных расчетов. Без них подобное строительство было бы невозможным. Джеймс А. Маршалл, инженер из Илинойса, обследовав более чем 200 поселений, обнаружил невероятную точность в сооружении построек. Вследствие этого он выдвинул теорию о существовании хоупвеллской математической школы, которая обладала знаниями о правильном треугольнике и других понятиях геометрии. Согласно Маршаллу, хоупвеллские инженеры, как и современные архитекторы, сначала изготавливали модели предполагаемых построек в определенном масштабе. Затем они размечали план сооружения, используя стандартную единицу длины, равную 56,25 метра.

Никто не знает, для чего были предназначены фигурные маунды культуры Хоупвелл. Некоторые исследователи полагают, что они не только служили местом собраний определенных кланов, но и представляли собой символ самого клана. Другие находят в комплексе Ньюарка и других хоупвеллских сооружениях помимо точности инженерных расчетов еще и привязку к определенным астрономическим

Речной жемчуг, подобный этому, высоко ценился людьми Хоупвелл. В погребениях он был найден в огромных количествах. Один из исследователей утверждает: "В эпоху строителей маундов во владении одного племени индейцев жемчуга было не меньше, чем у любого королевского двора Европы".

ЩЕДРОСТЬ МАУНДОВ: СОКРОВИЩА ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

Люди Хоупвелл посвящали своим умершим великое множество разнообразных предметов. Эта культура по количеству и качеству погребальных подношений превосходит любую культуру, когда-либо существовавшую на территории Северной Америки. Богатство ее маундов вполне сопоставимо с сокровищами египетских гробниц.

Речной жемчуг, который в изобилии встречается в захоронениях, люди Хоупвелл добывали сами. Большую часть других материалов они привозили из отдаленных регионов континента. Медь — из района озер Верхнего и Онтарио.

Обсидиан — из Айдахо и Вайоминга. С побережья Мексиканского залива доставлялись экзотические раковины. Люди Хоупвелл установили обширные торговые связи. Это свидетельствует как об их находчивости, так и о той важности, какую они придавали предметам ритуального культа.

Получив сырье, искусные ремесленники превращали его в красивейшие изделия, иногда имевшие весьма замысловатую форму. Большинство из них изображали зверей и другие объекты живой и неживой природы. Некоторые подобные предметы изображены на этих рисунках.

Эта изображенная в натуральную величину рыба чукучан, или рыба-буйвол, которая была найдена в

1892 году в погребальном маунде в поместье Хоупвелла, возможно, служила символом подземного мира.

Эта стилизованная голова змеи с раздвоенным языком имеет в длину 50 сантиметров. Она сделана из тонкого листа меди. Ее обнаружили в самом крупном из 40 погребальных маундов поместья Хоупвелла.

Когтистая птичья лапа была вырезана из слюдяной пластинки не менее 1800 лет назад. Удивительно, что удалось извлечь ее неповрежденной из погребального маунда в поместье Хоупвелла. Сама слюда, видимо, была привезена из Северной Каролины.

Лебедь-трубач из Сейл Маунда в Огайо изготовлен из черепахового панциря. Это весьма распространенный мотив в искусстве североамериканских индейцев. Кромка, похожая на зубцы пилы, естественного происхождения. Она являлась соединительным швом между двумя пластинами панциря рептилии.

явлениям. Эти ученые считают, что маунды использовались одновременно как обсерватории для наблюдения за движением Луны и Солнца и как церемониальные центры. Иного мнения придерживается Джеймс Б. Гриффин, заслуженный профессор Мичиганского университета в отставке и признанный глава всех археологов на территории восточных лесных массивов. Он считает спорным, что “земляные сооружения были построены с великой точностью и исключительно для астрономических наблюдений”.

Любовь хоупвелльского “высшего общества” к церемониям составляет контраст с образом жизни его простых людей. Раньше археологи направляли свои усилия исключительно на исследование маундов. Лишь в течение трех последних десятилетий они стали уделять некоторое внимание хоупвеллским селениям. В 60-е годы нашего столетия археолог Олаф Пруфер выдвинул так называемую “гипотезу деревень”. Она основывалась на его собственных полевых исследованиях и на работах других ученых. Пруфер предположил, что люди Хоупвелл жили в отдельных “полупостоянных, периодически меняющих свое местоположение селениях или деревнях”, находящихся недалеко от церемониальных центров.

Дальнейшие археологические исследования в некоторой степени подтвердили идею Пруфера. Люди Хоупвелл, как выяснилось, жили большими семьями, до 13 человек, в прямоугольных или овальных домах, похожих на вигвамы позднейших индейцев. Деревня состояла из небольшого количества подобных домов, иногда всего из трех. Обитатели многих селений периодически собирались в церемониальных центрах для погребений и других ритуалов или для возведения новых земляных сооружений.

Пруфера интересовали не только проблемы планировки селений. Он вмешался в давний спор по поводу источника существования людей Хоупвелл. Зависели ли они, как и Адена, от охоты на мелкую дичь и собирательства? Или они выращивали сельскохозяйственные культуры, возможно, даже маис? В поисках ответа на эти вопросы Пруфер обследовал более трех десятков крошечных селений в Огайо, диаметр площадок, на которых они были построены, не превышал 30 метров. Затем, в 1963 году, он узнал о существовании в самом центре территории Хоупвелл, в двух милях к югу от Чилликотэ, поселения, которое скоро должно было быть разрушено в связи со строительством скоростной автомагистрали.

Внешние признаки не были многообещающими, не было даже уверенности, что здесь действительно некогда было селение. Однако Пруфер и его ассистенты наткнулись на культурный слой на глубине всего 20 сантиметров от по-

верхности земли. Содержащий фрагменты керамики и другие артефакты пласт толщиной в 30 сантиметров занимал территорию 28,5 на 42 метра. Эта богатая археологическая “жила”, датируемая приблизительно 400 г. н. э., представила убедительные свидетельства того, чем питались люди Хоупвелл. В мусоре были найдены 2000 раковин моллюсков и остатки диких растений. Пруфер обнаружил также одно отдельное зернышко манса и два фрагмента початков. Это позволяло предположить, что люди Хоупвелл достаточно рано начали возделывать манс. Однако это открытие было поставлено под сомнение повторным исследованием этого поселения в 1987 году. Выяснилось, что в более поздние времена здесь также селились люди, которые и могли оставить зерно.

Как бы то ни было, анализ человеческих костей, найденных в маунде, показывает, что люди Хоупвелл если и употребляли манс, то в незначительных количествах. Тем не менее Брюс Д. Смит из Смитсоновского института, так же как и другие исследователи, настаивает на том, что люди Хоупвелл были, по существу, земледельцами. Они располагали свои жилища в долинах рек, где почва плодороднее. В их селениях были обнаружены каменные мотыги и емкости для хранения зерна. Это указывает на сельскохозяйственный образ жизни. Даже до того, как был окультурен манс, они возделывали, по крайней мере, семь различных видов растений, в частности, подсолнечник и тыкву.

Но ни существование земледелия, ни проведение пышных церемоний не спасло культуру Хоупвелл от упадка. Между 300 и 400 годами нашей эры, через четыре века после возникновения, она исчезла. Что явилось причиной ее гибели? Можно предполагать все что угодно: болезни, голод, войну между кланами, бурный прирост населения, необъяснимое крушение торговых связей или климатические изменения, нанесшие удар по земледелию и собирательству.

Какой бы ни была причина, к концу XVIII века, когда набрали силу новые владельцы земли, прибывшие из Европы, церемониальные центры обезлюдели, а земельные сооружения покрылись густыми зарослями. Остались лишь безмолвные могилы.

Племена, пришедшие на смену культурам Адена и Хоупвелл, представляли из себя дезорганизованные группы. Пионеры их называли “ордами дикарей”. Их количество постоянно уменьшалось. Войны с европейцами и занесенные ими болезни не позволяли развиваться индейской культуре. Но достижения их предшественников были действительно выдающимися. Культуры Адена и Хоупвелл, как отмечает д-р Гриффин, прошли путь развития от охотников-собирателей 10 000 лет назад до оседлых земледельцев. Кто знает, каких вершин они могли бы достигнуть, если бы обстоятельства позволили им развиваться по уникальному индейскому пути.

ЗЕМЛЯНЫЕ КОЛОССЫ

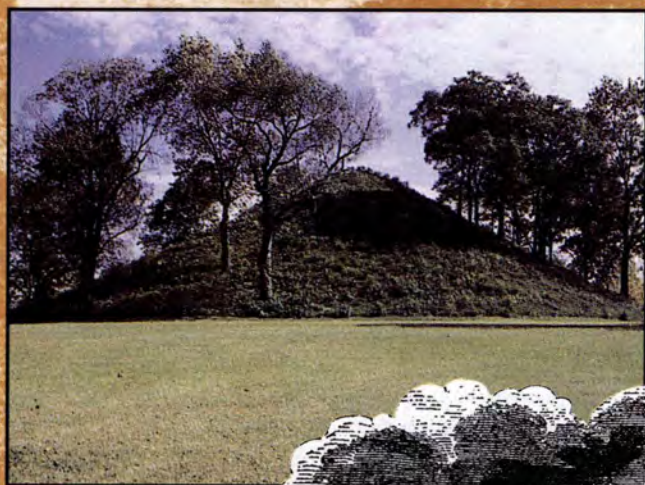

Вновь прибывшим на Средний Запад в начале XIX века не надо было далеко ходить, чтобы увидеть массивные сооружения из земли неизвестного происхождения. “Едва ли можно найти городок или ферму в этой местности, по соседству с которым не возвышаются остатки этих сооружений”, — писал один из таких путешественников в 1811 году. В самом деле, город Сент-Луис был известен как Маунд-Сити (“Город Маундов”) — столь многочисленны были рукотворные холмы, усеявшие его окрестности.

Ближе к восточному побережью интерес общественности к этим монументам подогревался восторженными статьями в прессе. В мае 1883 года в нью-йоркской бульварной газете “Frank Leslie’s Illustrated Newspaper” (“Иллюстрированная газета Франка Лесли”) было опубликовано описание и изображение Менард Маунда (рисунку *вверху*). Эта “гигантская колонна” с почти вертикальными склонами была обнаружена в округе Деша в Арканзасе. В публикации говорилось, что ее высота достигает 30 метров, хотя на самом деле в ней было 10,5 метра. Газете можно было не прибегать к преувеличениям: существовало множество других, более грандиозных сооружений из земли, которые могли произвести на ее читателей впечатление. Например, самые большие пирамидальные маунды Кахокья, индейского города площадью в 120 квад-

ратных километров, вполне сопоставимы с египетской Великой Пирамидой. Основание каждой из них покрывает территорию более чем полгектара. “Какая огромная гора! — воскликнул путешественник, увидев их в 1811 году. — Чтобы воздвигнуть такую гору, должны были потребоваться годы труда тысяч людей”.

К счастью, серьезные исследователи маундов, являвшихся творениями культур Адена, Хоупвелл и Миссисипи, сделали зарисовки и провели исследования многих земляных сооружений. “Мы не жалели усилий, чтобы получить как можно более точный результат”, — с гордостью писали Эфраим Сквайр и Эдвин Дэвис. Отчет об их исследованиях в долине Миссисипи был опубликован в 1848 году. Большинство из этих монументов, которые исследовали эти и другие ученые, не сохранились до наших дней. Они были распаханы фермерами, исчезли в ходе строительства городов и скоростных магистралей, разграблены охотниками за сокровищами. Но благодаря оставленным записям наследие великих культур не было полностью утрачено. Современные археологи используют записи своих предшественников для изучения некогда существовавших монументов. Это помогает им определить предназначение маундов и проникнуть в тайны мастерства их строителей.

На левой фотографии, сделанной в наши дни, изображен Майамисбург Маунд, крупнейший из ныне существующих маундов Адена. Изначально его высота достигала, по крайней мере, 20 метров. В 1869 году в ходе раскопок часть вершины была скрыта. Гравюра, сделанная в 1848 году, показывает, что это не сильно изменило внешний вид сооружения (нижний рисунок). На гравюре, служащей фоном, изображен маунд в Мариэтта, штат Огайо. Он также принадлежит к тем сооружениям культуры Адена, которые избежали уничтожения. Жители поселка использовали его как кладбище.

СООРУЖЕНИЯ ИЗ ЗЕМЛИ: ЦЕЛИ ИХ ПОСТРОЙКИ

Культуры Адена и Хоупвелл изменили ландшафты долины реки Огайо, соорудив тысячи маундов. Все они были построены с одной главной целью — возвеличить умерших. Фактически являясь местами погребения, конусообразные сооружения Адена содержали в себе 50 и более тел и достигали высоты от нескольких метров до 24 метров и выше.

Маунды культуры Хоупвелл также служили для массовых захороне-

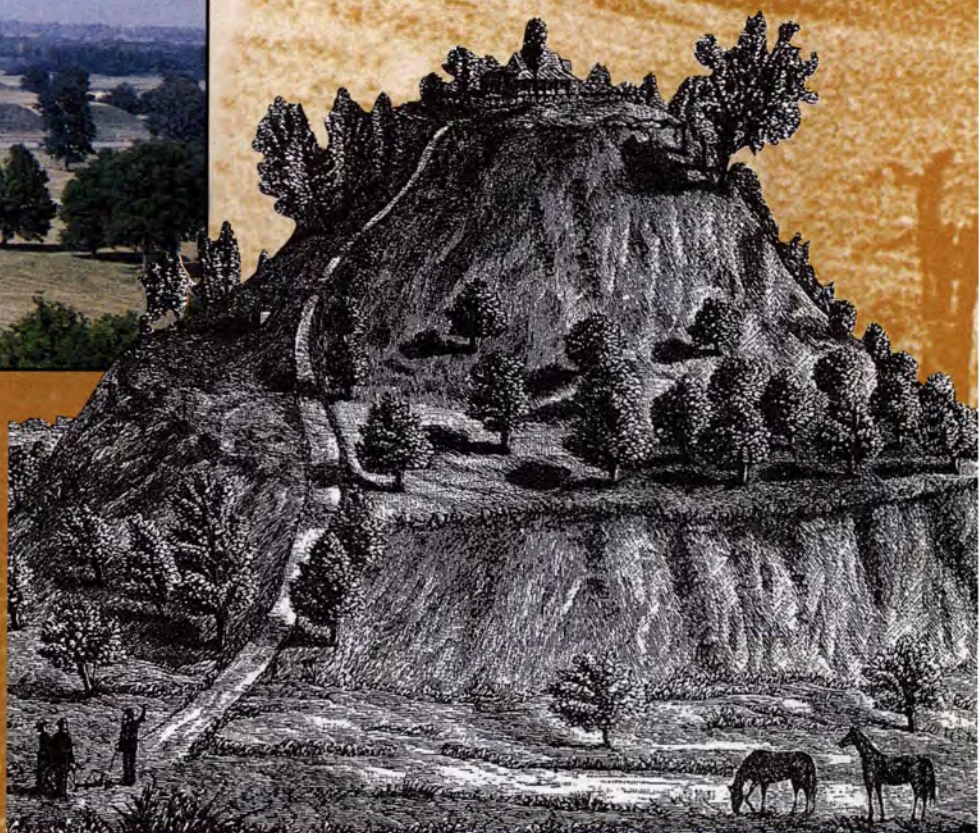
ний. Но в них мертвых хоронили ближе к поверхности, а сами маунды в большей степени росли ширирь, чем ввысь. Еще одно отличие от Адена: люди Хоупвелл снабжали своих умерших большим количеством великолепных предметов. Впоследствии именно это сделало погребальные маунды главной целью охотников за сокровищами.

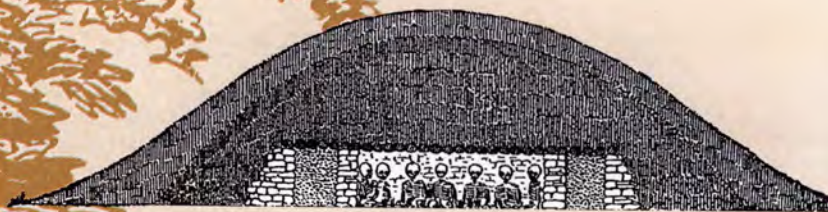
Спустя 600 лет после гибели культуры Хоупвелл в долине Миссиси-

пи и на побережье Мексиканского залива достигла своего расцвета самостоятельная культурная традиция. Ее носители тоже возводили земляные сооружения, но уже с иными целями. Построенные ими маунды, зачастую огромные и с плоскими вершинами, скорее, были центрами общественной жизни, чем местом успокоения умерших. Иногда они служили фундаментом для внушительных построек, подчеркивающих могущество элиты.

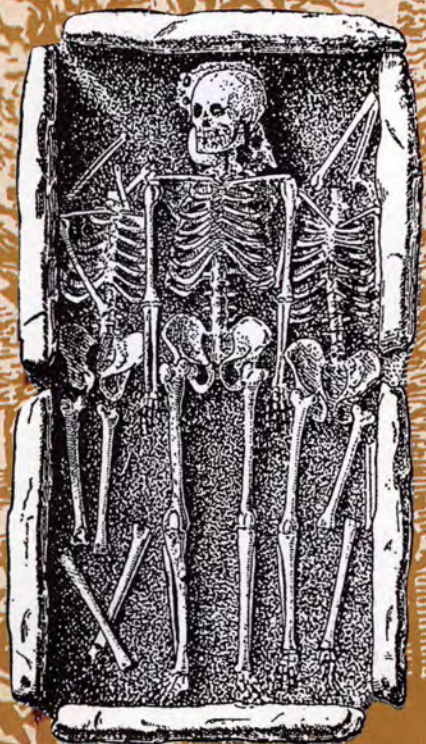

Маунд Монахов в Кахокия, штат Иллинойс (вверху), возвышается почти на 30 метров. Это делает его крупнейшим рукотворным холмом к северу от Мексики. "Мы едва можем поверить, что это — творение человеческих рук", — писал археолог Уильям Мак-Адамс, который в 1887 году опубликовал гравюру с его изображением (рисунок справа). Но он сам выражал сожаление, что изображение настолько сильно урезано, что не передает правильного представления о размерах монумента. Дом на самой верхней из четырех террас был построен человеком, который надеялся спастись там от распри страненной в этих местах малярии.

Этот рисунок выполнен в 1894 году Сайрусом Томасом, которому Отдел этнологии Смитсоновского института поручил исследовать происхождение маундов. На изображении показан в разрезе маунд № 16 культуры Хоупвелл в Делайте, штат Иллинойс. Томас тщательно зарисовал невысокий холм земли и склеп из бревен, использовавшийся для погребения только знатных членов общества. Странной является поза скелетов, так как люди Хоупвелл никогда не хоронили своих умерших в сидячем положении.

На этом рисунке, также взятом из книги Томаса, изображено захоронение в могила-склепе. Такой тип погребений, относящийся к культуре Миссисипи, был распространен на юге Иллинойса. Люди Миссисипи не использовали ям для захоронений. Не сооружали они над умершими и земляных холмов. Однако своих правителей, чтобы подчеркнуть их высокое положение, они часто хоронили под основанием храмовых маундов.

Изображенный здесь дом мертвых (погребальный дом), реконструированный исследователем культуры Адам Доном Драго, скрывал за своими стенами приготовления к погребению и открытые могилы. В определенный момент дом сжигался вместе с остатками людей. Поверх вола насыпалась земля, образуя маунд. Справа хорошо заметны более поздние насыпи, которые возникали по мере появления новых захоронений. Иллюстрация из книги Сквайра и Дэвиса (фон), на которой изображены могила-маунды, показывает, что погребальные земляные сооружения часто располагались группами.

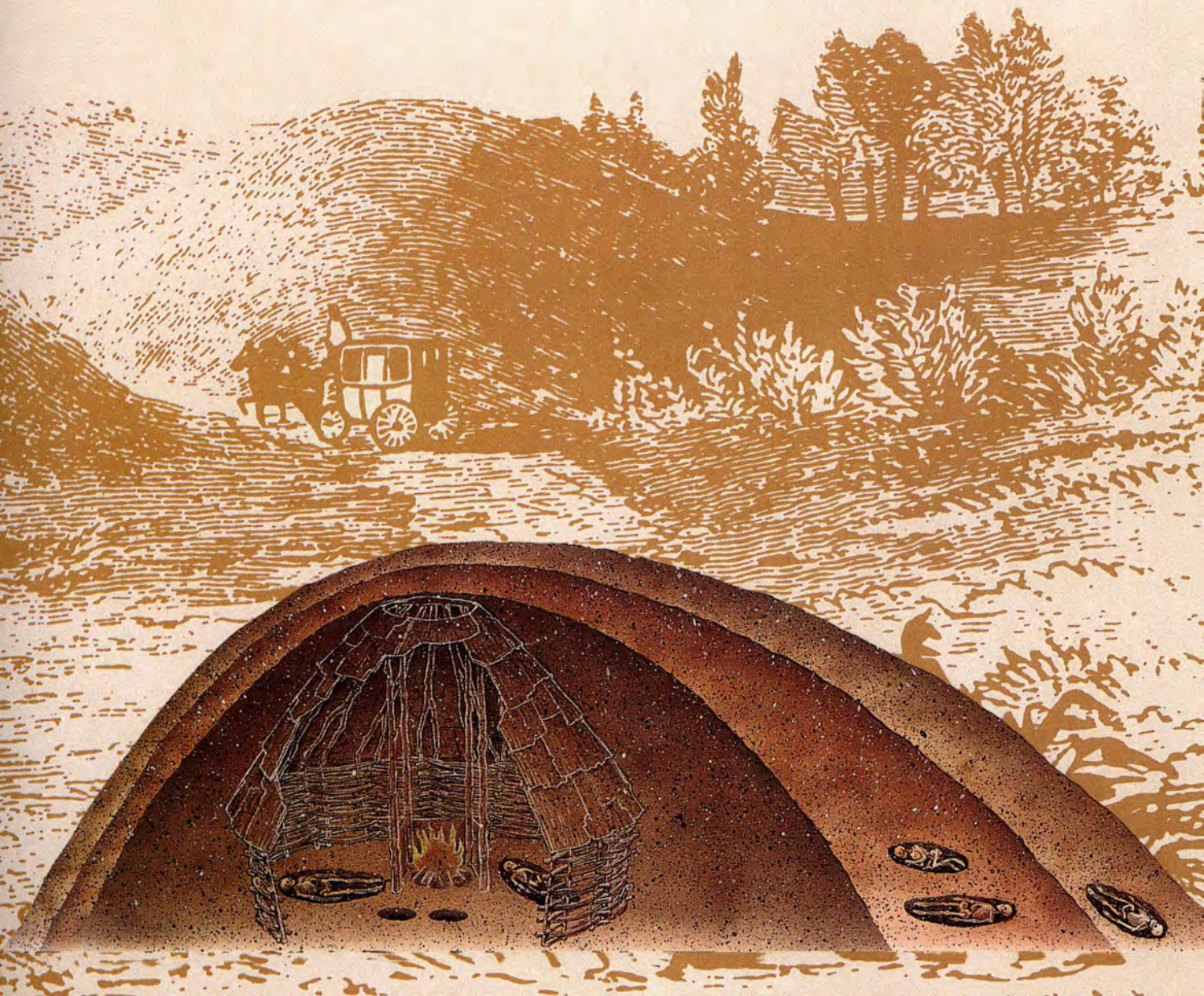
ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ ЗНАТИ

Самые ранние маунды культуры Адена, датируемые 500 годом до н. э., еще не являлись местами массовых захоронений. Каждый из них содержал только одно погребение. Родственники помещали труп или скелет умершего в небольшое углубление, выложенное изнутри и покрытое сверху корой, и затем насыпали над ним земляной холм. Некоторое время, часто на протяжении нескольких поколений, родичи продолжали приносить своих умерших в это место. Они посыпали останки красной охрой и снаб-

жали покойников некоторыми личными вещами, которые должны были служить им в загробном мире. По мере того, как засыпалось землей каждое новое захоронение, маунд разрастался, иногда — до впечатляющих размеров. В более поздние периоды своей истории Адена стали сооружать срубные гробницы, продолжая хоронить умерших и в выложенных корой могилах. Они разрабатывали и более сложный тип погребений, когда останки помещаются внутри погребального дома, над кото-

рым затем насыпают маунд (нижний рисунок).

Люди Хоупвелл также использовали погребальные дома. Они хоронили своих умерших в неглубоких могилах или срубных гробницах, расположенных внутри таких домов. Когда места для новых захоронений уже не хватало, они сносили или сжигали дом, а затем насыпали на этом месте маунд. В отличие от Адена люди Хоупвелл снабжали умерших большим количеством погребальных предметов.

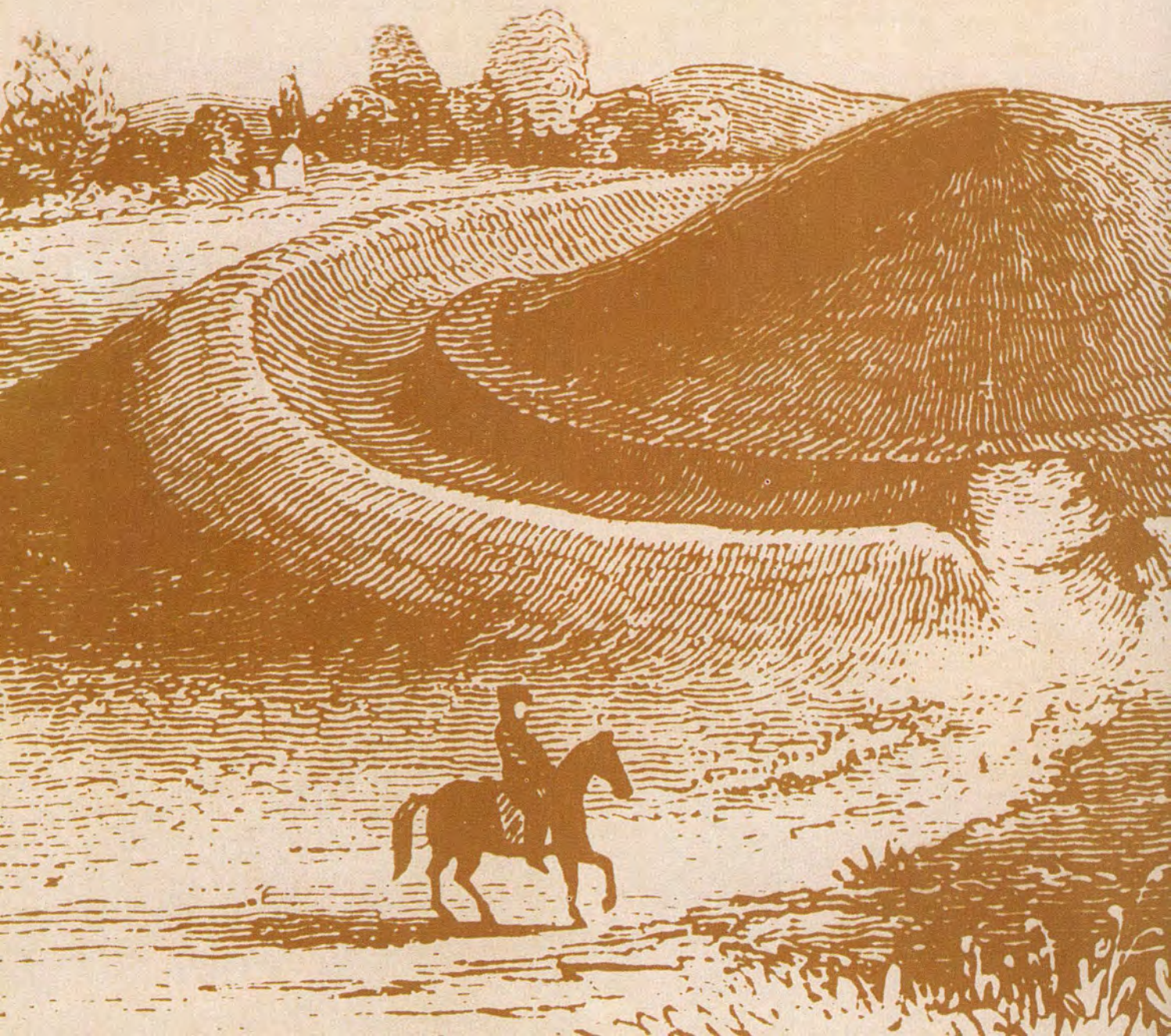
КРУГИ БЛАГОГОВЕНИЯ

В 1848 году Сквайр и Дэвис пришли к "неопровержимому" заключению, что насыпи, окружающие, подобно крепостным стенам, многие маунды Адена и Хоупвелл, обозначали границы "священной и поэтому табуированной, или запретной, территории". Некоторые исследователи XIX века, особенно из военных, считали эти стены фортификационными сооружениями. Однако со-

временные археологи согласны с мнением Сквайра и Дэвиса, что круги ограничивали священную землю.

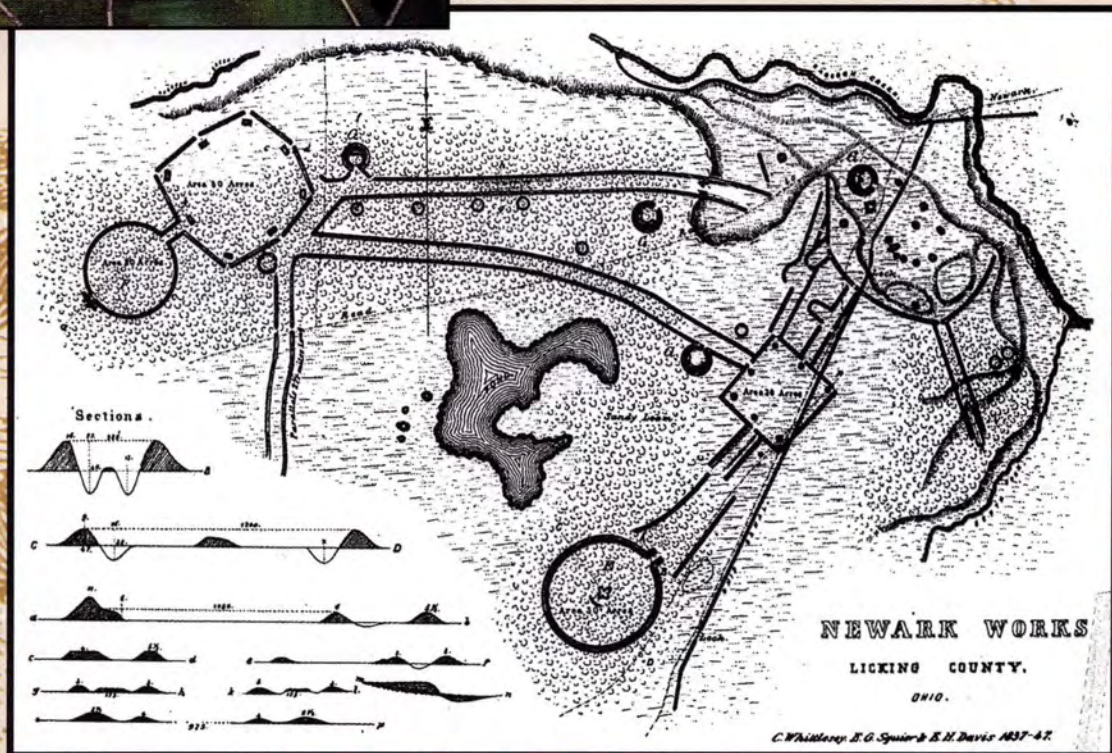
В период заката эпохи Адена сооружались простые ограды (enclosures) из насыпей и рвов. Их диаметр достигал 60 метров. В ограде был единственный проход, который вел к центральному маунду. Подобная система показана на рисунке Сквайра и Дэвиса "Круг и ма-

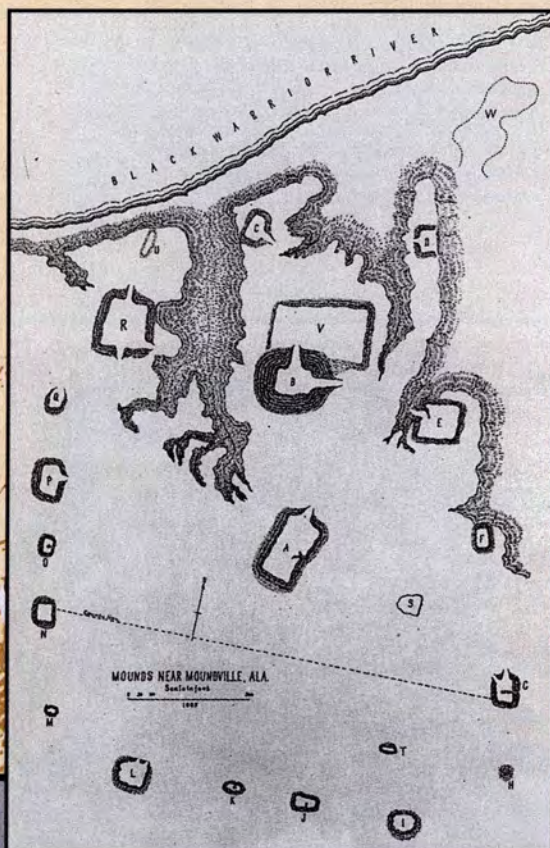
унд, округ Гринап, штат Кентукки" (фон). Люди Хоупвелл стали возводить гораздо более сложные в инженерном отношении сооружения. Они, в отличие от Адена, использовали, помимо окружностей, и другие геометрические фигуры. Часто ограды образовывали системы площадью в несколько квадратных километров, внутри которых заключались десятки маундов.

Группа земляных сооружений Ньюарка в округе Ликинг, штат Огайо, некогда была крупнейшей на территории Соединенных Штатов. Она растянулась на 6,4 километра. На карте, составленной Сквайром и Дэвисом (рисунок внизу), показан изначальный комплекс хопвеллских сооружений с путями сообщений между оградами различной формы. До наших дней дошли лишь отдельные части комплекса. Среди них — эта круговая насыпь с высотой стен в 3 метра и площадью 1 гектар (слева). Она сообщается с восьмиугольником, который занимает еще 2 гектара. Сохранившиеся монументы сейчас являются частью частной площадки для гольфа.

Земляные сооружения в Маундвилле, штат Алабама, по своим размерам уступают только монументам в Кахокия. Они являются центром района распространения культуры Миссисипи, в котором проживало до 10 тысяч человек. 20 крупных платформообразных маундов этого комплекса, созданного между 1250 и 1500 годами н. э., занимают более 12 гектаров плодородных земель (фотография внизу). Составленная в 1905 году карта (слева) показывает планировку, формы и относительные размеры всех маундов, которые группируются у излучины реки Черного воина.

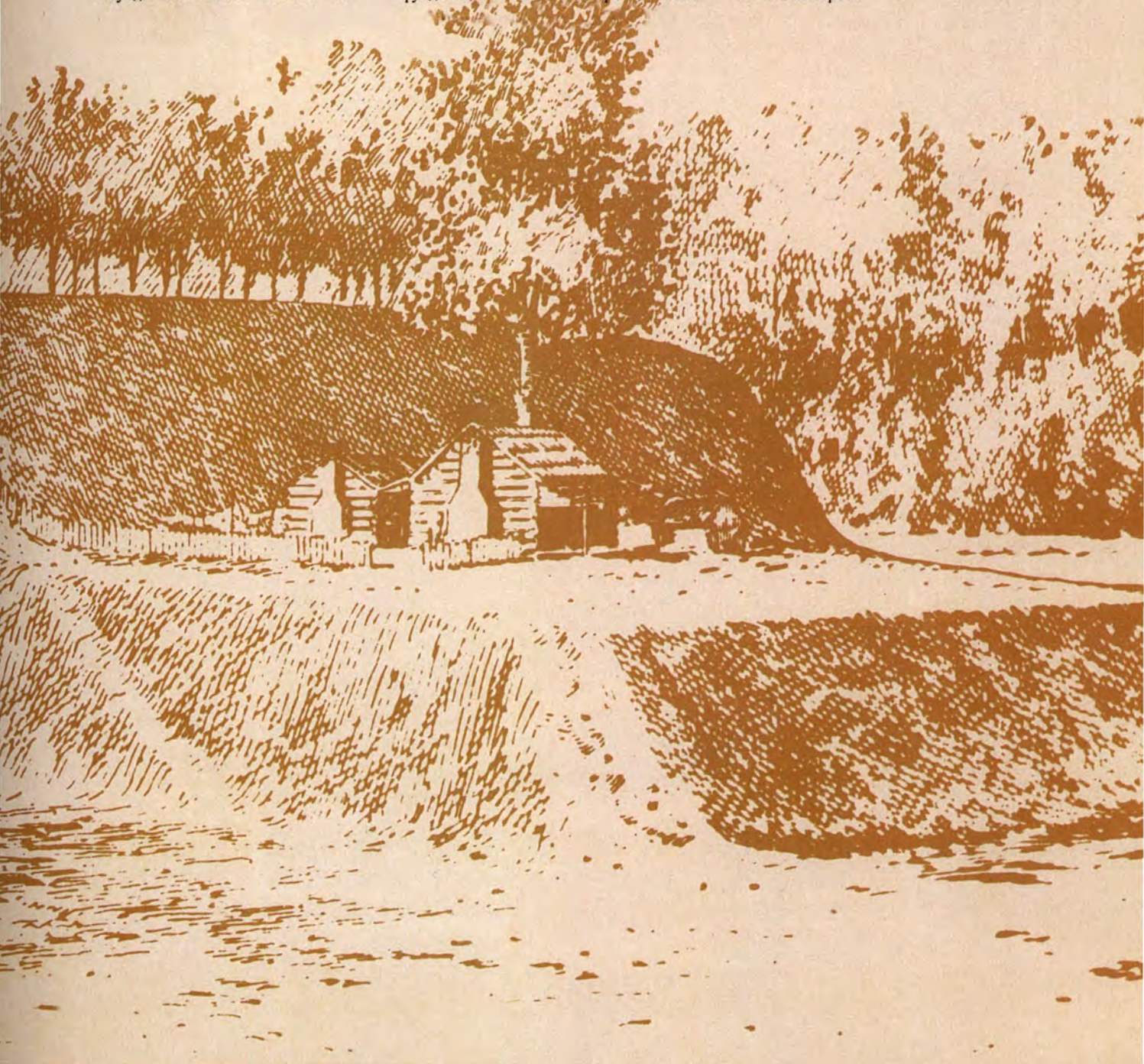
ПИРАМИДЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

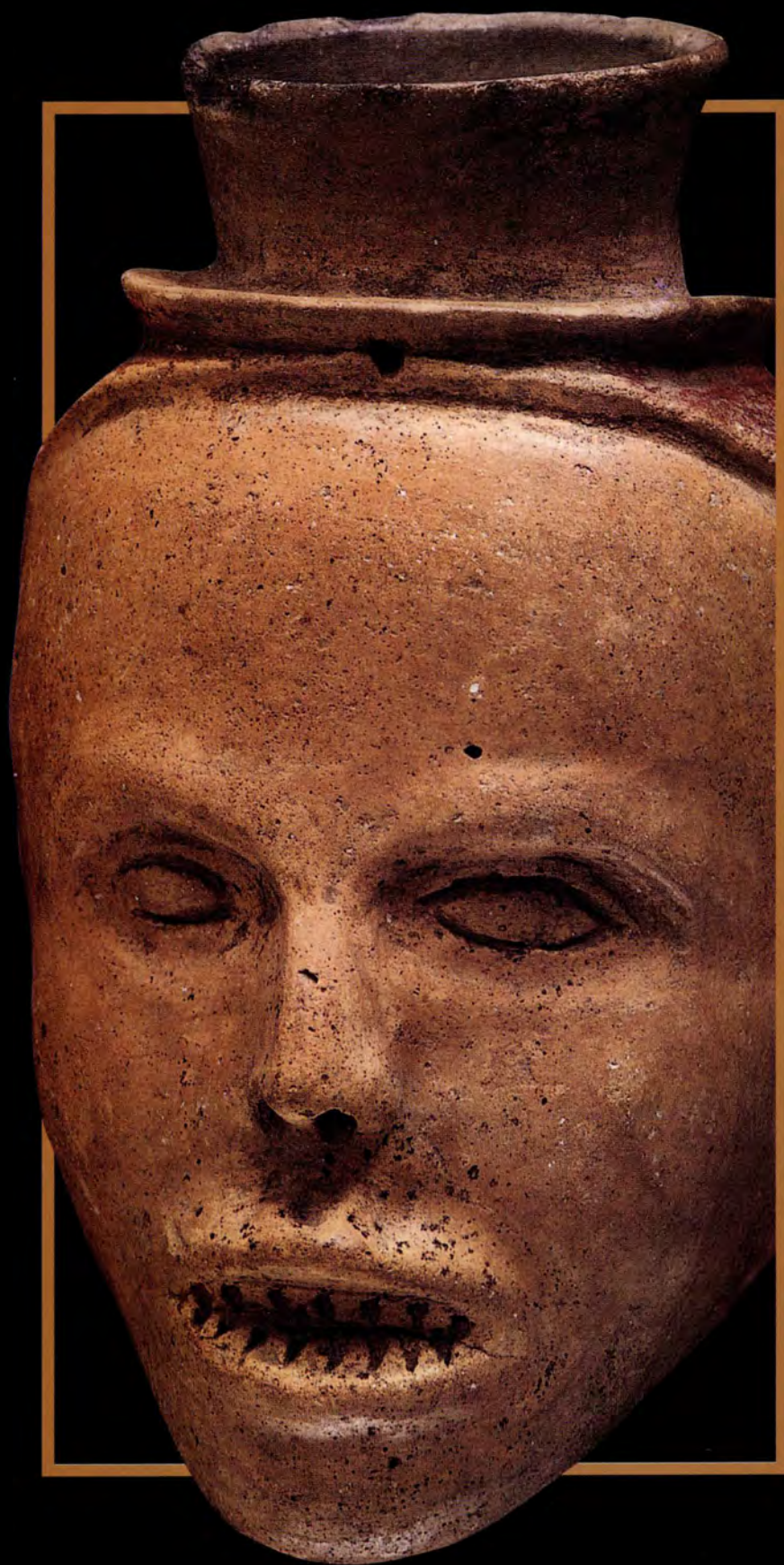
“В Соединенных Штатах существует множество настоящих пирамид, правильной формы пирамид из земли, не облицованных камнем!” — изумленно восклицал Уильям Мак-Адамс. Он, подобно многим другим, отмечал поразительное сходство между огромными маундами культуры Миссисипи и величественными монументами Египта и Мексики.

Маунды Миссисипи обычно име-

ют прямоугольное основание. Самые большие из них превосходят своими размерами крупнейшие сооружения культур Адена и Хоупвелл. Объем маунда Монахов в Кахокия равен 0,6 миллиона кубических метров. Строители этих маундов стремились таким образом вознести над землей храмы, общественные здания и дома знати. Поэтому земляные сооружения, являвшиеся колоссальными фундаментами этих построек, имели

плоскую вершину и часто состояли из двух или трех террас. Подобную конструкцию имеет маунд Де Сото в Арканзасе (фон). Он был так назван в честь испанского конкистадора, который, по преданию, некогда расположил около него свой лагерь. Эти сооружения служили церемониальными центрами для небольших общин, удаленных иногда от них на расстояние 15—30 километров.

СТРОИТЕЛИ ХРАМОВЫХ МАУНДОВ: МОГУЩЕСТВЕННЫЕ И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ

Фрэнк Э. Клементс, глава отделения антропологии университета Оклахомы, самое сильное потрясение в своей жизни испытал в тот момент, когда в конце 1935 года узнал о судьбе крупнейшего в Соединенных Штатах индейского памятника. Вспоминая об этом через 10 лет, он писал, что “великий маунд был изрыт тоннелями вдоль и поперек и опустошен с безумной поспешностью. Куски кедровых бревен были разбросаны по земле. Обрывки одежды из перьев и меха устилали все пространство. Невозможно было сделать и шага, чтобы не наступить на фрагменты керамики, обломки гравированных раковин и бусины из камня, кости и других материалов. Памятник был заброшен: землекопы закончили свою работу”.

Маунд высотой в 10 метров, самый высокий в группе из девяти сооружений, расположен рядом с маленьким городком Спиро в Оклахоме. Он состоял из четырех соединенных между собой холмов, напоминающих профиль морской змеи. Проводившиеся время от времени дилетантские раскопки показали, что это был погребальный маунд, содержащий многообещающее количество ритуальных предметов. Однако разрушения, так поразившие Клементса, были причинены не “охотниками за горшками” — любителями древностей, приезжавшими к индейским памятникам на уик-энд. Это была работа банды мародеров, получивших легальные права на использование этой земли. Они рассчитывали таким образом получить твердые доллары в самые тяжелые дни Великой Депрессии.

Некоторые ученые считают, что это лицо с приоткрытым ртом и безжизненными глазами является портретом одного из “почитавших умерших”. Оно изображено на имеющей форму головы сосуде из арканзасского маунда. Для культур Миссисипи, как известно, было характерно почитать не останки наиболее уважаемых соплеменников.

Прокладывая свой путь среди разрушений, Клементс увидел три тоннеля, ведущие с разных направлений к центру конуса. Все они встречались в большой комнате неправильной формы. Размерами она была приблизительно 4,5 на 6 метров и высотой около 2,4 метра. Ходили слухи, что пол этого помещения был усеян медными нагрудниками, инкрустированными ушными вставками, глиняными сосудами, фигурными трубками и гравированными раковинами. Около одной из стен возвышался алтарь. На нем стояла урна, полная жемчуга. Рядом с алтарем лежал завернутый в саван скелет.

Но Клементс нашел только кучи мусора, бутылки из-под джина и разбросанные повсюду окурки сигарет. При исследовании стен он не увидел следов древней драпировки, о которой твердила молва. Были обнаружены только выемки, оставшиеся от прежних раскопок. Казалось, что современные вандалы не оставили ничего. Клементс был угнетен и подавлен.

На протяжении многих лет местные жители относились к маундам с почтительным вниманием и уважением. Они считали их древними могилами и всеми силами старались не нарушать покоя мертвых. Некоторые говорили, что их мулы пугались, проходя мимо этих груд земли, и что в темные ночи на их вершинах зажигались таинственные огни. Одна женщина, известная как тетушка Рейчел Браун, жившая рядом с маундами, рассказывала соседям, как, проснувшись однажды в полночь, она увидела блуждающие по вершине голубые огни. В их мерцающем свете перед ней предстала весьма странная картина. Несколько коров, запряженных цугом, таскали по вершине кругами маленькую повозку.

Но, разумеется, не дурная репутация этих мест, а удаленность маундов от путей сообщения некоторое время спасала их от охотников за древностями. "Некоторое время" — это значит до 1933 года, когда шесть местных жителей организовали компанию для проведения земляных работ Покала Майнинг Компани (Pocala Mining Company). Они получили на два года в аренду участок с маундами от его нового хозяина, менее впечатлительного, чем Рейчел Браун. Землекопы немедленно приступили к извлечению эффектных артефактов, которые продавали здесь же или рассылали в антикварные магазины. Их деятельность привлекла внимание Национального исследовательского комитета при Государственном Археологическом управлении, который предложил Клементсу проследить за раскопками. С картой в руках он пробирался к тому месту, где, по рассказам местных жителей, парни копали старый маунд.

Большую часть этих двух лет Клементс, как служащий университета Оклахомы, следил за работой арендаторов. Он всеми силами старался убедить их копать аккуратнее, указывая, что за неповрежденные предметы заплатят больше. К сожалению, денежные средства университета закончились летом 1935 года. Клементс, чтобы

A "KING TUT" TOMB IN THE ARKANSAS VALLEY

nature. There were hundreds of rabbits living in perfect comfort and free deep. A six-year-old buck took one of the rabbits of average size and completely killed it. The man had seen a few tails.

[illegible][illegible]

Report of the Joint Fact-Finding Commission on the Causes and Consequences of the 1994-1995 Violence in Rwanda, Vol. 1, Part 1, Chapter 1, Section 1.1, p. 1.

[illegible]

place, such as the lost copies of several Missives in Vietnam, which his hair was directed in the direction, now upon his back, as much of feathers. A large number of his back with a line for a at a time, showed that the hair was a new.

"A neurological jive of the Mr. Baines," exclaimed Brooks. "When an eagle did you get off it relief?"

My name is Ballou of Arkansas and I was John Henry of Spain, get all these things and thousands others. When a second day of relief.

[illegible]

Статья, опубликованная под сенсационным заголовком в газете "Канзас-Сити Стар" (Kansas City Star) 15 декабря 1935 года, поведала о раскопках Спиро Мунда в Оклахоме. Находки действительно были настоящими археологическими сокровищами. Однако в ходе бессистемных раскопок, которые проводились охотниками за сокровищами, было уничтожено столько же бесценных предметов, сколько было найдено. Через несколько месяцев после появления статьи университет Оклахомы и Оклахомское историческое общество получили это место в аренду. Были начаты систематические исследования. На фотографии сверху запечатлен основатель Общества У. П. Кэмпбелл, демонстрирующий некоторые из найденных предметов.

переждать трудный период, согласился на временную работу в Калифорнии.

Зато для компаньонов это последнее лето стало "золотым дном". С уходом Клементса они отбросили всякую осторожность и стали для ускорения работ использовать динамит. Вывоза церемониальные предметы и украшения тачками, они представили XX веку красивейшие реликвии доколумбовой Америки.

И XX век ожидал этого события. Торговцы и коллекционеры держали деньги наготове, чтобы в удобный момент поторговаться о цене на изысканные кубки из раковин и подвески с выгравированными на них мистическими мотивами, огромные топоры и жезлы, медные диски и фигурные трубки, деревянные маски и статуэтки. Сохранившиеся учетные книги содержат такие записи о сделках: “бусы из ракушек — 1200 фунтов” и “бусы из жемчуга — 2 галлона”.

Эта уникальная опись похищенного в Спиро являлась лишь крохотной частью материального наследия, завещанного современной Америке древними людьми, чья культура процветала между 800 и 1500 годами н. э. Занимая половину континента, они распространи-

УВАЖЕНИЕ К МЕРТВЫМ

лись от Висконсина до Мексиканского залива и от побережья Джорджии, через Теннесси, Огайо, Иллинойс, Арканзас и Техас, до Оклахомы. Однако никто не знает, в каком месте зародилась их культура. Ученые используют термин “традиция Миссисипи” (Mississippian Tradition), когда говорят об этих людях, так как многие комплексы маундов сосредоточены в долине Миссисипи.

Удивительно, как быстро эта культура распространилась по важнейшим регионам Американского континента, достигнув высшей стадии развития на территории севернее Мексики. Этот ее взлет во многом был обусловлен появлением нового источника пищи из Мезоамерики — улучшенных сортов маиса. Они позволили общинам Миссисипи совершить скачок от примитивного земледелия Аде-на и Хоупвелл к более роскошному образу жизни. По мере роста жизненного уровня ремесленники, чтобы удовлетворить растущие запросы элиты, должны были с большим мастерством изготавливать изящные украшения и другие предметы, подобные найденным в маунде Спиро.

Развитие культуры Миссисипи стимулировали различные факторы. Многие, если не все, периферийные поселения вели активную торговлю. В качестве путей сообщения они использовали реки, заливы, ручьи, около которых жили. Этот контакт с другими культурами способствовал обмену идеями и товарами, установлению прочных связей и постепенной выработке общих религиозных верований.

В культуре Миссисипи главными религиозными центрами являлись пирамиды с плоскими вершинами. Они были так широко распространены, что создавших их людей теперь часто называют “строителями храмовых маундов”. Эти тщательно разработанные в инженерном отношении рукотворные холмы обычно достигали высоты от 5,4 до 18 метров. На их вершинах возводились храмы, дома совета и резиденции знати. Некоторые маунды были построены вплотную друг к другу и служили церемониальными центрами. Возможно, Спиро был именно таким центром. На вершинах, возможно, проводились ритуалы, связанные с верой в существование Верхнего и Нижнего миров. Такие церемонии собирали обитателей всего региона, помогая им ощутить свое единство. Но многие центры функционировали и как города, где жилища простых людей теснились вокруг массивных земляных сооружений.

Строители храмовых маундов исчезли много веков назад, не оставив о себе письменных свидетельств. Каким же путем шло изучение их культуры? Первые появившиеся в этих местах европейцы записали свои впечатления об обнаруженных ими следах, оставленных культурой Миссисипи. Эти впечатления были, в свою очередь, подкреплены последующими археологическими находками. Артефакты и записки первых путешественников, взятые вместе, снабдили исследователей достаточным количеством сведений. Это позволило спасти ку-

В 1927 году доктор Дон Ф. Диксон, специалист по мануальной терапии и археолог-любитель, начал раскопки в яблоневом саду в своем фамильном имении в округе Фултон, штат Иллинойс. То, что он там обнаружил, могло стать причиной резкого противостояния между индейцами и местными жителями.

Диксон Маунды, как ныне называется этот комплекс площадью в 6,5 гектара, включает в себя доисторические селения, стоянки и укрепленные города в долине реки Иллинойс. Первоначально это название относилось к небольшой группе маундов, исследованных доктором Диксоном и другими археологами. В них были обнаружены погребения людей культуры Миссисипи, которые появились в этих местах около 1100 года н. э. Всего были найдены останки 251 человека. Скелеты, в том виде, в каком их обнаружили, были выставлены для обозрения в местном музее наряду с горшками, орудиями и другими предметами, найденными в могилах. Именно вокруг этой экспозиции и закипели страсти.

В начале 1970-х индейцы в Иллинойсе и других местах начали агитацию за захоронение человеческих останков, мотивируя это необходимостью уважительного отношения к умершим. Население этой территории, на которой находятся 3000 археологических памятников, думало по-другому. Местные жители считали, что экспонаты были тщательно подобраны и хорошо отражают традиции и историю региона.

Вопрос о том, можно ли в музеях хранить или выставлять останки индейцев и священные предметы, обсуждался на протяжении долгих лет. Под давлением со стороны групп защитников индейцев крупные институты, такие, как Смитсоновский институт и Полевой музей в Чикаго, начали возвращать человеческие останки и другие реликвии тем племенам, которые могли доказать свою культурную или биологическую связь с ними. В 1990 году Конгресс принял закон "О защите могил коренных американцев" и Акт о репатриации. Согласно этим документам, федеральные агентства и музеи, финансируемые правительством, были обязаны установить культурную принадлежность своих коллекций индейских скелетов и оповестить об этом их вероятных потомков.

Хотя музей Диксон Маундов не подпадает под действие федерального закона, штат Иллинойс оказывает содействие местным племенам в деле опознания человеческих останков. Однако найти потомков людей Миссисипи, которые покинули долину около 1350 года н. э., оказалось невозможным. Но для коренных американцев, протестующих против хранения в музее человеческих останков, это не было существенным. 6 апреля 1991 года они решили взять дело в свои руки. Перебравшись через слабо освещенную ограду музея, активисты движения символически бросили горсти земли в экспонируемые могилы.

Акция протеста заставила губернатора и законодателей штата действовать более активно. 3 апреля 1992 года штат Иллинойс приказал закрыть музейную экспозицию погребений индейцев, последнюю из подобных экспозиций на территории Соединенных Штатов.

льтуру Миссисипи от полного забвения и предоставить ей достойное место в истории.

В середине XVI века отряд охотников за сокровищами под командованием Эрнандо де Сото пробирался по территориям на юго-востоке Северной Америки. Конкистадоры не могли не заметить, что около многих селений возвышаются земляные сооружения весьма необычной формы: огромные, с плоскими вершинами, маунды, высотой от 15 метров и выше. От индейцев они узнали, что на одном из маундов расположено жилище вождя, а на другом — местный храм. Из любопытства де Сото и его спутники задержались, чтобы посмотреть на то, как индейцы будут увеличивать самый крупный из маундов. Его склоны были настолько высоки и круты, что рабочим пришлось соорудить дополнительные насыпи, чтобы по ним доставлять землю для строительства на самый верх. Корзину за корзиной высыпали они на вершину грунт, а затем утрамбовывали его, пока поверхность не становилась твердой и плоской. С вершины испанцы увидели обширную площадь. За ней, вдали, стоял огромный лес. Его поверхность то здесь, то там разрывали поросшие кипарисом топи и непроходимые озера.

Но осмотр местных достопримечательностей не был основной целью людей де Сото. Они, как и их предводитель, уже были пресыщены тем, что им довелось увидеть в Центральной и Южной Америке. Кроме того, они не испытывали уважения к попадающимся на их пути "дикарям". В погоне за золотом они прошли через десять южных штатов, сжигая деревни и уничтожая их жителей. Помимо жестоких убийств европейцы принесли на эту землю различные болезни, от которых спустя много лет после ухода конкистадоров вымирали целые племена.

Более совершенное оружие и лошади давали испанцам преимущество перед их врагами. Но если они рассчитывали, что индейцы капитулируют или убегут, то они жестоко ошибались. Участники экспедиции писали впоследствии, что любой конкистадор, неосмотрительно покинувший пределы лагеря, убивался из засады индейцами, которые его немедленно скальпировали или обезглавливали. Люди де Сото, к своему ужасу, вскоре выяснили, что их стальные доспехи не могут служить надежной защитой от индейских стрел. По ночам индейцы раскапывали испанские погребения, разрубали покойников на куски и развешивали их на деревьях в качестве ужасного предупреждения живым.

Местные племена проявляли настойчивое упорство, сопротивляясь пришельцам на всем протяжении их пути. Женщины и даже маленькие дети сражались насмерть. В случае угрозы пленения они сами убивали себя. Это была война без победителей. Многие испанцы, в том числе и де Сото, не выдержали изнурительного перехода, а выжившие вернулись с пустыми руками. Селения местных жителей

были опустошены, а их культура пришла в упадок. Однако своим отношением к иноземному вторжению эти строители маундов продемонстрировали тот характер, благодаря которому культура Миссисипи достигла своей вершины.

Позже, в самом конце своего почти тысячелетнего существования, сохранившиеся очаги древней культуры заставили обратить на себя более пристальное внимание. Европейские путешественники, в отличие от де Сото, стали подробнее описывать все увиденное. Тем самым они открыли новые страницы истории обитателей этих мест. Например, натчезы, жившие в нескольких поселениях в окрестностях современного города Натчез в штате Миссисипи, обладали единой племенной структурой. Они дольше всех сохранили традиции строителей маундов и их самобытную культуру. Несмотря на предвзятое отношение со стороны европейцев, их общество было сохранившейся частицей великого прошлого. Антуан Ле Паж дю Прац, голландский поселенец, живший в колонии Луизиана в начале XVIII века, восемь лет провел среди натчезов. Он стал их самым выдающимся летописцем. Перед ним, как ни перед кем из предыдущих исследователей, строители храмовых маундов предстали во всем своем великолепии.

Высший правитель натчезов, как выяснил дю Прац, носил титул Великое Солнце. Он считался живым божеством и, согласно поверьям, был потомком, или даже родным братом самого солнца. Ему помогал высший военный вождь, его земной брат Татуированный Змей, а также несколько других членов Солнечной фамилии, включая Женщин-Солнца — его мать и сестер. Ниже на иерархической лестнице стояли вожди семи отдельных районов, или селений-спутников. Эти и другие люди, занимавшие высокое положение в обществе, были более отдаленными родственниками Великого Солнца. Их также почитали как членов “Первой семьи”. На следующей ступени находились знатные и почитаемые люди. Еще ниже стояли простые общинники, которые трудились не покладая рук, чтобы обеспечить своих правителей пищей, и своими руками возводили величественные маунды. Согласно сообщениям европейцев, на языке натчезов эти несчастные назывались “зловонными”.

Сам вождь Великое Солнце жил на вершине платформобразного маунда в административной и религиозной столице племени. Некоторые путешественники называли ее Большой Деревней, хотя она была не крупнее, чем другие селения. Каждое из них обладало своим собственным центром, состоящим из храмового маунда и нескольких построенных на вершинах маундов домов для элиты. В комплекс входила и большая центральная площадь. Остальная часть общины была разбросана по окрестностям в форме отдельных семейных домов и

крохотных деревенок. Жившие в них люди обрабатывали маленькие участки земли. Впечатляющим было не только жилище на вершине колоссального маунда, но и все остальное, связанное с Великим Солнцем. Он носил царскую корону из белых перьев. Его босые ноги не должны были касаться земли. Во время его редких прогулок перед ним расстилали циновки. Обычно его носили в паланкине под балдахином из цветов. Остатки подобного рода паланкинов были найдены археологами в различных погребениях культуры Миссисипи. Хотя Великое Солнце и держал свой народ в полном подчинении, он, как заметил дю Прац, признавал, что область его владений постоянно уменьшается. "Прежде наш народ, — говорил он, — был многочисленным и могущественным. Требовалось 12 дней, чтобы пройти наши земли с востока на запад, и 15 дней, чтобы пересечь их с севера на юг". Теперь его владения ограничивались небольшими общинами, в которых проживало 4 тысячи человек или около того, как он сам говорил. Но это все равно значительное количество, хотя и наверняка преувеличенное.

Власть Великого Солнца над жизнями и имуществом своих подданных продолжала быть абсолютной. Как отмечал другой исследователь, французский историк иезуит Пьер Шарлевуа, "отцы семейств никогда не нарушали обычая приносить в храм первые плоды того, что они собирали. Так же они поступали со всеми подарками, которые получал их народ. Они оставляли их возле дверей храма. Храмовый смотритель сначала предлагал подарки духам, а затем относил вождю, который распределял их по своему усмотрению".

Все же Великое Солнце, как и все люди, был смертен. Согласно французскому исследователю, когда Великое Солнце покидал этот мир, его преемником становился ближайший родственник по женской линии, а не по его собственной или по линии его братьев. Хотя наследование было матрилинейным и мать Солнца была окружена почетом, правителем мог быть только мужчина. Напротив величественного жилища Великого Солнца, на другой стороне открытой площади, возвышался еще один огромный маунд. Он являлся ежедневным напоминанием о путешествии через смерть к вечной жизни. На одной из его сторон была лестница с широкими ступенями. Она вела к деревянному храму, построенному на вершине. Внутри храма на погребальных носилках лежал скелет предшественника нынешнего Великого Солнца. В свое время этот высший вождь, как и остальные Великие Солнца, был погребен в соответствии с величественной церемонией.

В 1725 году дю Прац и несколько его французских коллег были удостоены чести стать свидетелями обрядов, связанных с погребением Татуированного Змея — брата Великого Солнца. Согласно обычаю, все приближенные великого воина следовали за ним, более или менее добровольно. Вместе со своим господином

в загробный мир последовали две его жены, сестра, которая, по слухам, сделала это без большой охоты, военные помощники, главный слуга, лекарь, кормилица, носитель его курительной трубки, человек, изготавливавший для него жезлы, и другие слуги. Были также добровольцы, которые пожертвовали собой или своими детьми, рассчитывая получить за это вознаграждение при жизни или после смерти.

Тело Татуированного Змея, роскошно одетое и раскрашенное, с великолепными мокасинами на ногах для предстоящего путешествия, было выставлено для прощания. В это время людей, которые должны были сопровождать его в загробный мир, подводили к “циновкам смерти” вне храма. На их головы должны были накинуть куски оленьей кожи, а затем удушить веревкой. Не очень радостная перспектива, даже для добровольца-энтузиаста. Тем не менее жены более всего ожидали этого момента. Они были убеждены, что загробная жизнь будет значительно лучше земной. Любимая жена Татуированного Змея незадолго до конца пыталась объяснить дню Працу и его товарищам, что они не должны оплакивать вождя или его семью и друзей. “Он сейчас в стране духов, и не позже чем через два дня я присоединюсь к нему. Я ему расскажу, что ваши сердца были потрясены видом его мертвого тела. Не печальтесь. В загробном мире мы будем друзьями значительно дольше, чем здесь, ибо там уже никто не умрет. Там всегда стоит прекрасная погода, никто не испытывает чувства голода, и люди больше не воюют друг с другом”.

После церемонии дом Татуированного Змея был сожжен. Обычай требовал, чтобы на его месте был насыпан новый маунд. Однако на этот раз обычай исполнен не был. Племя натчезов было ослаблено в результате эпидемий оспы и гриппа, завезенных из Старого Света. Когда их хрупкая дружба с французами превратилась в 1729 году в открытую войну, натчезы смогли оказать лишь краткое сопротивление, прежде чем были окончательно уничтожены. Вместе с ними угасли и последние очаги культуры Миссисипи.

В других областях своего распространения строители маундов и их впечатляющие монументы уже были забыты и заброшены. Постепенно прошлое начало возникать из небытия. В середине 30-х годов XVIII века некий колонист в Джорджии обнаружил странные возвышения около Окмульджи, к северу от Макона. Он их описал (как потом выяснилось, неверно) как “три горы, возведенные индейцами над тремя Великими Царями, погибшими в войнах”. В последующие годы путешественники будут останав-

Эта фигурка, высотой немногим более 12 сантиметров была найдена около Кахокья. Похоже, она изображает женщину за работой. Женщина стоит на коленях на початках кукурузы перед каменной вертоеркой. Ее длинные прямые волосы заправлены за уши. Вся ее одежда состоит из куска ткани, обернутого вокруг талии в виде короткой юбки.

ливаться здесь, чтобы поразмышлять о происхождении этих заброшенных сооружений. Устная традиция местных племен не могла ничего сообщить о маундах или их строителях. Тем не менее, как уверяли индейцы, иногда в предзакатные часы около маундов можно было услышать пение призраков.

Немногим более 160 километров к северо-западу от Окмульджи и обитающих там голосов располагался еще один комплекс маундов, получивший название Этова. В 1819 году священник Элиас Корнелиус составил его описание для читателей "Журнала Силлимана" (Silliman's Journal), популярного научного издания того времени. Отмечая, что он видел многие рукотворные маунды и много о них читал, он говорил, что никогда ранее не встречал земляных сооружений "таких размеров, как те, которые я сейчас описываю". Посетив это место в сопровождении восьми индейских вождей, Корнелиус нашел углубление шириной 6 и глубиной 3 метра. К его удивлению, он не обнаружил рядом кучи земли, которая должна была образоваться при выкапывании ямы. "У меня больше не осталось сомнений по поводу того, куда делась эта земля, — писал он, — так как, пройдя всего около 200 метров сквозь редкий лес, я наткнулся взглядом на колоссальную грудку земли, размеры которой были пропорциональны объему углубления".

Чтобы определить ее размеры, Корнелиус срезал длинную лозу и сделал самое большее, что было в его силах. При помощи своего импровизированного измерительного инструмента он установил, что высота сооружения не может быть меньше 22 метров. Длина основания, как выяснилось, была 334 метра. Вершина представляла из себя плоскую платформу. За 200 лет она так поросла буйной растительностью, что Корнелиус не смог обследовать ее более тщательно. "Одно буковое дерево, выросшее около вершины, — отмечал он, — было в обхвате более 3 метров".

Корнелиус был поражен реакцией вождей на эти маунды. «Индейцы вглядывались в эти величественные творения с таким же любопытством, как и любой белый человек. Я спросил у самого старого вождя, есть ли в устной традиции его народа упоминания о подобных сооружениях. Он ответил отрицательно. Затем я спросил каждого из вождей, знают ли они что-нибудь об их происхождении. Никто не смог ничего ответить, однако все утверждали, что "они не были сооружены нашим народом"». В неменьшей степени таких ранних исследователей, как Корнелиус, поражало и то, что эти маунды были распространены на значительной части Соединенных Штатов.

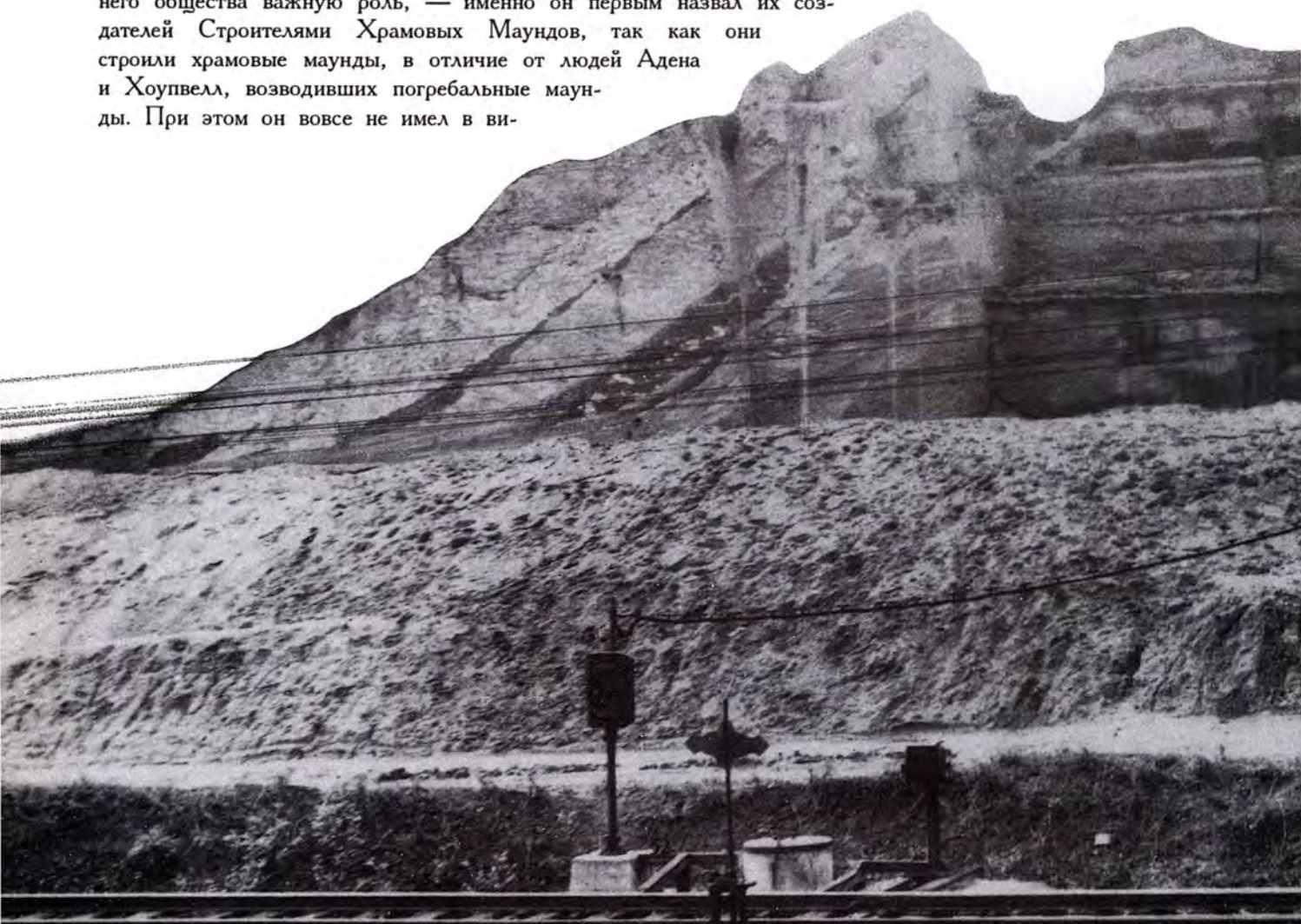
Хотя периферийные поселения имели много общих черт, они различались по размерам, богатству и местным особенностям культуры. Некоторые из них поражают великолепием своих сооружений, другие выглядят более скромно. Наиболее эффектные из них распо-

ложены в Кахокия в Иллинойсе, около того места, где Миссури впадает в Миссисипи. Эта территория известна как Американская низменность. В годы своего расцвета селение Кахокия занимало площадь в 14 квадратных километров, а количество жителей достигало 12 000 человек — судя по всем оценкам, это было самое крупное и густонаселенное селение Северной Америки в доисторический период — оно по своим размерам могло сравниться со многими крупными городами средневековой Европы.

В конце XIX века Сайрус Томас, глава Отдела исследований маундов Смитсоновского института, на основе прочитанных работ и собственных изысканий сделал правильный вывод, что рукотворные плато являлись фундаментами для зданий, игравших в жизни древнего общества важную роль, — именно он первым назвал их создателей Строителями Храмовых Маундов, так как они строили храмовые маунды, в отличие от людей Адена и Хоупвелл, возводивших погребальные маунды. При этом он вовсе не имел в ви-

Члены археологической экспедиции под руководством А. Р. Келли исследуют Эрс-лодж — круглый дом, в котором собирался совет племени. Он был открыт в 1934 году в Окмульджи. В одном из своих ранних отчетов о раскопках Келли отметил, что ему сразу показалось, что маунд представляет из себя "нечто большее, нежели просто один из красных холмов Джорджии", поэтому он и приступил к исследованию.

ду, что на всех сооружениях обязательно имелись храмы. Тем не менее название прижилось.

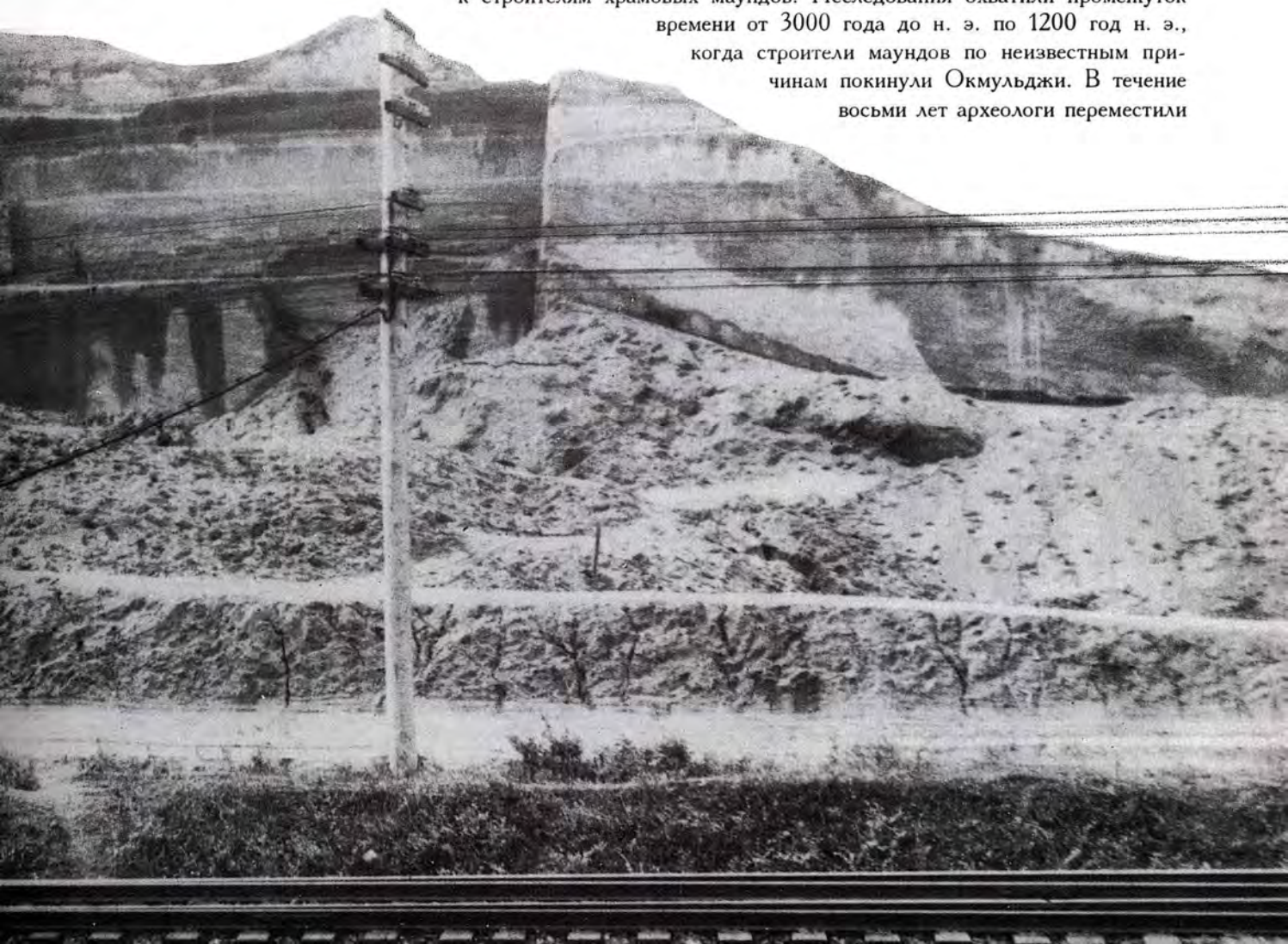
Впечатляющие размеры и своеобразная форма не являлись, однако, основной отличительной особенностью маундов. Ею было их месторасположение. Племена, принадлежавшие культуре Миссисипи, были широко распространены. Но селились они только на заливных равнинах в долине Миссисипи или на плодородных аллювиальных почвах в долинах других рек на востоке Соединенных Штатов. Такие места были настоящими природными кладовыми.

Как это ни странно, хотя Томас и другие археологи XIX века потратили много времени и усилий на изучение маундов Джорджии, они почему-то не обратили внимания на возвышения в Окмульджи. Только в конце 1933 года Бюро американской этнологии Смитсоновского института предприняло раскопки в районе Гор Великих Царей, впервые обследованных в 30-х годах XVIII века.

Постепенно, шаг за шагом известный археолог А. Р. Келли и его ассистенты снимали покровы времени. Они в ходе раскопок достигли значительно более древних слоев, чем те, которые относились к строителям храмовых маундов. Исследования охватили промежуток времени от 3000 года до н. э. по 1200 год н. э.,

когда строители маундов по неизвестным причинам покинули Окмульджи. В течение восьми лет археологи переместили

На этой фотографии, сделанной в 1934 году, изображен прорезанный железной дорогой громадный погребальный маунд в Окмульджи. На срезе хорошо заметны отдельные слои, образованные разновременными дополнительными насыпями. Чтобы обеспечить точность при передаче разных цветов напластований, дотошный Келли нанял для их раскраски художника.

тонны земли и обнаружили сотни тысяч предметов — человеческие кости, наконечники стрел, сосуды, фрагменты керамики.

В “Предварительном отчете об археологических исследованиях в Маконе, штат Джорджия” Келли заявил, что первые храмовые маунды появились в Окмульджи около 900 года н. э. Он нарисовал образ общины, которая жила за счет щедрости земли. Успешное использование природных источников позволило ей построить поселение, которое, как выяснили археологи, было не просто деревней, а крупным церемониальным центром.

На возвышении, чтобы уберечься от разливов реки, люди возвели целый город из тростниковых домов и прямоугольных деревянных храмов, часть которых использовалась летом, а часть — зимой. Огромный храмовый маунд, высотой 15 метров и шириной 90 метров, возвышался над остальными, менее крупными сооружениями из земли, располагавшимися по соседству. Привлекал взгляд и погребальный маунд необычной формы. Он, правда, был в плачевном состоянии, так как был частично разрушен паровым экскаватором во время прокладки трассы для железной дороги.

Археологи зачистили вертикальный срез маунда и обнаружили, что он состоит из пяти различных слоев смеси песка и глины, расположенных один над другим. В самой глубине сооружения, в первоначальном маунде, находилась гробница со скелетами шести человек. Каждое тело было обильно украшено бусинами из раковин и другими незамысловатыми украшениями. Тому, кто мечтал обнаружить золото, серебро или драгоценные камни, пришлось бы сильно разочароваться. Широкая лестница из глины вела к вершине изначального маунда, над ним были насыпаны еще четыре слоя глины. На каждом из них, судя по обнаруженным Келли остаткам столбов, находилась деревянная постройка.

В храмовых маундах также обнаружены подобные напластования. Очевидно, что изначальный храм находился на уровне самого древнего слоя. Когда он разрушался, над ним возводилась новая платформа из глины. Она служила фундаментом для нового храма.

Но каково было предназначение этих храмов? До сих пор на этот вопрос не было определенных ответов, однако некоторые предположения выдвинуть можно. Келли считал, что храмы были местами сбора совета и проведения ритуалов. В одном частично сохранившемся храме он обнаружил круглую площадку, диаметром 12,6 метра, обнесенную стеной из глины. На низкой скамейке, идущей вдоль подножия стены, могли уместиться 47 человек. Эти безымянные и безликие для нас люди, почти наверняка только

Каждый из этих топоров, длиной 30 сантиметров, был вырезан из цельного куска камня, а затем отполирован. Они не имеют следов повседневного использования в качестве оружия или инструментов. Вероятно, они служили символами высокого социального положения их владельцев.

мужчины, сидели вокруг центральной площадки с очагом и глиняной платформы в виде орла. Подобные изображения хищных птиц были распространенным символом на юго-востоке в эпоху поздних храмовых маундов.

Почему люди Миссисипи строили свои маунды такими высокими? Некоторые ведущие специалисты в области культуры строителей храмовых маундов указывают, что многие общества по всему миру считали и считают высокие постройки эквивалентом власти. В тот же период времени феодалы в Европе возводили замки на высоких утесах, взирая сверху на своих крестьян. Так же вожди людей Миссисипи строили себе жилища на вершинах рукотворных холмов, возвышаясь над простыми общинниками и приближаясь к “Верхнему (Небесному) Миру”. Маунды служили для элиты показателем ее значимости на земле, одновременно с этим подчеркивая ее связь с предшественниками и наследниками. Они являлись центром ее общины и ее вселенной.

Но в один прекрасный момент строители маундов исчезли из Окмульджи так же загадочно, как появились. Огни потухли, церемонии прекратились, смолк шум повседневной жизни. Около 1200 года н. э., задолго до вторжения испанцев, жизнь здесь угасла. Если причиной ухода местных жителей была моровая язва или война, то почему не осталось следов этих катаклизмов? А если они просто покинули эти места, то что побудило их к этому? Остались лишь поросшие деревьями маунды, любопытство путешественников и заброшенный памятник людям и их созидательному труду. Неудивительно, что их духи были в сумерках перед наступлением ночи.

Что представляли из себя люди Миссисипи? Пытаясь восстановить облик исчезнувшего народа, археологи стараются выяснить прежде всего, что служило ему основной пищей. Относительная легкость добывания еды или, наоборот, связанные с этим трудности прямо влияют на количество времени и энергии, которые могут быть выделены на другие цели.

Эти ушные украшения, изготовленные из раковин, были сравнительно широко распространены на территории культуры Миссисипи приблизительно в 1000—1300 годах н. э., но впоследствии совершенно исчезли из употребления. Их предназначение нам неизвестно. Некоторые экземпляры были сделаны из меди, но почти на всех подобных изделиях присутствует одно и то же изображение.

Представление о рационе людей Миссисипи может дать как сама плодородная территория, на которой они жили, так и остатки растений и костей животных. В ходе раскопок были найдены где челюсть оленя, где запас высушенных ягод или скорлупа орехов. Во всех заливных долинах рек восточной части страны произрастали одинаковые растения и обитали одинаковые животные. Возможно, некоторые различия имели место на разных территориях и в разное время, но их следов пока обнаружить не удалось. В любом случае, меню строителей храмовых маундов было богатым и разнообразным.

Этим охотникам-собираателям надо было только протянуть руку и взять на земле или в воде необходимые продукты. Различные породы рыб, водоплавающая птица, белохвостый олень, индейка, енот, опоссум, кролик и белка, орехи, фрукты, ягоды, дикie травы, различные семена — вот приблизительный рацион людей Миссисипи. Они также иногда обрабатывали плодородную почву заливных долин, представлявших из себя прекрасные поля для выращивания маиса, тыквы и фасоли. В меньшем количестве возделывались подсолнечник, свекла и шпинат. Обеденный стол людей Миссисипи должен был представлять из себя прекрасное зрелище: груды добычи, вероятно — индейка, олень или сом, в сопровождении различных овощей и фруктов.

Археологи, антропологи и историки, по крупицам собирающие информацию об индейцах Юго-Востока, археологических и исторических (первые известны нам только по археологическим находкам, о вторых существуют письменные сведения), пришли к выводу, что в обществах строителей маундов мужчины и женщины считались фактически двумя разными видами. Если этот вывод верен, то в общинах существовала строгая специализация по половому признаку. Мужчины воевали, занимались охотой и рыболовством, расчищали площадки для строительства и принимали участие в мужских собраниях в особых помещениях или на площадках, куда был закрыт доступ женщинам. Женщины собирали дикie растения, возделывали землю, занимались домашним хозяйством и общались друг с другом.

Эта великолепно сохранившаяся маска из кедра была найдена в Спиро, штат Оклахома. Она сочетает человеческие черты с рогами оленя. Глаза и рот сделаны из раковин. Деревянные предметы редко сохраняются во влажном климате востока Соединенных Штатов, но условия в Спиро позволили нескольким реликвиям дойти до наших дней почти неповрежденными.

Похоже, что мужчинам было проще. Они обсуждали текущие события, играли в мяч, в то время как их матери и жены кололи дрова, готовили пищу, мастерили горшки, корзины и одежду.

Указания на роль женщин в обществе строителей маундов можно разглядеть в массе украшений, обнаруженных во время исследований известных комплексов храмовых маундов, таких, как Спиро, Этова в Джорджии, Маундвилл в Алабаме. Великолепные свидетельства мастерства древних людей — небольшие предметы из дерева, глины, раковин, камня и ковanej меди были извлечены археологами из земли. Перед современными людьми предстали тщательно разработанные и великолепно отполированные, похожие на топоры и жезлы, орудия, маски в виде звериных голов или человеческих лиц с причудливо искаженными чертами, каменные диски, глиняные шары и кубки из раковин с мастерски выполненными гравировками. Фигурки и фигурные трубки изображают мужчин в различных позах: сидящих, припавших к земле, коленопреклоненных, связывающих поверженного врага. Контрастирует с ними фигурка женщины, перемалывающей зерно.

Иногда на раскопках обнаруживают и другие женские фигурки, изредка женщина изображается вместе с мужчиной, но это скорее исключение, чем правило. Два предмета, преданных земле в ходе церемонии, изображают одинаковые объекты. Считается, что оба они представляют символы плодородия. Один из них изображает коленопреклоненную женщину, стоящую на кукурузных початках. Здесь не только подразумевается плодородие женщины и земли, но также и обычное для женщины занятие, связанное с приготовлением пищи. Второй предмет также представляет женщину, стоящую на коленях. Она вонзает короткую мотыгу в спину змеи, из тела которой растет виноградная лоза. То есть и здесь женщина изображена за повседневной работой: обработка земли и тяжелая работа по дому.

Археологические шедевры, использующие подобные мотивы, были найдены в нескольких селениях, относящихся к культуре Миссисипи. Комплекс Спиро Маунда принес особенно богатый урожай таких предметов, даже после того, как Покала Майнинг Компани "обшарила" его при помощи динамита. Как выяснилось, Форрест Клементе был слишком пессимистичен в своих предварительных оценках. При ближайшем рассмотрении Клементе заметил, что последний взрыв, устроенный грабителями, расколол часть главного конуса. Это позволило

Эта гравированная раковина служила кубком для питья. Она является одним из более чем пятидесяти подобных предметов, найденных в Спиро. Замысловатый рисунок, чья прорисовка изображена внизу, представляет либо летучую мышь, либо человека, одетого в костюм и маску сокола, стоящего в позе ритуального танца.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ В СЕЛЕНИЯХ. СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ КОСТИ

Со времени возникновения культуры Миссисипи между 800 и 1000 годами н. э. маис был основной сельскохозяйственной культурой. Организованная обработка почвы имела определенные преимущества перед неопределенностью собирательства. Разумеется, земледельческие общины способствовали возвышению великих племен Миссисипи.

Однако биоархеологи, занимающиеся анализом человеческих останков, обнаружили свидетельства, что эта традиция также оказывала и негативное воздействие на здоровье людей Миссисипи.

Во-первых, большая плотность населения в земледельческих общинах вызывала широкое распространение заболеваний, передающихся от человека к человеку при общении. Скелеты, найденные в Диксон Маундах в Иллинойсе, несут следы двух типов воспаления костей — периостита (воспаление надкостницы) и остеомиелита. В переходный период от охоты и собирательства к земледелию количество заболеваний этими недугами удвоилось.

Убедительным свидетельством неправильного питания являются следы повышенного потребления углеводов и пониженного — белков и некоторых весьма важ-

ных аминокислот. Причиной тому является маисовая диета. Согласно одному из исследований, только от 0,4 до 7,8 процента зубов охотников и собирателей имеют трещины. В то же время от 4,5 до 43,4 процента зубов земледельцев, питавшихся маисом, разрушились (фотография справа сверху). Потрескавшаяся поверхность некоторых из них (справа снизу) показывает, что основанное на маисе питание могло создавать помехи росту эмали.

Кости также несут на себе признаки недостаточного питания. У земледельцев они короче и тоньше. Одни ученые объясняют это недостатком протеина, другие, что парадоксально, — повышенным уровнем жизни (см. "Признаки тяжелой жизни охотников"). Более определенными признаками скудности диеты являются найден-

ные в Диксон Маундах черепа со следами гиперостоза (фотография внизу). Такого рода поражение костных тканей часто связывают с вызванной недостатком железа анемией. Низкое содержание железа в организме может быть вызвано фитатом (phytate). Это химическое вещество, препятствующее усвоению железа, обнаружено в маисе.

Причиной гиперостоза, вызвавшего это, похожее на осиные соты, поражение кости черепа, явилось увеличение костного мозга, который отвечает за выработку красных кровяных телец. Вероятно, такова была реакция организма на анемию, возникшую из-за обильного употребления в пищу маиса.

ПРИЗНАКИ ТЯЖЕЛОЙ ЖИЗНИ ОХОТНИКОВ

Хотя скелеты являются драматическим показателем скудности рациона, основанного на маисе, они также свидетельствуют о том, что постземледельческие общины Миссисипи не были знакомы со многими трудностями, с которыми сталкивались их предшественники.

Физиологические изменения, вызванные характерным образом жизни охотников-собираателей, хорошо заметны на костях людей, живших в доземледельческую эпоху. Позвонки (фото выше) и суставы сильно деформированы остеоартритом. Его следы встречаются в основном на скелетах мужчин, так как именно на них ложилась основная тяжесть охоты.

Даже уменьшение размеров костей жителей земледельческих поселений скорее было следствием улучшения жизни, чем недостаточного питания, в то время как мощные кости развивались в ответ на физические нагрузки, связанные с занятием охотой.

Зубы черепа, относящегося к земледельческому периоду культуры Миссисипи, сильно разрушены. Скорее всего на них отрицательно повлияла богатая углеводами маисовая диета. Зубы, обнаруженные в селениях доземледельческого периода, более крепкие и обычно лишь покрыты трещинами. Их прочность была обусловлена тем, что пища охотников-собираателей была более разнообразной.

На резцах черепа юноши заметны похожие на борозды образования — гипоплазии, которые свидетельствуют о нарушениях в ходе развития зубной эмали. Ученые высказывают предположение, что неправильное питание и болезни общинников, полагающихся исключительно на маис, могли быть причиной физиологических изменений, выразившихся в ненормальном росте эмали.

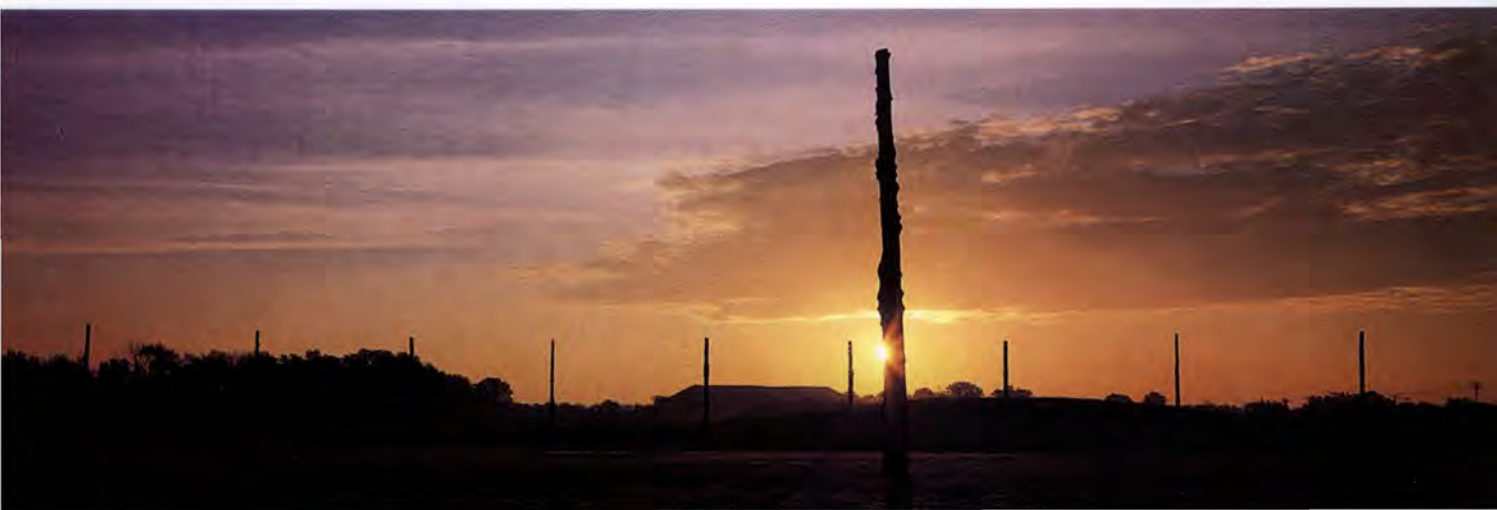
исследователю взглянуть на его внутреннюю структуру. Нетронутые напластования почвы и глины позволяли надеяться, что земля хранит в себе еще много артефактов. Этим надеждам суждено было сбыться во время спасательной операции, проведенной Клементсом.

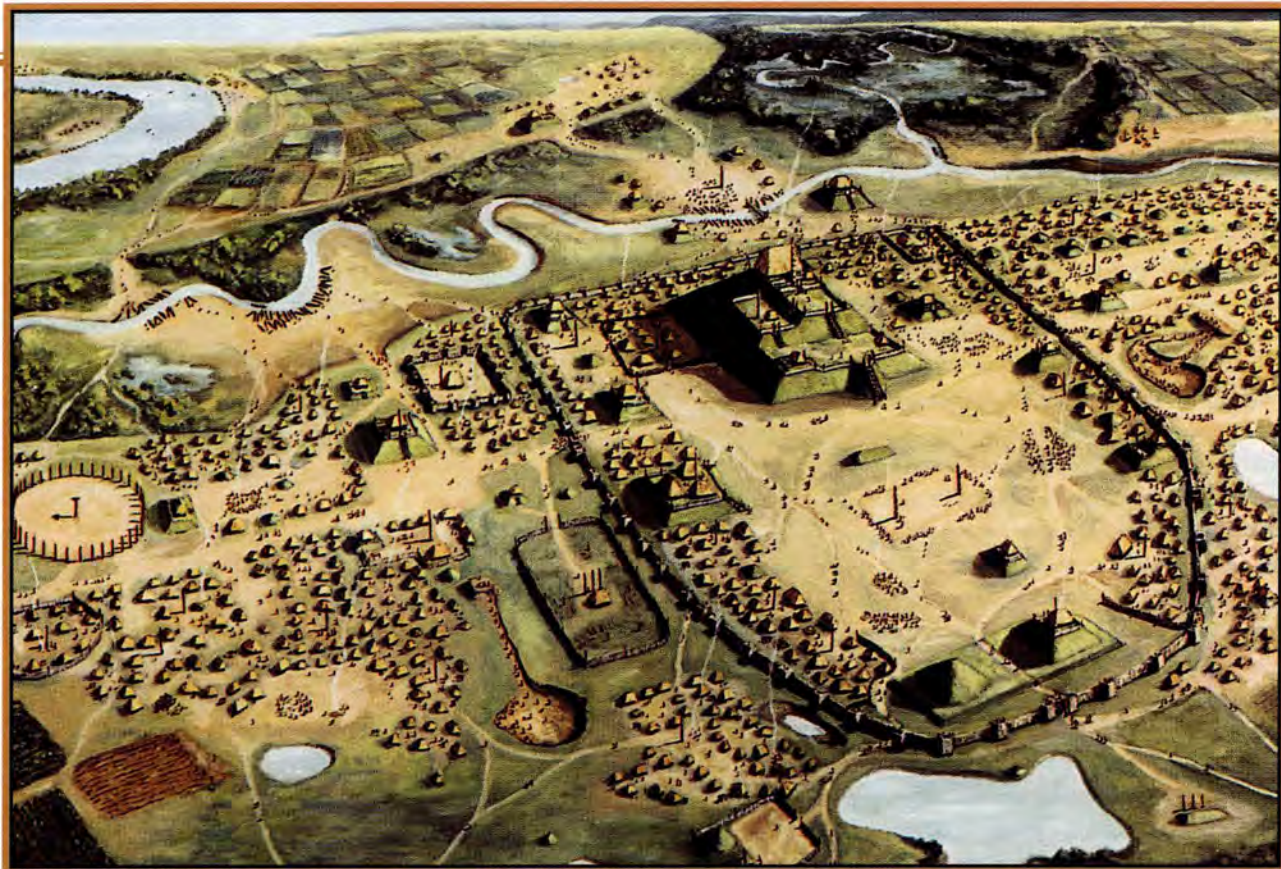
Применив систему вертикальных разрезов, которую можно сравнить с нарезанием пирога, Клементс и его рабочие сделали ряд траншей, рассекавших конус маунда от верхушки до основания. В ходе работ во всех слоях были обнаружены погребения и различные предметы. “Весь маунд являлся погребальным сооружением, — прокомментировал Клементс, — содержащим приблизительно 900 захоронений с большим количеством погребальных предметов, и образцы, найденные в центральном конусе, составляют лишь малую часть от общего количества”. Как и Келли в Окмульджи, Клементс обнаружил внутри одного маунда несколько маундов, составленных по принципу матрешки. Грабители в спешке оставили ученым достаточно большое количество неповрежденных предметов. Их можно сравнить с находками из других поселений культуры Миссисипи, в том числе и из Кахокья, единственной городской — или протогородской — общины в Северной Америке доколумбовой эпохи.

Тут и там руины селений культуры Миссисипи открываются нашим взорам. Но особенно сильно бросаются в глаза развалины Кахокья. Остатки этого поселения доисторической эпохи находятся в штате Иллинойс, в 10 км к востоку от Миссисипи, в самой плодородной из тамошних заливных долин. Никто не знает, как называли свой город его обитатели. Имя “Кахокья” происходит от названия обитавшей на этой территории подгруппы племени иллини, с которой первыми столкнулись французы в конце XVII столетия.

Веком позже французские монахи-трапписты (одно из ответвлений цистерцианского ордена) беззаботно возделывали фруктовые сады на террасах крупнейшего маунда в Кахокья. Благодаря монахам он получил свое название. Сегодня он известен как Маунд Монахов. Размеры его колоссальны: 210 на 324 метра в основании и 30 метров

Этот круг из кедровых столбов (так называемый вулхендж), восстановленный в 1985 году, по-видимому, служил обитателям Кахокья солнечным календарем. Линия, проведенная из центра круга к конкретному столбу, указывает направление на точку восхода солнца в дни солнцестояния или равноденствия. Другие столбы могли служить для определения праздничных дней или же просто дополняли круг.

Возможно, так выглядело поселение Кахокья в эпоху своего расцвета (вид с юго-запада). Помимо Маунда Монахов на обнесенной стеной центральной площади возвышались бок о бок маунды, где умерших представителей элиты подготавливали к погребению, и собственно погребальный маунд. Там же располагалось поле для игры, называемой "чанки", и множество небольших платформ для храмов или жилищ знати. За пределами ограды находились так называемые "выемки" — места, откуда бралась земля для сооружения маундов. В некоторых из них образовались пруды.

1. Маунд Монахов
2. Поле для чанки
3. Маунд для подготовки к погребению
4. Погребальный маунд
5. Маунд № 72
6. Выемки
7. Вудхендж

в высоту. Он является крупнейшим сооружением подобного типа к северу от Мексики и самой претенциозной земляной конструкцией в Новом Свете. Стоя на его вершине, даже случайный наблюдатель может почувствовать дыхание далекого прошлого. Большая часть вековых напластований уже расчищена, что открывает окно в жизнь общины, возникшей около 900 года н. э. и начавшей увядать где-то после 1300 года. К XVI веку она исчезла полностью.

Спустя столетия началось великое переселение пионеров на запад. В эти места вторглась другая культура. Плуг фермера придал этой земле иной вид. Достаточно рано появились здесь и археологи. Они нашли разбросанные кости и фрагменты керамики. Работа здесь не прекращалась годами, но только с начала 1960-х, когда Кахокья стало угрожать полное уничтожение из-за планов строительства шоссе, профессиональные археологи стали предпринимать отчаянные попытки спасти его. В течение последующих нескольких лет они, пытаясь опередить бульдозеры, не только раскопали множество маундов, переполненных артефактами, но и смогли добиться изменения маршрута трассы, так что она миновала большую часть исторической территории.

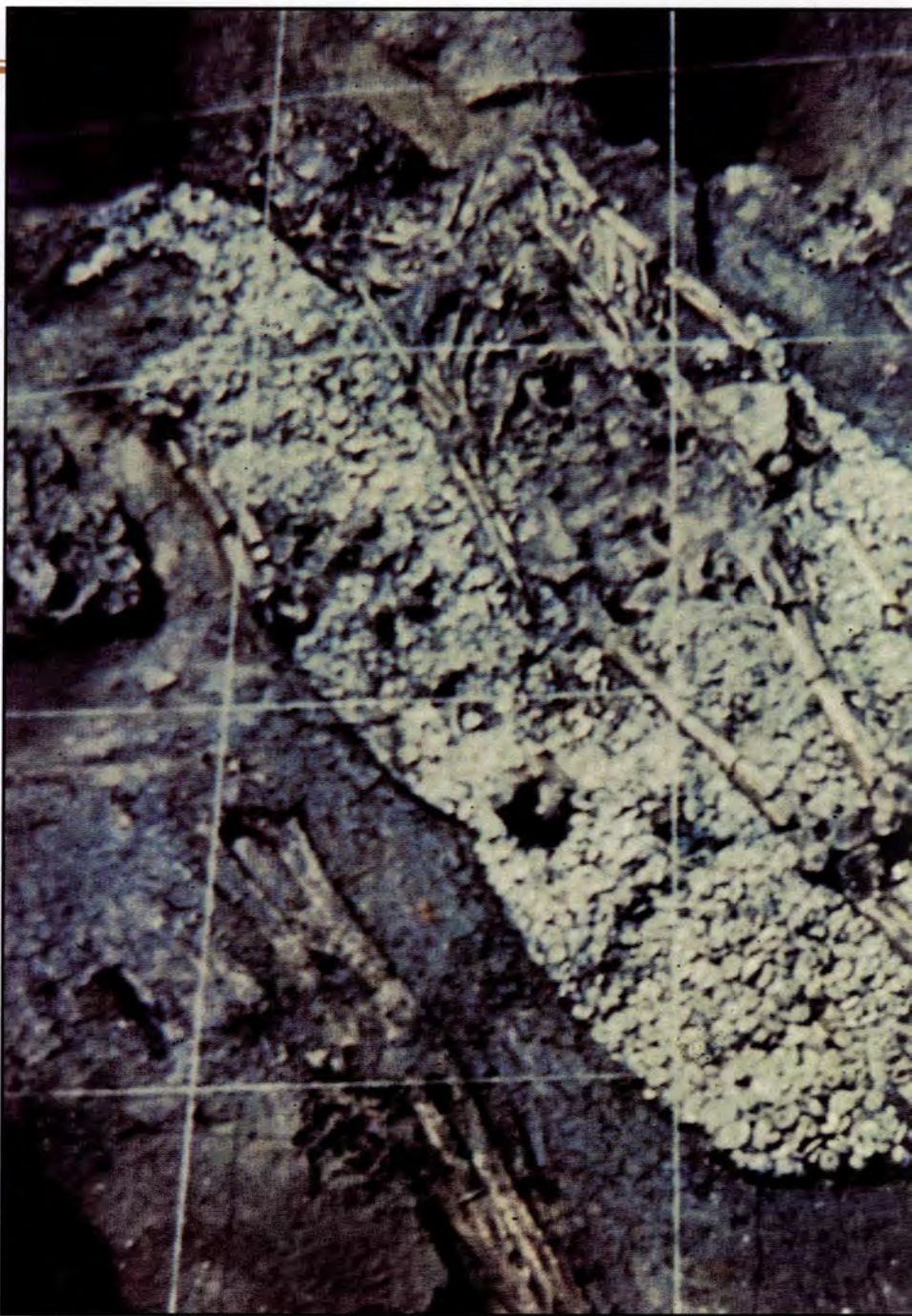
С тех пор раскопки здесь проводились нечасто. По всей вероятности, картина не изменится и в будущем. На то есть веская причина: в 1984 году группа исследователей из Южноиллинойского университета, расположенного в Эдвардсвилле, начала изучение Кахокья необычным

для традиционной археологии способом. При помощи высокочувствительных приборов ученые смогли “увидеть” то, что находится в древних слоях земли, не разрушая их лопатой. Этот метод основывается на том, что все материалы обладают разной электропроводимостью. Через землю пропускается ток, и по показаниям прибора можно определить, присутствуют ли в ней чужеродные предметы — насыпь из песка, палисад, дом, маунд, погребенный под слоем почвы, — или это просто пустой грунт.

Прибор может определить аномалию и предположить ее природу. “Он никогда не может сказать, что конкретно находится в земле, — говорит исследователь, — но он обязательно укажет вам, что под поверхностью есть нечто иное, и даст некоторые намеки на то, что это может быть”. Извлеченные из земли образцы подтвердили установленные методом электропроводности местоположения палисадов и погребенных под почвой маундов. Таким образом ученые смогли составить карту скрытого от глаз поселения Кахокья, не прибегая к раскопкам. Эти исследования помогли установить, что изменения, внесенные в ландшафт жителями Кахокья, были гораздо масштабнее и продуманнее, чем это ранее предполагалось. Так как работа продол-

жается, изначальные размеры и сложный план застройки Кахокья, вероятно, вскоре будут определены при помощи погруженных в землю датчиков, связанных с компьютерами, находящимися на поверхности.

В эпоху своего расцвета Кахокья занимало площадь в 15 квадратных километров. На его территории располагалось 120 маундов. Около половины из них сохранило в большей или меньшей степени свою первоначальную форму. Некоторые — конические или с гребнеобразной вершиной — явно использовались для погребальных церемоний. Однако

Этот, несомненно, очень важный человек был погребен в маунде № 72 в Кахокья. Его тело возлежит на пышном ложе, состоящем из многих тысяч бусин из раковин. Каждая бусина была просверлена по центру. Веревки, установленные археологами, делят погребение на квадраты площадью в 129 квадратных сантиметров. Стрелка указывает на север.

большинство маундов имеют плоские вершины. Селение Кахокья было, несомненно, важнейшим политическим и религиозным центром. Его население по своему количеству значительно превосходило весь народ натчезов в его лучшие годы. Более того, ядро первоначального поселения было не просто скоплением маундов, использующихся исключительно элитой. Исследования показывают, что дома менее знатных граждан располагались рядами вокруг открытых площадей. Их обитатели возделывали собственные небольшие участки земли. Более крупные поля, засеянные мансом и другими культурами, были разбросаны по окрестным заливым долинам.

В момент наивысшего расцвета Кахокья, около 1100 года н. э., его жители построили деревянную ограду высотой от 2,6 до 4,5 метра вокруг центральной площади. Сделано это было с двойной целью: во-первых, чтобы защитить территорию для церемоний и аристократию от нападения, а во-вторых, чтобы создать видимый барьер между различными слоями общества. Ограда могла также служить убежищем для всего населения во время опасности. Каково бы ни было ее назначение, обитатели селения трижды реконструировали ограду, каждый раз используя около 15 000 новых бревен.

Над всей округой доминировал Маунд Монахов. Он до сих пор возвышается там, покрывая основанием площадь в полгектара. Чтобы этот маунд, состоящий из четырех помещенных друг на друга платформ, достиг своих окончательных размеров, потребовалось 0,6 миллиона кубических метров земли. Строительство продолжалось 300 лет. После его завершения на вершине было возведено деревянное здание, длиной 31,5 и шириной 14,4 метра. Высота его достигала 15 метров. Это здание почти наверняка было официальной резиденцией правителя Кахокья, где он проводил церемонии и откуда руководил делами.

Археологи, благодаря проведенным исследованиям, могут восстановить ту панораму, которая открывалась перед вождем, восседающим в своей резиденции: речная протока с поросшими деревьями берегами, далее, на расстоянии шести миль — Миссисипи и безбрежные прерии за ней. Прямо перед маундом лежала обширная центральная площадь. Она была окружена простыми домами. Их деревянные каркасы были обмазаны глиной и покрыты соломенными крышами. Картину дополняли стена ограды и более сотни маундов, два из которых имели значительные размеры, хотя и не сравнимые с размерами главного маунда.

Хотя, благодаря стараниям археологов, постепенно проявляются многие детали селения, его обитатели по-прежнему остаются загадкой. Ни один человек не оставил нам своего имени, послания, метки. Ключи, обнаруженные под поверхностью земли, подходят только к материальной стороне жизни обитателей Кахокья, иногда могут приблизительно указать на социальное положение человека, но ничего не скажут о его личности или мотивациях.

Предполагают, что поскольку Кахокья лежит недалеко от полноводной реки, то его обитатели должны были иметь частые контакты с

КУРЕНИЕ ТРУБОК: УДОВОЛЬСТВИЕ И РИТУАЛ

Судя по погребениям, относящимся к культурам Адена, Хоупвелл и Миссисипи, курительная трубка была предметом гордости обладавшего ею человека, так что ее стоило взять с собой в могилу. Развивались культуры, развивались и трубки, их формы, мотивы и размеры.

Самые древние каменные трубки, обнаруженные в Северной Америке, относятся к середине III тысячелетия до н. э. Следовательно, курение существовало уже в те времена. Но то значение, которое оно имело для народов доколумбовой эпохи, мы можем определить, только исходя из сведений, относящихся к более поздним индейцам.

По сообщениям исследователей, путешествовавших в районе Великих озер, обитавшие в тех местах индейцы курили 27 различных видов растений, от толченой коры ивы до цветов голденрода. На юго-востоке предпочтение отдавалось разновидности табака.

Курение, вероятно, служило социальным, религиозным и лечебным целям. И так как дым ассоциировался с огнем — сакральной субстанцией, — то курение могло рассматриваться как процесс очищения. В некоторых курительных ритуалах постколумбовой эпохи табачный дым выпускали в четырех

основных направлениях. Совет начинался с раскуривания трубки, которая передавалась по очереди каждому из присутствующих. Подобным же образом приветствовали чужеземцев.

Мастера изготавливали трубки с особой тщательностью. Используя различные материалы, включая песок, гематит и трубочный камень, они вырезали, отделявали и полировали свои изделия, доводя их до совершенства. При выборе мотивов для трубок они давали разыграться своему художественному воображению, о чем свидетельствуют изображенные здесь в натуральную величину экземпляры.

Ранние трубки, относящиеся к культуре Адена, эволюционировали от простых форм к изображениям животных, а иногда выполнялись в виде фигурок людей, как это показано на рисунке слева. Трубки культуры Хоупвелл имели свою отличительную черту — так называемые платформообразные основы. У них небольшие резные черенки, а сами трубки покрыты изображениями животных, которые, несомненно, были символами, обладавшими магическими свойствами или имевшими связь с мифологией. Трубки Миссисипи, которые иногда достигают значительных размеров, часто изображают людей, занимающихся различными делами. В то время как большинство трубок могли передаваться по кругу во время ритуальных курений, некоторые трубки культуры Миссисипи были слишком тяжелыми, и передавать их из рук в руки было бы затруднительно. Наоборот, участники церемонии должны были сами подходить к трубке, чтобы сделать затяжку.

Эта трубка, длиной 10,8 сантиметра, относится к культуре Адена. Она была найдена в Огайо и датируется периодом раннего Вудленда (500 год до н. э. — I век н. э.). Вероятно, она изображает карлика, и это говорит о том, что люди Адена эстетизировали уродство. На шее заметен зоб — результат недостатка йода.

Удивительно тщательно для своих небольших размеров (всего 10 сантиметров в длину) сделанная, эта хоупвеллская трубка изображает розовую колицу, сидящую на рыбе, голова которой выполняла функции мундштука. Хоупвеллы должны были относиться к птице с розовыми перьями, которая обитает только в тропическом климате, как к диковинке. Трубка, найденная в Огайо, относится, вероятно, к периоду между 100 годом до н. э. и 400 годом н. э.

Замысловатая фигурка человека, курящего трубку с изображением звериной головы, сама является трубкой с отверстием для мундштука в передней части. Она относится к культуре Миссисипи, к периоду между 800 и 1500 годами н. э. Вырезанная из красного камня, она достигает в высоту 21,6 сантиметра, длина основания — 25,4 сантиметра, вес — чуть больше 3 килограммов.

другими индейцами. Предметы, найденные в маунде № 72, свидетельствуют о существовании оживленной торговли. В непосредственной близости от костей древнего человека лежали предметы иноземного происхождения: наконечники стрел из Оклахомы, Теннесси и Арканзаса, тонны украшений, сделанных из раковин с берегов Мексиканского залива, слюда из Северной Каролины и скрученные в трубочки листы меди, используемые для изготовления декоративных нагрудников, привезенные, как полагают, из района озера Верхнего.

Даже не обладая богатым воображением, можно представить себе картину жизни в Кахокья в эпоху его наивысшего развития. Площадь, удобно расположенная около протоки, привлекала путешественников из далеких общин. Они привозили раковины и медь, а также меха, кожи и вяленое мясо. Местные жители могли предложить кремнеподобные камни для изготовления мотыг и соль из близлежащих источников. Другие демонстрировали товары, сделанные в собственных мастерских: орудия и наконечники стрел, одежду из шкур животных, декоративные гончарные изделия и плетеные корзины, украшения, изготовленные из привозной меди, браслеты и подвески из перламутровых бусин.

В другие дни на этой площади могли проходить празднества или спортивные игры. Предпочтение отдавали игре чанки. Она требовала от игроков мастерства и больших затрат энергии. Только воины могли принимать в ней участие. Игра представляла из себя смесь своеобразной доисторической формы хоккея с метанием колец в цель. Каждый игрок должен был кинуть тяжелый каменный диск по земле так далеко, как сможет, а затем быстро метнуть копье в ту точку, где диск должен остановиться.

Большую часть времени на бурлящую жизнь селения отбрасывали свою тень великие маунды. И было там еще нечто, такое же обычное, как и маунды, но чье предназначение являлось тайной для простого народа. Это были большие круги, составленные из красных кедровых столбов. Археологи обнаружили оставшиеся от этих столбов углубления. Сооружения были связаны с деятельностью администрации Кахокья, состоящей из аристократов. Вожди или жрецы использовали эти круги, которые иногда называют вудхенджами, для того, чтобы по движению солнца следить за сменой сезонов. Из точки наблюдения в центре круга можно было провести линию к конкретному столбу, которая указывала направление на точку восхода солнца в определенные моменты года: в дни равноденствия и зимнего и летнего солнцестояния. Для правящей элиты это была возможность получить знания о сезонах года, а значит, и о ежегодных разливах, при помощи точного солнечного календаря. Располагая подобной информацией, она могла демонстрировать массам простых людей свою

Воспроизведенный сверху рисунок был обнаружен на ожерелье из раковин. На нем изображен игрок в чанки в полном облачении. В одной руке он держит каменный диск, приготовившись к броску, а во второй — копье, которое он должен будет метнуть в ту точку, где, по его расчетам, остановится диск. Судя по тщательно выполненному костюму, игроки в чанки занимали высокое положение в обществе и могли выполнять в нем роль определенных символов. На фотографии изображен подлинный диск для игры в чанки, диаметром в шесть дюймов. Хорошо заметна типичная для таких дисков изогнутая поверхность.

способность контролировать время, привязать даты проведения празднеств и ритуалов к космическому порядку.

Два раза в год восходящее солнце как бы подтверждало свои права на город. В такие дни, весеннего и осеннего равноденствия, оно всходило из-за маунда великого вождя. При этом создавалось впечатление, что этот яркий огненный шар порождает сам маунд.

Но, вероятно, были в жизни Кахокья и темные стороны. В ходе раскопок маунда № 72 было открыто несколько церемониальных и жертвенных захоронений в ряде общих могил. Среди погребенных, по крайней мере, трое были важными персонами. Они умерли и были похоронены в разное время. Почти все погребения свидетельствуют о существовании ритуальных жертвоприношений. Центральная фигура главной группы погребенных, мужчина приблизительно 45-летнего возраста, лежал на ковре из десятков тысяч бус из раковин, окруженный различными погребальными подношениями. Рядом с ним была яма, заполненная скелетами людей, призванных сопровождать своего господина в загробный мир. Это были четверо мужчин, головы и кисти рук которых по непонятным причинам были утрачены, а сами руки связаны, а также 53 женщины в возрасте от 15 до 25 лет.

В непосредственной близости от великолепных погребений знати были обнаружены другие захоронения, общим количеством около 300. Это наводит на мысль, что правители Кахокья, подобно вождям натчезов, брали с собой своих приближенных. Могли ли все эти, без сомнения, здоровые и сильные люди последовать за своим господином добровольно? Верили ли все они в блаженство, ожидающее их в потусторонней жизни?

Или эти скелеты принадлежали пленникам? И почему среди погребенных оказалось такое количество молодых женщин? Ответов на эти вопросы нет, по крайней мере, пока.

По непонятным до сих пор причинам после 1300 года н. э. поселение Кахокья стало клониться к упадку. Город быстро уменьшался в размерах и превратился в деревню. К 1500 году он исчез совершенно. Возможно, его погубило собственное величие. Вполне вероятно, что жители Кахокья исчерпали природные ресурсы в непосредственной близости от поселения, или они использовали их в таком количестве, что не позволяли им восстановиться до

прежнего уровня. Земельная служба в начале XIX века отмечала недостаток лесов во влажных низинах на этой территории, в то время как на ней проживало значительно меньшее количество людей. За столетия до этого тысячи людей на протяжении сотен лет вырубали деревья для строительства домов и оград, для костров и очагов, одновременно уничтожая места обитания зверей, на которых они охотились. Обитателям Кахокья приходилось уходить все дальше и дальше от своих жилищ в поисках источников пищи и материалов, способных поддержать тот жизненный уровень, к которому они привыкли.

В то же время расширяющийся город сталкивался, вероятно, с типичными городскими проблемами, такими, как перенаселение и антисанитария. Теснота кварталов создавала благоприятные условия для распространения эпидемий задолго до появления европейцев с их экзотическими болезнями, уничтожавшими местное население. На скелетах обнаружены следы туберкулеза, blastomycosis (разновидность грибкового заболевания) и сифилиса. Распространение заболеваний, конечно, не имело широких масштабов и не могло уничтожить цивилизацию. Однако оно, вероятно, было достаточно веской причиной для того, чтобы люди отправились на поиски мест с более здоровым климатом.

Возможно, что виной всему были климатические изменения мирового масштаба, начавшиеся в XIII веке. Они привели к понижению средней температуры, наводнениям и засухам, которые уже не могли предсказать хранители солнечного календаря. Неожидаанные и необъяснимые природные катаклизмы могли вызвать общественные волнения и привести к нарушению сельскохозяйственного цикла. Каковым бы ни был комплекс причин, побуждавших их к переселению, не все обитатели Кахокья одновременно покинули родные места. Археологические исследования свидетельствуют, что исход был постепенным процессом, продолжавшимся на протяжении двух веков. Таким же образом угасала жизнь и в других поселениях культуры Миссисипи. Их гибель ускоряли болезни и ружья чужеземцев или же уничтожение природных ресурсов, вызванное их собственным непониманием хрупкости того баланса, который обеспечивает существование человека и природы.

В наши дни сохранились тихие места, где платформы маундов поросли дикой травой и тенистыми деревьями, словно они были естественными порождениями природы. В определенном смысле так оно и есть.

КЛЮЧИ К МИРОЗДАНИЮ

Территории на среднем западе и востоке Соединенных Штатов стали свидетелями необычайного расцвета культуры в период между 800 и 1500 годами н. э. Могущественные люди Миссисипи, или Строители Храмовых Маундов, подбирали художников, способных создавать произведения искусства, которые являлись в то же время символами власти вождя и осязаемым воплощением народных верований. Именно их предпочитали брать с собой в могилу их владельцы, видя в этих предметах своих помощников в загробном мире.

Для человека XX столетия они могут показаться загадочными, иногда даже жутковатыми. В тупик может поставить исследователя широкое распространение одних и тех же тем и мотивов по всем громадным владениям людей Миссисипи — от побережья Мексиканского залива до Великих озер и от Флориды до Оклахомы. Ученые в прежние времена даже выдвигали тезис о существовании широко распространенного религиозного культа. Однако, как можно установить, подобного культа никогда не существовало. Вместо этого люди Миссисипи были увлечены

загадочным, бросающим вызов миром природы, который постоянно требовал попыток объяснить необъяснимое и примирить непримиримое. Хотя их творения могут иногда показаться странными, они являются своеобразной формой выражения их верований.

Изучающие эти предметы археологи, чтобы правильно их интерпретировать, черпают информацию из устной традиции индейцев, пришедших на смену людям Миссисипи. Они видят корни воззрений этих исчезнувших людей в концепции, согласно которой вселенная состоит из трех миров. Два из них, Верхний мир — мир гармонии и Нижний мир — мир хаоса, ад, находились в постоянном конфликте. Между ними помещался Земной мир, далекое от совершенства обиталище людей. Изображение на подвеске, изготовленной из морской раковины (*рисунок сверху*), символизирует, без сомнения, Верхний мир. На пересечении креста, обозначающего четыре основных направления, находится солнце. Кого представляют остальные персонажи с большими глазами и раскрашенными или татуированными лицами, до сих пор остается загадкой.

ВЕРХНИЙ МИР СВЕТА И ПОРЯДКА

Возвышаясь над плоской равниной, храмовые маунды стремятся к солнцу — верховному божеству людей Миссисипи. В сияющем царстве солнца — в Верхнем мире — все предметы, одушевленные и неодушевленные, были крупнее, сильнее, обладали большим могуществом, чем в земном мире людей. Каким тусклым должен был казаться даже священный огонь в храме, по сравнению с великолепием солнца.

Для людей Верхний мир являлся воплощением стабильности, порядка, предсказуемости. Однако Верхний мир не был самодостаточным. Как люди Миссисипи нуждались в огне для поддержания жизни, так и обитатели Верхнего мира нуждались в его противоположности — воде, которая вытекала из источников в призрачном и загадочном Нижнем мире. Посредниками между этими конфликтующими

сферами являлись вожди и другие члены правящей элиты. Они должны были объяснять своему народу древние верования и стремиться при помощи ритуалов и церемоний поддерживать хрупкое равновесие между противоположными силами добра и зла. Здесь показаны предметы, которыми пользовалась элита и которые служили символами ее особого положения.

И на глиняном сосуде на рисунке слева, и на подвеске из раковины на верхнем рисунке символически изображен Верхний мир. Он имеет симметричное строение. Мотив креста, вписанного в круг, представляет солнце и четыре основных направления или земного вождя как воплощение солнечного божества. Изображение на подвеске содержит большее количество деталей. На круге диаметром 10,8 сантиметра мастер смог отразить сущность власти вождя. Он заключил мотив круга и креста в квадрат, представляющий царскую ширинку. Ее сопровождают четыре дятла, которые символизируют небо и военную мощь.

От этого изображения кошачьей головы, использовавшегося в ритуальных целях, сохранилось немного — только глава и зубастая пасть. Можно заметить, что глава имеет разветвления. Таким образом, они смоделированы по примеру глав сокола. Этот мотив, подчеркивающий исключительную остроту зрения, также относится к символике Верхнего мира. Голова изготовлена из листа меди. Люди Миссисипи высоко ценили этот металл, в частности — за его редкость. Его приходилось доставлять из далеких рудников, расположенных в районе Великих озер.

Каменная ушная вставка, изображенная справа, является церемониальным украшением, назначение которого, равно как и рисунок на нем, остается загадкой. Знак "соколиный глаз", по идее, не может гармонизировать с полуоткрытым глазом и оскалом открытого рта, которые характерны для изображения умершего человека. Возможно, что на этом рисунке представлена голова убитого врага, которая символизирует смерть.

Эта чеканная медная пластинка с изображением головы сокола была найдена фермером в штате Миссури в 1906 году во время вспашки земли. Она одновременно является эмблемой и войны, и Верхнего мира. Изображение этой фигуры, высота которой 33 сантиметра, было отчеканено с обратной стороны пластинки. Ее прикрепляли спереди к головному убору.

НИЖНИЙ МИР: ОТРАЖЕНИЕ ТЬМЫ, УЖАСА И СМЕРТИ

В противоположность величественному сиянию Верхнего мира, Нижний мир вырисовывается как темная и сырая тряпина безумия и хаоса, логовище чудовищных размеров ящериц, гигантских жаб и скользких тварей, напоминающих гремучих змей и других рептилий. Еще более ужасными должны были представляться призраки, людоеды и колдуны. Все они могли проникать в Земной мир через водные источники и пещеры, сея

панику и опустошения среди его обитателей.

Археологи могут только строить предположения относительно смысла всего этого. Но они могут опираться на те знания, которые были почерпнуты из других, более поздних индейских культур. Чудовище, которое чероки называют Юктена, например, имеет крылья птицы Верхнего мира, рога земного оленя и покрытое чешуей туловище типичной змеи Нижнего

мира. Свидетельства расплывчатости границ между царствами часто встречаются на предметах, относящихся к культуре Миссисипи. Один такой объект может изображать сразу два или три мира. И в самой концепции Нижнего мира присутствовала двойственность. Он олицетворял не только темную, связанную со смертью сторону мироздания, но также и плодородие земли, от которого зависела вся жизнь.

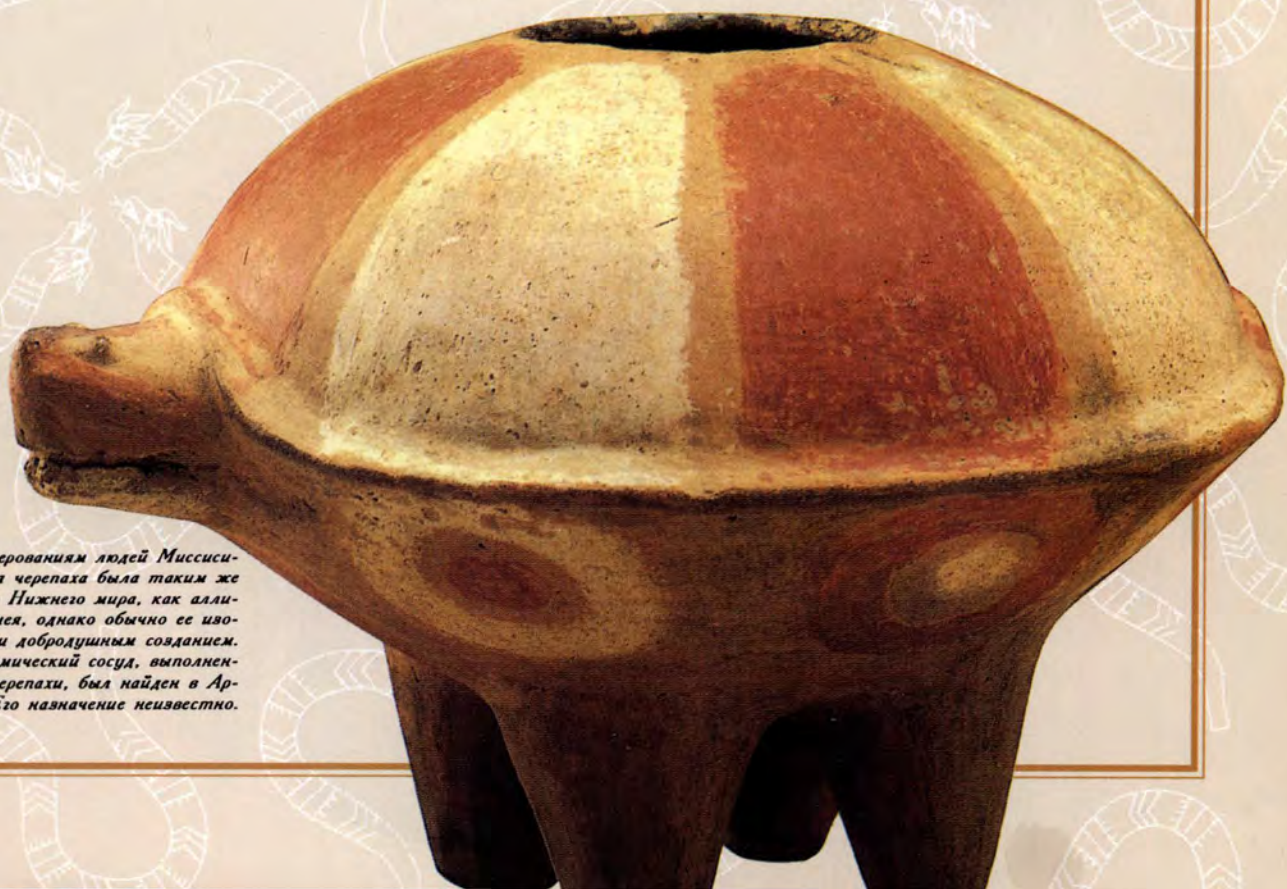
Эта 20-сантиметровая статуэтка из боксита была найдена около Кахокья в Илинойсе. В ней совмещены два мотива. Женщина, возделывающая виноградную лозу, вырастающую из змеи, символизирует плодородие. В то же время ее оскаленные зубы напоминают выражение лица умершего человека.

Предметы, изготовленные из морских раковин, привезенных с берегов Мексиканского залива и из Флориды, высоко ценились представителями элиты культуры Миссисипи. Они являлись символами высокого положения в обществе и непосредственного отношения к отправлению культа. Этот 10-сантиметровый диск (левый рисунок), вырезанный из раковины, использовался в качестве подвески. На нем изображен водяной паук — один из обитателей Нижнего мира.

Кубки из раковин ассоциировались исключительно с обладателями самых высоких рангов и могли использоваться для ритуального питья. На гравированном кубке, показанном на рисунке справа, вокруг креста и круга, связанных с Верхним миром, изображены четыре всеподобных чудовища.

Согласно верованиям людей Миссисипи, скромная черепаха была таким же обитателем Нижнего мира, как аллигатор и змея, однако обычно ее изображали добродушным созданием. Этот керамический сосуд, выполненный в виде черепахи, был найден в Арканзасе. Его назначение неизвестно.

ВОЙНА: ПУТЬ К ВЕЛИЧИЮ

Война значила многое для людей Миссисипи. На карту обычно ставилось не только выживание. Независимо от того, знали они об этом или нет, борьба с противником должна была стать средством утверждения здорового и социально сплоченного общества. Сила и энергия побуждали постоянно прибегать к этому средству. Поход на войну предоставлял членам элиты возможность укрепить свои

собственные позиции на вершине социальной лестницы за счет подвигов на поле брани. Для других воинов мастерство, проявленное в сражении, должно было послужить ступенью к признанию и более высокому статусу. Головы врагов, захваченные в качестве трофеев, были красноречивыми доказательствами подобной удали.

Поддержание стабильности в обществе за счет военных успе-

хов требовало хороших отношений со всеми космическими силами и постоянных наглядных напоминаний о воинской славе.

Из всех воинских символов, используемых в искусстве культуры Миссисипи, чаще всего встречается человек-птица, который может вознестись над всеми остальными. Нередко его изображали с головой сокола Верхнего мира.

Фигурка мужчины в головном уборе, высотой 24,6 сантиметра (рисунок слева), была найдена в Спиро, штат Оклахома. Она может изображать как воина, отрезающего голову захваченному в бою врагу, так и жреца, обвялавливающего жертву.

Мастер, изготовивший эту подвеску из раковины (вверху), ухитрился втиснуть множество связанных с войной мотивов в круг диаметром 9,9 сантиметра. Фигура воина со стрелой в прическе и со знаком глаза сокола на лице держит в одной руке боевой топор, а в другой — трофейную голову.

Череп и кости являются символом, который неизменно ассоциируется со смертью. Он четко просматривается на этом керамическом кубке, высотой 11,7 сантиметра, который был найден в Маундвилле, штат Алабама. Подобные мотивы могли напоминать о военных трофеях или о предках, которые были объектом почитания.

Большая чеканная пластинка, найденная во фрагментарном состоянии в Этове, штат Джорджия, изображает танцора в образе человека-птицы. В руках он держит боевой топор, стрелу и трофейную голову.

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ЛАДОНИ И ГЛАЗА-ЗВЕЗДЫ: ЗАГАДОЧНЫЕ СИМВОЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО

Несмотря на все усилия археологов и антропологов, определенные предметы, относящиеся к культуре Миссисипи, не поддаются окончательной интерпретации.

Символы эти ужасны и одновременно привлекательны: черепа и кости, стилизованные, сверхъестественные глаза, глядящие с ладоней, кресты в форме свастики, запутавшиеся в сетях люди-птицы, сидящие фигуры, напоминающие богов. Но до сих пор никто

точно не знает, как это все понимать и расценивать.

Один таинственный мотив — изображение открытой руки — появляется снова и снова. Означал ли он мудрость, мир или какие-то зловещие понятия? Во время раскопок в Спиро, штат Оклахома, был обнаружен заботливо захороненный глиняный сосуд, заполненный костями рук. Но никто не может сказать, кому принадлежали эти руки — принесенным в жерт-

ву богам, пленным, захваченным на войне, или почитаемым предкам. С уверенностью можно сказать только одно: все изображенные здесь предметы, за исключением трубки, фотография которой помещена на соседней странице в правом углу, использовались в качестве украшений. Об этом свидетельствуют парные дырки, просверленные в их краях, через которые можно было продеть ремень или веревку.

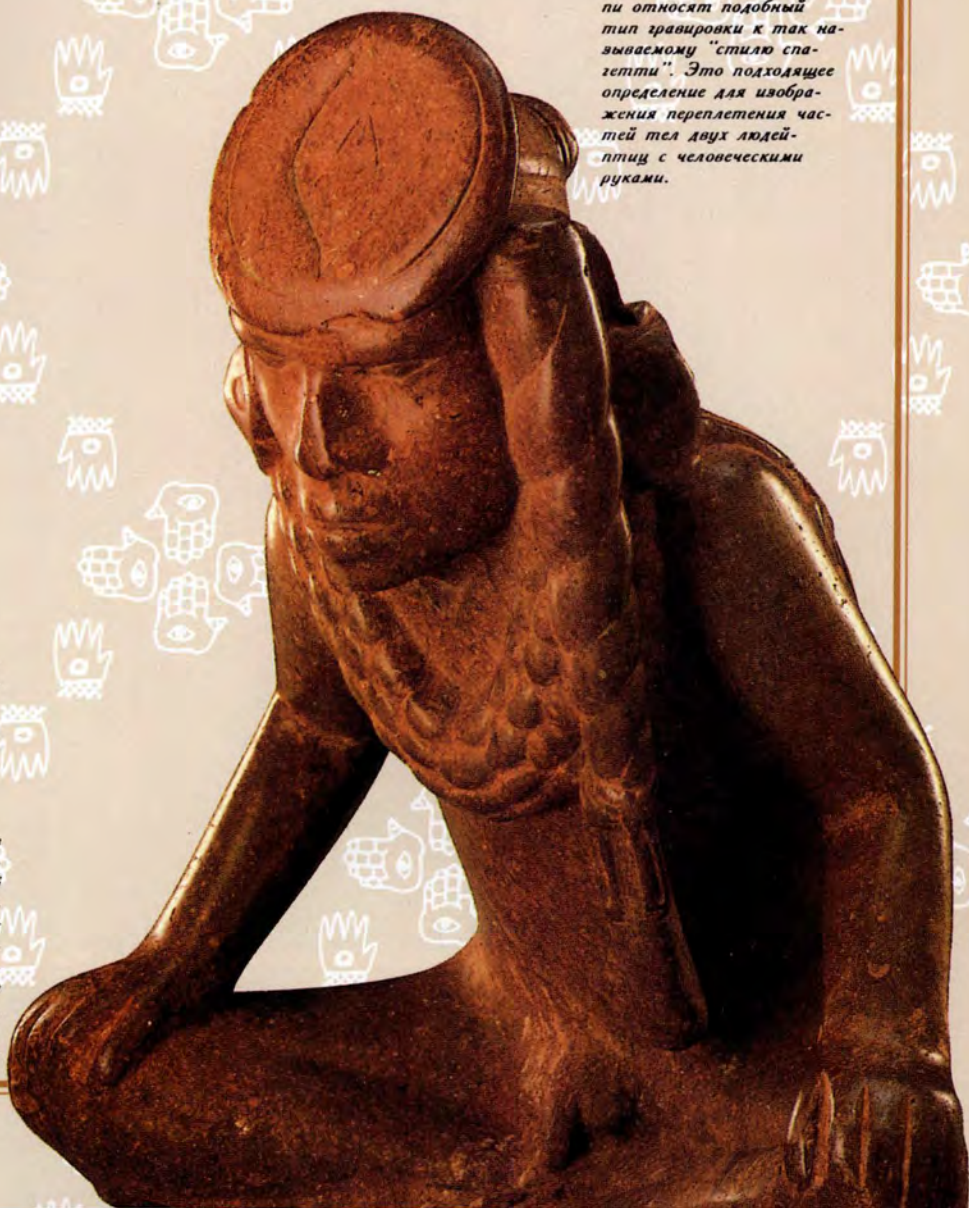
Этот предмет, изготовленный из морской раковины, был найден в Крейг Маунде в Спиро. Он мог служить как в качестве подвески, так и в качестве головного убора, который привязывали к кожаному ремню. Комбинация символов — рука, глаз на ладони, круг и крест — намекает на погребальную тему. Руки могли обозначать руки воинов или других почитаемых членов общества. Глаза, возможно, символизируют бога солнца или его могущественного земного потомка — вождя.

Эта гравированная подвеска была найдена в Теннесси. Знатоки искусства культуры Миссисипи относят подобный тип гравировки к так называемому "стилю спагетти". Это подходящее определение для изображения переплетения частей тел двух людей-птиц с человеческими руками.

На шиферной пластинке длиной в 10 сантиметров (рисунок сверху), обнаруженной в Маундвилле, штат Алабама, изображен целый комплекс мотивов. Среди них — вписанная в круг свастика, которая могла символизировать ветры, изображение глаза на ладони и две лестницы, которые, вероятно, вели в Верхний мир.

Эта великолепная трубка, выполненная в виде фигурки человека, была найдена в селении Spiro и получила название "Большой мальчик". Достигая в высоту 28 сантиметров, она несколько крупнее обычных статуэток, относящихся к культуре Миссисипи. Ее размеры и украшения — ожерелье из бусин, коса, головной убор и накидка из перьев — свидетельствуют, что изображенный человек относился к верхушке общества.

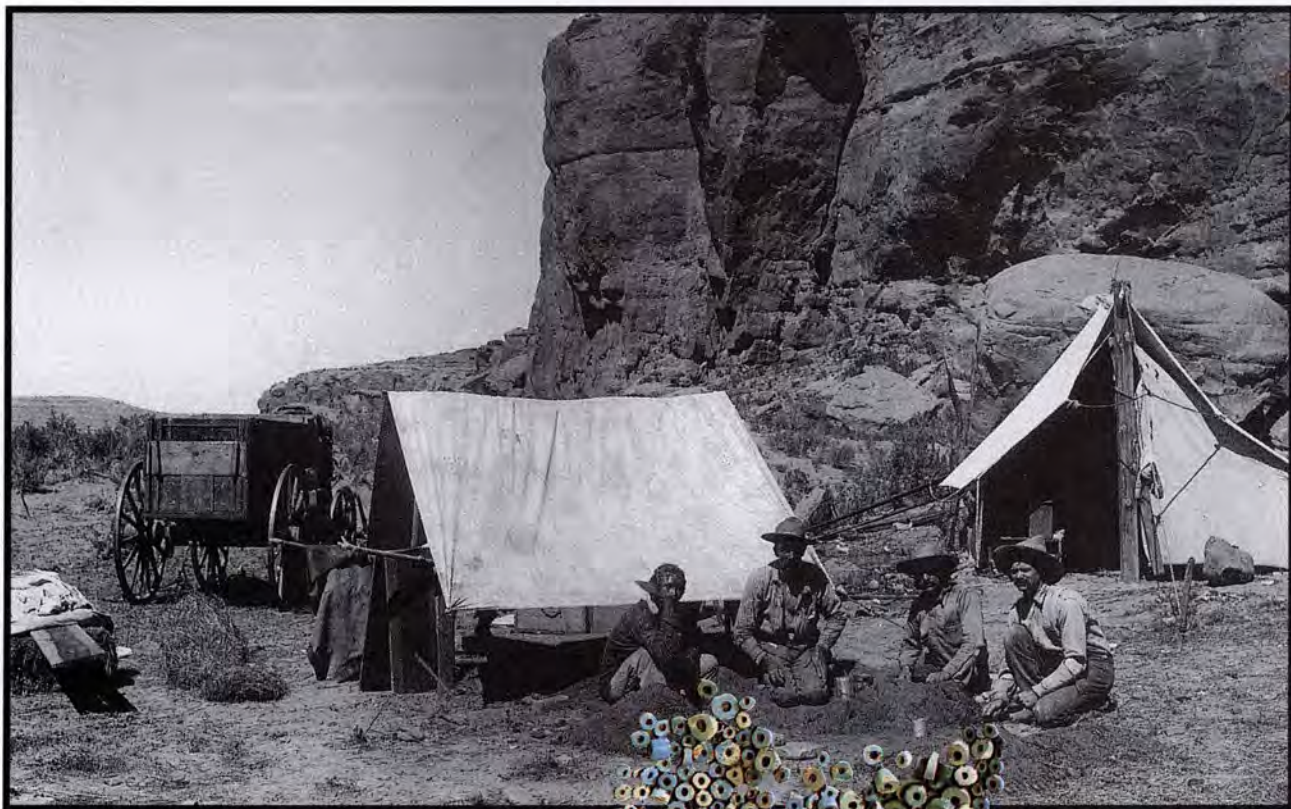
ЦВЕТУЩИЕ ПУСТЫНИ ЮГО-ЗАПАДА

Ричард Уэзерилл и его родственник Чарли Мейсон прохладным декабрьским утром 1888 года разыскивали пропавший во время густого снегопада скот. Происходило это поблизости от ранчо Уэзерилла в долине Манкос в Колорадо, недалеко от Фор Корнерс, где в одной точке встречаются территории штатов Аризона, Колорадо, Юта и Нью-Мексико. К полудню они достигли плато, окаймленного заросшим кустарником, на вершине горы Меса Верде. Ее крутые склоны были изрезаны каньонами с отвесными стенами. Когда ковбои спешили, чтобы дать отдых лошадям, и огляделись вокруг, они поняли, что забрели к каньону, который никогда не видели раньше.

Приблизившись к краю скалы и взглядевшись сквозь снегопад в противоположную стену ущелья, лежавшую в миле от них, они заметили нечто такое, от чего у них обоих перехватило дыхание. Перед ними, подобно миражу, предстал молчаливый, призрачный город. Его дома были сооружены в длинной и глубокой трещине в стене из песчаника. Уэзерилл и Мейсон и раньше видели скальные жилища в каньонах Меса Верде, но такого им еще не приходилось встречать. Строения из камня были нагромождены одно на другое, образуя череду террас, крышей которым служила природная скала. Окна, пробитые в каменных стенах, выглядели как незрячие глаза. Приблизительно в центре этого поселения возвышалась сужающаяся к вершине трехэтажная башня. Все эти строения, которым Уэзерилл дал название "Скальный дворец", выглядели достаточно просторными, чтобы вместить в себя несколько сотен обитателей.

Смысл этого 600-летнего петроглифа, обнаруженного на скале к югу от Санта-Фе в Нью-Мексико, неизвестен. Петроглиф изображает человека, относящегося к культуре Анасази. На его лицо надета маска, голова украшена орлиным пером. В руке он держит палку, которая могла являться церемониальным жезлом.

Ковбои наскоро смастерили лестницу, чтобы с ее помощью спуститься на дно каньона. Затем они вскарабкались по скользкому противоположному склону, намереваясь обследовать свою находку. С широко открытыми глазами пробирались они по темным мрачным комнатам, куда на протяжении 600 лет до этого не ступала нога человека. Затем они стали находить вещи: каменный топор, привязанный к деревянной рукоятке, кочерыжки початков маиса, керамические кубки и огромные кувшины. У Мейсона сложилось впечатление, что обитатели покидали свои скальные жилища в спешке. Однако, по крайней мере, трое из них не успели уйти. Их скелеты лежали среди камней.

Ошеломленные потоком впечатлений, ковбои вернулись к лошадям. Они решили разделиться, чтобы в оставшееся до темноты время продолжить поиски. Мейсон вернулся с пустыми руками, но Уэзерилл перед самым наступлением ночи обнаружил еще одно скальное жилище в одном из каньонов. Оно было меньше, чем "Скальный дворец", зато лучше сохранилось. На следующий день им повезло в третий раз. Они нашли поселение из 70 комнат с башней, которая по своей высоте превосходила башню "Скального дворца".

Уэзерилл, старший из пяти сыновей квакера, переехавшего на Запад из Пенсильвании и владевшего ранчо, оказался на крючке у древности. Руины вызвали в нем такое волнение, какое он никогда не испытывал прежде. Он ощущал только одно желание: увидеть и

Члены Хайдовской исследовательской экспедиции 1896 года. Ричард Уэзерилл (справа), археолог Джордж Пеппер, ответственный за перевозку груза Орайн Бак и неизвестный индеец из племени навахо просеивают в своем лагере около руин Пуэбло Бонито, относящихся к культуре Анасази, землю, взятую в одной из комнат пуэбло. Среди сделанных ими в этом месте находок было более 2000 бузин и бирюзы (фотография сверху), которые были насыпаны в корзинку и являлись частью погребального приношения.

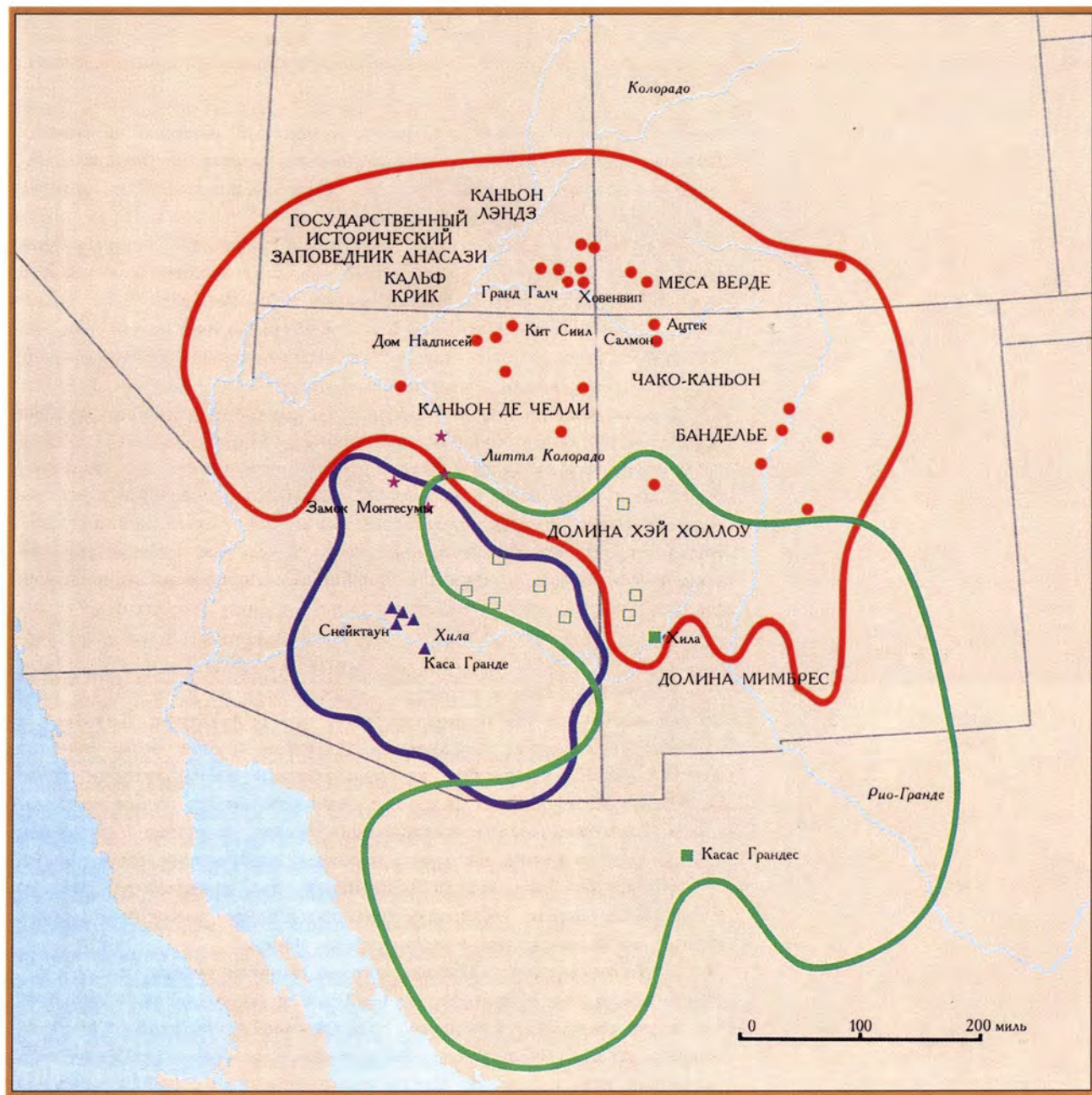
узнать как можно больше. В конце концов он целиком погрузился в поиски, приобретая тысячи предметов, изготовленных народом, названным самим Уэзериллом “анасази” (слово из языка навахо, которое можно приблизительно перевести как “древние” и “враждебные предки”), для музеев Соединенных Штатов и Европы. Упорно следуя своим собственным путем, этот самоучка стал пионером в области изучения древних народов американского Юго-Запада.

Полтора века любительской и профессиональной археологии, начало которой было положено еще до Уэзерилла, когда в 1849 году военные обнаружили и описали живописные руины в Чако-Каньоне в Нью-Мексико, позволили прийти к предварительным выводам относительно доисторических обитателей этого региона. Предварительными они являются потому, что новая информация поступает до сих пор, и, соответственно, возникают новые трактовки. Выдвинутая концепция еще не подтверждена надежными доказательствами. Как сказал один исследователь, имея дело с древней историей Юго-Запада, «вы начинаете каждое предложение словом “вероятно”, а заканчиваете его словом “возможно”».

Держа в уме подобные ограничения, большинство ученых утверждают, что три главные культуры существовали на Юго-Западе приблизительно в тот же период времени, что и культуры Хоупвелл и Миссисипи на востоке Соединенных Штатов. Лучшее всего известна культура индейцев анасази, которые обитали на территории около Фор Корнерс. Руины их пуэбло и скальных жилищ лучше сохранились и были досконально исследованы. Руины, открытые Уэзериллом и его последователями, настолько поразили воображение американцев, что они до сих пор иногда объединяют под привлекательным, но неточным названием “Обитатели скальных жилищ” различные народы, жившие на Юго-Западе в доколумбову эпоху.

Могольоны, составлявшие вторую главную группу, жили в основном среди гор Могольон, по которым и получили свое название. Эти горы располагаются вдоль границы между Аризоной и Нью-Мексико. В поздний период своей истории могольоны приобрели много сходных черт с анасази. Но до этого одна из областей проживания могольонов уже внесла свой вклад в мировую культуру, создав настоящие произведения искусства. Речь идет о так называемой черно-белой керамике мимбрес (см. стр. 98—99).

Третьей группе, хохокам, приходилось противостоять суровому климату пустыни Сонора и почти лишенных воды долин на юге центральной части Аризоны. Они, подобно современным обитателям пустыни, боролись с засухой при помощи ирригационных систем. Сооружали их сами, чтобы добиться от этой скудной почвы урожая, несмотря на то, что они, как и все древние обитатели Юго-Запада, копали каналы без помощи металлических орудий и перемещали ог-

Поселения анасази
 Поселения могольонов
 Поселения типа Западного Пуэбло
 (наследники могольонов)
 Поселения хохокамов
 Поселения синагуа

На этой карте Юго-Запада Соединенных Штатов и севера Мексики показаны регионы распространения трех главных и одной второстепенной доисторических индейских культур. Эти культуры существовали самостоятельно на протяжении тысячи лет, примерно до 1450 года н. э. Анасази (красный цвет) жили на стыке границ штатов Колорадо, Аризона, Юта и Нью-Мексико, в районе, именуемом Фор Корнерс. (На территориях, названия которых набраны заглавными буквами, обнаружена большая концентрация

селений анасази.) Могольоны и их потомки (зеленый цвет) занимали земли на границе Аризоны и Нью-Мексико и на севере Мексики. Хохокамы (синий цвет) вели изнурительную борьбу за выживание в пустынях на юге центральной части Аризоны. На севере этого региона находилась маленькая область, населенная индейцами синагуа (фиолетовый цвет). Иногда происходило частичное смешение культур на границах ареалов. Однако были случаи, когда разные культуры в разное время занимали одну и ту же территорию.

ромные груды земли, не используя колесо или вьючных животных. Археологи определили наличие в этом регионе четырех второстепенных культур. Две из них — Фремонт в Юте и Синагуа на севере Аризоны — известны лучше, чем остальные.

Разногласия начинаются, когда ученые касаются следующих вопросов: сколь долго существовали эти культуры (в среднем называют около 1000 лет), откуда они происходят и, наиболее интригующий вопрос, — что в конце концов с ними произошло. Могольоны и хохокамы начали утрачивать свою самобытность в период между 1200 и 1450 годами, но они не исчезли. Индейцы с подобными обычаями жили на этой территории и тогда, когда здесь появились первые европейцы. Исследователи с удовлетворением отмечают, что существует связь между древними народами могольон, анасази и хохокам и современными племенами, такими, как зуны, хоппи, пима и папаго.

Основными проблемами археологии Юго-Запада, как иногда кажется, являются те постоянные вопросы, на которые нет ответа, — например, как поля для игры в мяч, найденные в стране хохокамов, связаны с подобными сооружениями, относящимися к более развитым культурам Мексики, таким, как культура майя. В то же время самое сильное впечатление при изучении этих народов производит сверхъестественная долговечность их культур и способность приспосабливаться к самым неблагоприятным условиям, а также колдуны из древних легенд и магия, которой в их землях была пропитана даже пыль. Как указывает Альфонсо Ортис, антрополог из университета Нью-Мексико, они превратили окружающую среду в “очеловеченный пейзаж, наполненный древними мифами, тайнами и неведомым нам смыслом”.

Ричарда Уэзерилла, по крайней мере в самом начале его карьеры исследователя руин анасази, привлекали не мифы и тайны, а доллары и центы. Вместе со своими братьями Джоном, Элом, Клейтоном и родственником Чарли Мейсоном он превращал найденные артефакты в звонкую монету (см. *стр.* 112). Но во время поисков новых предметов для продажи в относительно небольшом скальном доме в северной части Джонсон-Каньона, он и Мейсон сделали воистину потрясающее открытие. Отодвинув большой валун, закрывавший дверной проем, и проломив внутреннюю стену, они оказались в помещении, которое могло являться гробницей воинов анасази.

На земле лежало пять скелетов. На их черепа были возложены 17 стрел. Между черепами стояли четыре кубка. Один крупный скелет располагался на циновке. По одну сторону от него лежал лук, по другую стояли чашка и корзина, прекраснее которых кладоискателям не приходилось ранее видеть. Неподалеку лежал полый жезл длиной 15 сантиметров с костяным наконечником. Лук, который оказался самым тяжелым из всех найденных ими, произвел сильное впечатление на Чарли Мейсона. Тетива, сделанная из двух сплетенных вместе сухожилий,

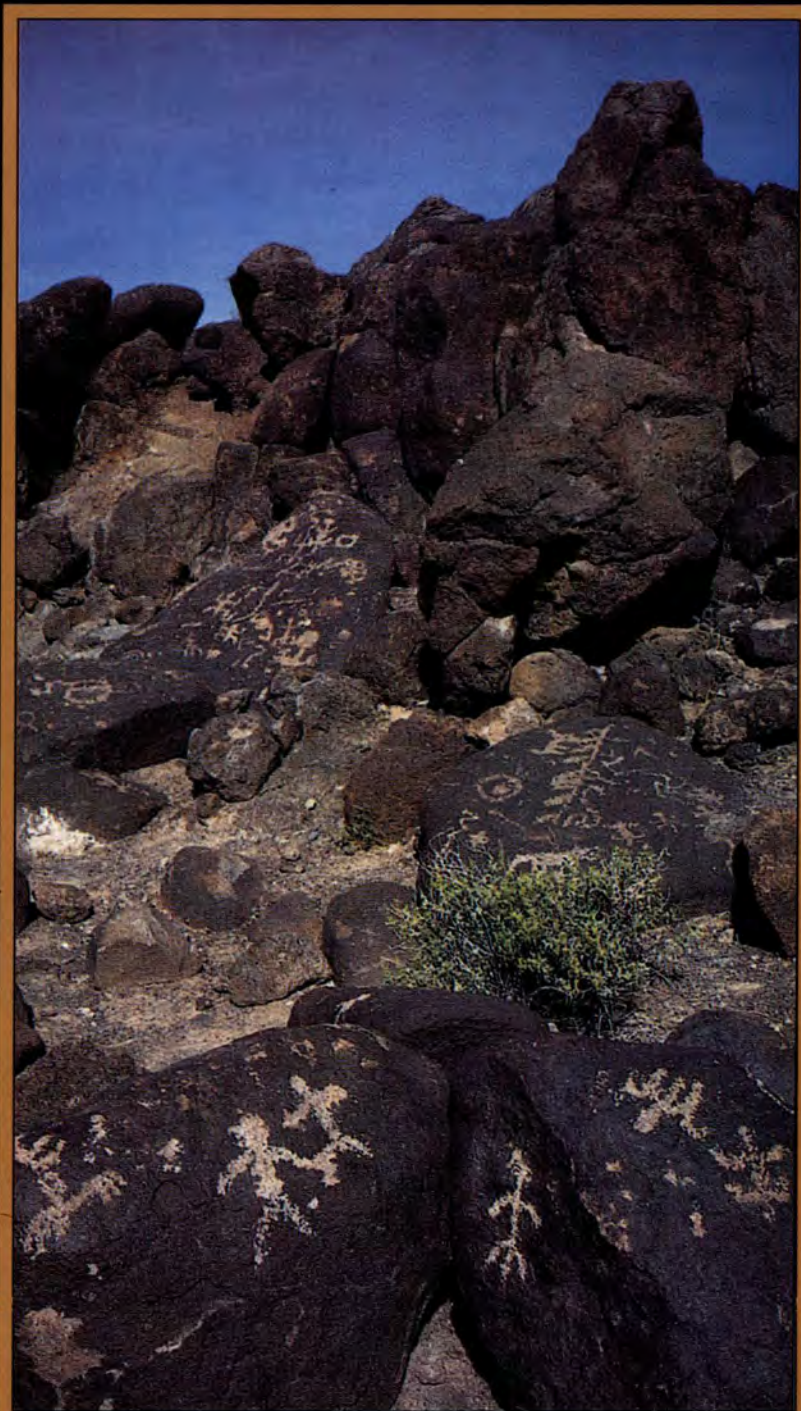
ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ

Из всего богатого наследия, оставленного древними культурами Юго-Запада, в качестве одного из самых красноречивых свидетельств об их создателях можно назвать искусство этих культур — нанесенные на скалы рисунки и гравировки. Используя минеральные красящие вещества или каменные инструменты, древние люди создавали на стенах каньонов, пещер, на валунах образы, которые должны были читаться как путеводитель по их культурному ландшафту.

Церемониальные маски, человеческие руки, фигуры, напоминающие горбуна, играющего на флейте, птицы, насекомые, змеи, животные и абстрактные формы вновь и вновь возникают перед взглядом путешественника. Археологи считают, что это были религиозные символы, помогавшие при проведении ритуала.

Рисунки, нанесенные красящими веществами, называют пиктографами, а вырезанные — петроглифами. Часто ученые могут точно определить, к какой культуре относится то или иное изображение — к Анасази, Хохокам или Могольон. Хотя эти культуры оказывали друг на друга значительное влияние благодаря торговле или миграциям, некоторые группы сохраняли свой стиль в искусстве. Примеры различных стилей можно увидеть на этой странице и трех последующих.

Эта огромная гряда камней возвышается над древним торговым путем в Аризоне. На валуны нанесены многочисленные петроглифы. Рисунки создавались художниками культуры Хохокам на протяжении более тысячи лет, в период между 200 и 1450 годами н. э. Поэтому некоторые рисунки накладываются на более старые.

Эта могольонская маска, нарисованная красной и зеленой красками, со звездами или крестами вместо глаз, была изображена почти в натуральную величину на гранитной скале в оазисе в Уэко Тэнкс, штат Техас. Абстрактность ее стиля усиливается за счет отсутствия внешнего контура.

Концентрические круги и фигура, напоминающая трезубец, выполнены в стиле Джорнада, относящемся к культуре Могольон. Вероятно, они носили ритуальный характер. Художники вырезали их на скале, на вершине горной гряды, бывшей, вероятно, культовым центром, между 1000 и 1400 годами н. э. Гряда находится в местности, называемой Три Реки, в штате Нью-Мексико.

Высокие стебли юкки возвышаются среди людских фигур. Некоторые ученые считают, что пунктирные линии над головами означают головные уборы. Справа от фигур изображены птица и горный баран. Эти петроглифы вырезаны на валуне в штате Юта между 200 и 500 годами н. э. и относятся к раннему этапу истории анасази — эпохе баскет-мейкеров ("корзинщиков").

Художники в поздние периоды истории анасази отказались от изображения статичных фигур. В их рисунках появилось больше жизни. На этом петроглифе, обнаруженном в штате Юта, ноги человеческой фигуры нарисованы достаточно правдоподобно, в отличие от прежнего способа изображения ног в виде простых палочек. Силуэты ладоней, нанесенные на скалу, имеют натуральную величину.

Парады Юго-Запада, начиная с архайических племен первого тысячелетия до нашей эры и заканчивая современными навахо, а также европейские поселенцы вырезали рисунки на темной поверхности скалы Ньюспейпер в Юте. Среди них есть фигура человека, сидящего на лошади (справа вверху), которую обитатели Юты изобразили уже в XIX веке.

была “толще, чем карандаш, и тот, кто мог натянуть тетиву до такой степени, чтобы оперение стрелы коснулось головы, — восклицал Мейсон, — должен был быть воистину могучим человеком”

Ковбой-квакеры достаточно простодушно относились к необходимости осторожного научного подхода в только зарождающейся дисциплине — археологии. Но, по крайней мере, они знали, что нуждаются в руководстве. Однако, когда они обратились за помощью в Музей Пибоди в Гарварде, им поначалу было отказано. Помощь пришла летом 1891 года с неожиданной стороны. На ранчо появился Густав Эрик Адольф Норденсьельд, 23-летний сын шведского барона и ученого, тоже ученый.

В крагах и ковбойской шляпе, пышноусый Норденсьельд с пенсне на носу бодро карабкался по почти вертикальным стенам каньонов, чтобы обследовать древние руины. Он первым понял, что круглые комнаты, которые Уэзерилл поначалу принял за хранилища, на самом деле были помещениями для проведения церемоний и собраний. Индейцы хопи называли такие помещения кивами. Норденсьельд был поражен тем мастерством, с каким были сложены из камня стены скальных жилищ. Он обнаружил на известке отпечатки маленьких пальцев. Это привело его к убеждению, что штукатурками у анасази были женщины. По обугленным початкам, семенам и другим находкам он определил основные продукты питания индейцев анасази: маис, тыкву, фасоль. Кроме того, он определил найденные им в некоторых пещерах птичьи кости как кости индейки.

Швед познакомил Уэзериллов со стратиграфией, объяснив связь между определенными слоями земли и относительной древностью находящихся в них артефактов. Тем не менее фазы пребывания анасази в Меса-Верде не были определены с достаточной точностью на протяжении 50 лет. Датировка по древесным кольцам и другие методы позволили определить, что 700-летнее пребывание анасази на этой территории завершилось около 1300 года и что многоэтажные скальные жилища использовались только в течение последних ста лет этого периода.

Уэзериллы тем временем, используя полученные знания, собирали коллекцию артефактов из Меса-Верде для экспозиции штата Колорадо на Всемирной Колумбийской выставке в Чикаго в 1893 году. Причем на первое место для них вышла не продажа, а демонстрация предметов. Ричард по просьбе властей Колорадо сопровождал экспозицию. В Чикаго он познакомился с двумя богатыми молодыми людьми, которые стали на ближайшие десять лет его покровителями. Это были 20-летний Тэлбот Хайд и его 18-летний брат Фред. Они должны были получить в наследство Беббитскую мыловаренную компанию. Ричард убедил Хайдов, что ближайшей целью предприятия, которое он окрестил “Хайдовской исследовательской экспедицией”, должно

стать обследование другого скального жилища, находившегося в местности Гранд Галч, около Блафф-Сити на юго-востоке штата Юта.

По примеру Норденсьельда, еще свежему в памяти, Ричард решил использовать в своей работе научные методы. Он завел полевой дневник с пронумерованными разделами, в которые он заносил каждый важный факт, касающийся селения. Со временем его стремление выглядеть серьезно в глазах ученых становилось все сильнее. “Я хочу досконально изучить весь Юго-Запад, — писал он своему другу. — Но сначала мне надо получить образование. Это достаточно медленный процесс”. Он уже не будет продавать свои находки и не будет рекламировать их в качестве “ацтекских реликвий”, как он это сделал однажды. По договоренности с Хайдами все находки должны были передаваться в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Ричард Уэзерилл, его братья Джон и Эл и пятеро других мужчин провели четыре месяца в Гранд Галче и двух других местах в штате Юта. Они обнаружили 1216 артефактов, в том числе 96 скелетов. Ричард был удовлетворен этим успехом, который, как он писал Тэлботу Хайду, “превзошел все ожидания”. Разумеется, он не забыл об уроках стратиграфии, преподанных ему Норденсьельдом. Тремя футами ниже уровня пола скальных жилищ Юты он обнаружил скелеты людей, которые, как он объявил, принадлежали к “иной расе”. У них не было керамики, зато они мастерски плели корзины. Ричард сначала назвал их “Людьми Корзин”, а затем переименовал в корзинщиков (Basket Makers). Он заметил, что в то время как обитатели скальных жилищ знали лук и стрелы, этот народ был знаком только с примитивной копьеметалкой, называемой атльааль.

Некоторые исследователи, разумеется, сомневались. Один профессор из Гарварда зашел так далеко, что объявил корзинщиков искусной мистификацией, с помощью которой Ричард якобы пытался поднять “если не уровень доверия, то хотя бы цены на свою коллекцию”. Два десятилетия спустя, в 1914 году, археологи, работая на севере Аризоны, подтвердили мнение Ричарда, что корзинщики являлись ранней стадией развития культуры Анасази, или Пуэбло.

Летом 1895 года путешествующая семья квакеров-музыкантов по фамилии Палмер посетила ранчо Уэзерилла. В разговоре они случайно упомянули некие руины в Чако-Каньоне в Нью-Мексико, около 224 км к югу от Меса-Верде, о которых они сами узнали с чужих слов. Ричард, до которого уже доходили подобные слухи, сразу согласился взять их туда с собой. Это решение сыграет драматическую роль в его судьбе и одновременно приведет к самым продолжительным раскопкам доисторического поселения на Юго-Западе. Руины многочисленных пуэбло в каньоне протяженностью 16 километров впервые были обследованы за 50 лет до этого лейтенантом американской армии по имени Джеймс Симпсон. Он определил границы самого сохранившегося поселения, названного Пуэбло Бонито (“прекрасная деревня”).

ДЕРЕВЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ВРЕМЕНИ: КЛЮЧ К ПРОШЛОМУ ЮГО-ЗАПАДА

В начале XX века в университете Аризоны работал Эндрю Э. Дуглас. Он был астрономом, однако смог проследить за развитием пуэбло и скальных жилищ, используя то, что он сам называл “древесными дневниками”. Под этими дневниками он подразумевал древесные кольца, отмечающие годовой рост дерева. Они отмечают не только возраст дерева, но и климатические условия, при которых происходил их рост. В зависимости от количества выпавших за год осадков эти кольца будут толще или тоньше.

На эти исследования Дугласа подвинул его интерес к солнечным пятнам. Он выдвинул теорию, что 11-летние циклы солнечной активности оказывают влияние на земную погоду. Таким образом, от них напрямую зависит толщина годовых колец. Собирая данные современных хвойных де-

ревьев Аризоны, Дуглас постепенно все больше и больше увлекался кольцевым календарем. У него появилось желание обратиться к более древним объектам. В 1923 году он начал исследовать балки и древесный уголь как из современных индейских поселений, так и из исчезнувших. В некоторых случаях кольца живых деревьев совпадали с кольцами старых бревен. Хотя таким образом Дуглас дошел до 1260 года н. э., многие куски более древних деревьев датировке не поддавались. Но они образовывали свою последовательность. Чтобы связать эти две хронологии воедино, Дугласу был необходим “Розеттский камень” древесных колец.

Возможность появилась тогда, когда срез обугленной сосновой балки (фото внизу) показал, что дерево, срубленное в 1380 году, начало расти в 1237-м. Ученый

смог соединить отдельные части хронологии. В итоге в руках у него оказалась непрерывная летопись годовых колец, уходящая на 1200 лет назад. Продолжая работу в этом направлении, он продлил эту летопись еще на 700 лет. Его датировка была основана на многочисленных примерах.

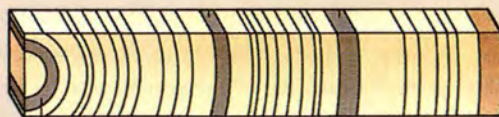
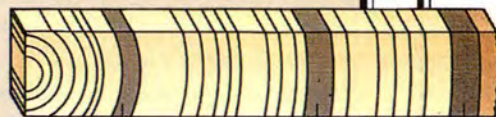
Работа Дугласа произвела революцию в археологии Юго-Запада. На ее основе развились новые научные дисциплины — дендрохронология, в которой археологи при помощи годовых колец датируют поселения и постройки, и дендроклиматология, изучающая связь между климатом и деревьями. Таким образом появилась возможность определить, когда были построены различные пуэбло и скальные жилища, такие, как, например, Арройо Хондо (фото на противоположной странице), и когда они были покинуты людьми.

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА: ИСТОРИЯ “ПЛОХИХ” И “ХОРОШИХ” ЛЕТ

Метод датировки по годичным кольцам заключается в следующем. Из определенного региона берутся образцы дерева и путем сравнения колец устанавливается их возраст. Например, образец А взят у дерева, срубленного в 1992 году. Даты вырубki деревьев, у которых взяты экземпляры В и С, неизвестны. Но путем совмещения и наложения этих срезов можно выяснить, что кольца, соответствующие 1985 году, присутствуют на образцах А и В, 1975 году — на А, В и С, а 1965-му — на В и С. Чтобы выяснить возраст дерева, теперь надо сосчитать кольца от коры до сердцевины.

Дендрохронология и дендроклиматология превратились в надежные инструменты, которые можно использовать для датировки пуэбло, подобных Арройо Хондо (фото внизу), и для установления того, сколько миллиметров осадков выпало на этой территории за время существования пуэбло. Полученные данные могут также продемонстрировать, как изменялась численность населения в зависимости от изменения климатических условий.

Руины пуэбло Арройо Хондо находятся около города Санта-Фе в штате Нью-Мексико, на высоте 2164 метра над уровнем моря. Это пуэбло было основано около 1300 года н. э. Причуды климата оказали большое влияние на его историю. Оно разрасталось при наличии благоприятных условий, иногда превышая свой первоначальный размер в сто раз, сокращалось, когда количество осадков уменьшалось, и вновь возвращалось к жизни после окончания засухи. Древесные кольца отразили эту смену влажных и засушливых периодов. Но только тщательный комплексный статистический анализ данных способен представить точные цифры относительно действительного количества выпавших осадков.

Оно имело форму полумесяца и достигало в длину 390 метров. Лейтенант насчитал на его четырех этажах 640 комнат. Более всего Симпсон был поражен качеством каменной кладки, столь “прекрасной и миниатюрной, — писал он, — что она напомнила ему чудесные фрагменты мозаичных панно”.

Уэзерилл, прибыв туда вместе с Палмерами в октябре, сразу определил Пуэбло Бонито как место своих следующих изысканий. В письме к Хайду он предлагал предпринять экспедицию, которая сулила богатые находки. Руины были “почти неизвестны”, в каньоне он обнаружил еще 11 больших пуэбло, и все свидетельствовало о том, что их могло быть не меньше сотни. Прочитав все это, Хайды согласились субсидировать раскопки, которые должны были начаться следующим летом. Но на этот раз было решено внести важное изменение. Во главе экспедиции должен был встать не Ричард, а профессиональный ученый. Ф. У. Патнэм, куратор Музея Пибоди и Американского музея естественной истории, порекомендовал Хайдам на эту должность 23-летнего Джорджа Пеппера, археолога из Гарварда.

Пеппер, Уэзерилл и 18 рабочих-навахо (язык которых знал Уэзерилл) поздней весной 1896 года начали работу в Пуэбло Бонито. Хотя Пеппер ясно давал понять, что намерен сосредоточиться на ведении записей, предоставив другим осуществлять непосредственное руководство работами, Уэзерилл был оскорблен уже одним его присутствием. Он выразил Тэлботу Хайду недовольство тем, что он называл “неумелостью Пеппера”, и упомянул, что в одном случае он “взбунтовался” против своего юного начальника. Уэзерилл беспокоился, что Пеппер, как признанный ученый, в случае успеха пожнет все лавры.

В ходе раскопок появлялись все новые и новые находки. За первую половину лета были обследованы 18 комнат и одна большая кива. Затем, в августе, исследователи сделали серию выдающихся открытий. Выкорчевав кустарник и убрав слой песка, рабочие-навахо наткнулись на верхнюю часть стены. Ниже уровня пола на 60 сантиметров они обнаружили несколько кусочков бирюзы. Еще ниже располагался тайник с 20 превосходно сохранившимися кувшинами и горшками. Следующие два дня работ принесли 12 подвесок из бирюзы, 114 кувшинов и 22 кубка — самую крупную коллекцию керамики, когда-либо найденную на Юго-Западе.

В первой из двух небольших комнат, из которых состоял тайник, исследователей ждало волнующее открытие. Здесь находилось захоронение человека, который, очевидно, занимал высокое социальное положение. Около его костей лежали колчан с 81 стрелой, керамические изделия, более 300 деревянных жезлов и каменная фигурка птицы, инкрустированная бирюзой. Во второй комнате находились останки еще одного человека, принадлежавшего к верхушке общества. Его запястья и лодыжки были обвиты толстыми нитями бирюзовых бус с подвесками. Еще две такие же нити, в которых насчитывалось более 4000 кусочков бирюзы, охватывали шею и талию покойника. Когда Уэзерилл попытался

поднять стоящую рядом отделанную бирюзой цилиндрическую корзину, он с удивлением обнаружил, что она достаточно тяжела. В ней оказалось свыше 5000 бусин и подвесок из бирюзы и раковин.

Работы были завершены в сентябре. К этому времени для музея было собрано такое количество артефактов, что зафрахтованная для их перевозки машина оказалась загруженной до краев. Кроме керамики, полудрагоценных камней и скелетов там оказались деревянные флейты, каменные фигурки животных и множество деревянных жезлов, которые, вероятно, использовались жрецами при проведении церемоний. Кроме этого, Уэзерилл приобрел невесту — 20-летнюю Мариэтту Палмер, на которой он женился год спустя, — и прозвище Анасази. Так его стали называть индейцы навахо.

Каждый год на протяжении трех лет экспедиция возвращалась в Пуэбло Бонито. Всего было обследовано 190 комнат, включая несколько просторных кив, и получено 25 000 долларов из бездонных карманов Хайдов. Ковбой Ричард Уэзерилл достиг вершин в археологии. Он распознал среди керамики Пуэбло Бонито образцы, которые были схожи с сосудами, найденными в Меса Верде. Из этого он сделал вывод, что анасази пришли в Пуэбло Бонито из более северных регионов. Уэзерилл также обнаружил кости птиц, которые он определил как кости попугаев ара, которые, как известно, не встречаются севернее тропических областей Мексики. Это открытие показало, что между древними мексиканцами и анасази могли существовать торговые связи.

Ричард Уэзерилл в конце концов не выдержал осады, организованной академиками и правительственными чиновниками. Обвинения в укрывательстве находок и спекуляции привели к тому, что правительственная Генеральная земельная служба в 1900 году постановила прекратить деятельность Хайдовской экспедиции. Уэзерилл, который в Чако построил себе дом и основал факторию, был отстранен от дальнейших археологических работ в каньоне, объявленном в 1907 году национальным памятником. Три года спустя в возрасте 52 лет Уэзерилл был убит при не совсем выясненных обстоятельствах во время спора его пастуха с несколькими индейцами навахо по поводу пропавшей лошади. На его банковском счету нашли только 74 доллара 23 цента. Он был погребен с почестями в 300 метрах от стены Пуэбло Бонито, где в свое время хоронили своих умерших сами анасази. Дэйви Форд, археолог Национального исторического парка культуры Чако, сказала, что ей кажется "вполне справедливым, что Уэзерилл лежит вместе со своими древними друзьями".

Последующие исследования в Чако-Каньоне, проведенные археологами Нейлом Джаддом, Фрэнком Робертсом и Гордоном Вивьеном, показали, что самые ранние обитатели каньона — корзинщики — появились здесь между 500 и 850 годами н. э. Они также высказали предположение,

что в момент наивысшего расцвета поселения в нем проживало более 5000 человек. Эта цифра была решительно опровергнута в ходе последующих раскопок. Джадд, молодой ученый из Смитсоновского института, в 1920-х годах семь лет руководил экспедицией, которую финансировало Национальное географическое общество. Он, как и лейтенант Симпсон, и Анасази Уэзерилл, был очарован Пуэбло Бонито. «Ни один другой жилой дом ни в Америке, ни в Старом Свете не мог сравниться с ним своими размерами, — писал он, — до тех пор, пока в 1882 году на 59-й улице и на 7-й авеню в Нью-Йорке не были возведены Спэниш Флэтс».

Самое грандиозное свое открытие Джадд сделал почти случайно. В маленькой внутренней комнате были найдены сосуды, корзинки и части скелетов. Поддавшись импульсу, Джадд соскоблил своим мастерком небольшой участок пола и обнаружил несколько бусин. Схватив кисточку и шило, он продолжил расчистку и извлек из земли «несравненное» бирюзовое ожерелье из четырех нитей и две пары серег «изумительно голубого цвета».

«Я не могу адекватно описать то глубокое волнение, которое охватило меня в момент открытия, — писал Джадд. — Случайно снятый небольшой слой земли, движение инструментом, такое же механическое, как и тысячи других, совершаемых каждый день, открыло миру скрытые от него в течение долгих веков сокровища». Слухи об обнаруженном сокровище наэлектризовали рабочих зуни и навахо. Все бросились любоваться найденными ювелирными украшениями. Материал, который связывал ожерелье воедино, почти не сохранился. Однако Джадд ухит-

Руины поселения хохокамов, известного ныне под названием Снейктаун, похожи на рельефную карту этой исчезнувшей общины. Они выглядят глубоко вырезанными на поверхности земли, благодаря яркому солнечному свету пустыни. В 1964 году Государственный музей Аризоны начал проводить здесь раскопки, которые продолжались семь месяцев. В ходе работ обнажились остатки домов сложной планировки, их стены и полы. Жилища, вмещавшие не менее 500 человек, возводились и перестраивались здесь на протяжении более 1000 лет, начиная приблизительно с I века н. э.

Эмиль Хаури, начальник раскопок 1964–1965 годов в Снейктауне, позирует в одном из каналов, который вырыли хохокам, чтобы подвести к своим посевам воду реки Хила. Они были первым народом на территории Соединенных Штатов, который стал сооружать ирригационные системы. Хохоками копали каналы, видимо, при помощи заостренных палок. На стенах канала можно заметить следы, оставленные подобными инструментами.

Построенное в Снейктауне в 800 году н. э. и впервые обследованное археологами в 1934 году, это углубление служило одним из стадионов для игры в мяч. Размеры сооружения достигают 56 метров в длину и 19 метров в ширину. Оно напоминает подобные стадионы, найденные в Мексике. Игра также, видимо, была организована по мексиканскому образцу. Игроки пытались, используя только бедра и предплечья, пробросить мяч сквозь кольца, прикрепленные на стенах высоко над землей.

рился сохранить изначальную последовательность дисков при помощи струны банджо, взятой у одного из рабочих.

Проблемой, которая осталась неразрешенной в ходе работы экспедиции Национального географического общества под руководством Джадда, была дата заселения индейцами анасази “больших домов” в Чако-Каньоне. Они появились там раньше, чем испанцы, достигшие этих мест в XVI веке. Но на какой промежуток времени они опередили европейцев? Ключ к этой загадке обнаружил

ученый, специальностью которого были не древние цивилизации, а небесные тела.

Эндрю У. Дуглас, астроном Аризонского университета, начал изучать годовые кольца деревьев в 1901 году. С их помощью он пытался выяснить связь между солнечными пятнами и погодой на Земле (см. стр. 90). Казалось, существовала параллель между солнечными пятнами, каждый новый цикл изменения которых длился 11 лет, и уровнем осадков. Дуглас предположил, что древесные кольца, относительная толщина которых в первую очередь зависела от количества влаги, могут быть

связаны с циклами солнечной активности. Свои выводы он смог подтвердить, используя балки из Пуэбло Бонито и других селений Юго-Запада. Тем самым он совершил революцию в науке датировки археологических памятников. Используя свой метод, он датировал постройку Пуэбло Бонито периодом между 919 и 1130 годами н. э.

Первых археологов Юго-Запада просто раздражал вопрос о том, сколько доисторических культур проживало на этой суровой земле и как их отличать друг от друга. Основываясь на проведенных в 1992 году исследованиях, ученые условно определяют первоначальных обитателей этого региона как охотников-собираателей. Этот народ оставил отпечатки ладоней и пальцев, которым не менее 28 000 лет. Эти отпечатки могут отодвинуть дату заселения Юго-Запада к временам более древним, чем 9500 год до н. э. — дата, которая была предварительно принята на основе радиоуглеродного анализа обработанных ретушью каменных наконечников дротиков, найденных около города Кловис в штате Нью-Мексико. Наконечники дротиков типа Кловис были обнаружены застрявшими в ребрах мамонтов, которые вымерли во время последнего ледникового периода.

Приблизительно к 6000 году до н. э. — начало архаического периода — эти охотники-собираатели превратились в более или менее оседлый народ, занимающийся охотой на мелкую дичь. Это были пред-

шественники анасази, появившихся около 200 года н. э. и привлекавших первых археологов своими скальными жилищами и сооружениями Чако-Каньона. Но даже во времена Уэзерилла находились исследователи, замечавшие разницу в стилях и предполагавшие, что Юго-Запад принадлежал не только анасази.

Фрэнк Гамильтон Кашинг был жителем Нью-Йорка. Но он был до такой степени влюблен в культуру индейцев Юго-Запада, что в 1880-х провел четыре года в пуэбло зуньи и затем еще 15 месяцев занимался раскопками в долине Солт-Ривер в Аризоне в качестве антрополога Смитсоновского института. Результаты работы Кашинга были опубликованы лишь спустя 50 лет. Тем не менее он был первым исследователем культуры, которая позже получила название Хохокам. Это слово, взятое из языка индейцев пима, переводится как “предки” или “утраченные люди”.

Хохокамы, жившие в долинах Солт-Ривер и Хилы, в районе современных городов Феникс и Тусон, попали в поле зрения ученых после работы Гарольда Глэдвина, биржевого брокера, ставшего археологом-любителем, и Эмиля Хаури, некогда возглавлявшего отдел антропологии Аризонского университета и являвшегося ведущим современным археологом Юго-Запада. Глэдвин свое появление в науке датировал 1924 годом, когда он, вместе с уважаемым гарвардским ученым Альфредом В. Киддером, предпринял экскурсию, в ходе которой они наткнулись на неисследованные руины. Они остановились в этом месте и, как писал Глэдвин, “через некоторое время мы собрали коллекцию, которая определила мою дальнейшую судьбу”.

В течение десятилетий Кашинг, Киддер и другие видели в жилищах в пустыне следы иной культуры. Хаури и Глэдвин подтвердили эти предположения в ходе многолетних исследований поселения Снейктаун в районе Феникса. Красновато-темно-желтая керамика хохокамов не похожа ни на один тип керамики анасази. Хохокамы кремировали своих умерших и жили не в многоквартирных пуэбло, а в отдельных прямоугольных однокомнатных домах. Они сооружали сети ирригационных каналов, строили стадионы для игры в мяч, подобно некоторым народам Центральной Америки, а также создавали многочисленные ювелирные украшения из раковин, глиняные статуэтки и предметы из камня. Поначалу ученые проявили определенный скептицизм относительно существования еще одной, помимо анасази, доисторической культуры пустыни. Один академик в разговоре с Хаури заметил, что они были “not Hohokam but hokum” (не хохокамы, а бессмыслица). Однако к 1931 году всякие сомнения исчезли.

Пятью годами позже Хаури смог также идентифицировать культуру Могольон, существовавшую в горном районе на границе между Нью-Мексико и Аризоной. Первоначально предполагалось, что могольоны были местным вариантом анасази из-за сходства их пуэбло и керамики. Однако дальнейшие исследования показали, что это было

результатом смешения двух самостоятельных культурных традиций. Хаури, который первым произвел археологические исследования деревни, определенно относящейся к культуре Могольон, смог доказать, что до 1000 года н. э. дома и керамика могольонов имели совершенно иной вид и что обитавшие в горах могольоны гораздо больше внимания уделяли охоте, чем анасази или хохокамы. Другие археологи обнаружили в великолепной керамике мимбрес, изготовленной одной из подгрупп могольонов, произведения искусства столь же самобытные, сколь и красивые.

На некоторых черно-белых чашах встречаются изображения, похожие на людей, зверей, рыб, насекомых, а также мифические существа. Однако большинство из них демонстрирует симметричные, тщательно выполненные геометрические орнаменты. Их создатели жили в группе деревень, растянутой вдоль реки Мимбрес в юго-западной части Нью-Мексико в период между XI и XIII веками. Археологи-любители Корнелиус и Гэрриэт Косгроувы из Силвер-Сити, штат Нью-Мексико, в 1920-е годы, непосредственно перед тем моментом, когда культура Могольон была определена как самостоятельное явление, провели первые систематические поиски чаш стиля мимбрес в селении, называемом Сворт Руин. Косгроувы обнаружили 635 керамических сосудов, помещенных в качестве ритуальных подношений рядом с телами умерших, которые были погребены под плотно утоптанной глиняными полами. Пробитые в чашах отверстия могли обозначать ритуальное "убийство", которое, вероятно, сопровождало похороны.

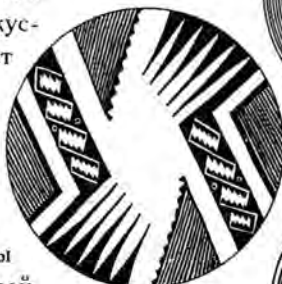
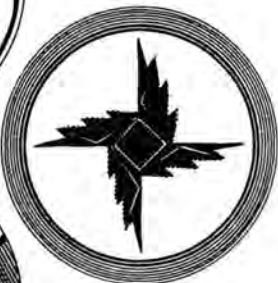
Как и все мастера Юго-Запада, гончары Мимбрес работали кисточками из листьев юкки, расщепленных с одного конца. Их прикосновение было таким тонким, что можно было провести 15 параллельных линий на пространстве шириной всего 1,9 сантиметра. Часто на изображениях присутствуют персонажи мифов, до сих пор существующих среди современных индейцев Юго-Запада: играющий на флейте горбун, символизирующий плодородие, и женщина-паук, которую индейцы считают матерью земли.

"Археологическая ценность росписей на керамике мимбрес превосходит ценность эстетическую, — считает археолог Стефен Лексон. — Искусство мимбрес изображает растения, людей, насекомых и животных с большой точностью и аккуратностью". Историк искусства Дж. Дж. Броуди из университета Нью-Мексико описывает духовный мир, отраженный в искусстве мимбрес, как вселенную, "сохраняющую гармонию благодаря строгому равновесию между всеми существующими противоположностями".

На самом раннем этапе своего существования, датируемом приблизительно 200 годом н. э., могольоны жили в полужемлянках, построенных в гротах или пещерах. Крыши этих жилищ были сделаны из зеленых веток и тростника. Их обитатели охотились на диких зверей, разнообразя свой рацион маисом, фасолью, тыквами, орехами и семенами.

В 1914 году этнолог Джесси Уолтер Фьюкс сделал замечательное открытие в местности Мимбрес на юго-западе штата Нью-Мексико. Из земли были извлечены сотни чаш с замысловатыми росписями. Верхний рисунок, взятый из отчета Фьюкса, свидетельствует о том, что некоторые чаши были найдены в погребениях. Иллюстрации Фьюкса (рисунок внизу) демонстрируют лишь несколько геометрических орнаментов из тысяч, нанесенных на керамику мимбрес.

Изображение на этой чаше стиля мимбрес может являться иллюстрацией к мифу, до сих пор существующему у современных индейцев. В нем Герои-Близнецы добыли дождя из пасти чудовища по имени Глотатель Облаков (Cloud Swallower). Тем самым они положили конец засухе. Дыра, проделанная в центре, свидетельствует, что эта чаша предназначалась для погребения. Как считают некоторые ученые, подобные отверстия делались в ритуальных целях, чтобы высвободить дух, обитавший в сосуде.

Декоративные элементы в керамике мимбрес имеют равнообразную форму: от абстрактных изображений, подобных рисунку на приведенной здесь чаше (справа), до фигур конкретных животных, как, например, этот сосуд, изображающий снежного барана (внизу). Фигурные сосуды, подобные этому, могли использоваться для хранения в течение зимы семян, предназначенных для весеннего сева.

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА: ПОВЕСТВОВАНИЕ В СТИЛЕ МИМБРЕС

Судя по керамике, древние народы, жившие в долине реки Мимбрес на юго-западе штата Нью-Мексико, обладали высокоразвитым эстетическим вкусом. Их ранние керамические изделия, датируемые III веком н. э., не имеют украшений. Они использовались в основном для приготовления пищи и хранения продуктов. Но к XI веку появился новый великолепный стиль, самые прекрасные образцы которого использовались при проведении церемоний. В погребениях часто встречаются чаши. Иногда их надевали на голову покойника. Рисунки должны были предоставить умершему возможность последний раз взглянуть на мир живых.

Мастера расписывали свои изделия смесью из толченого гематита, глины и воды. Цвет изображения зависел от температуры пламени при обжиге и от количества кислорода в печи. Сами рисунки весьма привлекательны. В 1960-х они ценились коллекционерами столь высоко, что грабители бульдозерами сносили верхний слой почвы в древних селениях, чтобы быстрее добраться до скрытых в земле сокровищ.

По поверхности этой чаши, диаметр которой 15 сантиметров, разбросаны изображения летающих насекомых. Красноватый оттенок она приобрела благодаря богатому содержанию кислорода в атмосфере печи. Меньшее количество кислорода придает рисунку черный цвет.

Стилизованные изображения горного барана на верхней чаше и хищницы на левой напоминают произведения современного искусства. Они являются типичными примерами декоративной росписи, которая так привлекает коллекционеров XX века.

Их деревни, расположенные главным образом в горах, но иногда встречающиеся и в долинах, представляли из себя группы домов, построенные без определенного плана. Могольоны, как и анасази, строили кивы и церемониальные сооружения, но их постройки имели не круглую, а прямоугольную форму.

Артефакты из пещеры Тулароса показывают, что могольоны носили одежды из шкур и перьев, играли на флейтах из тростника, курили трубки (возможно, только в определенных случаях) и увлекались азартной игрой, напоминающей игру в кости, — на некоторых сосудах встречаются изображения смущенных проигравших. В местностях, где количество дичи не удовлетворяло потребностей, индейцы страдали от недостатка протеина. Скелеты из поселения могольонов, относящегося к поздней эпохе, демонстрируют повреждения костей, вызванные как анемией, так и инфекционными заболеваниями.

Археолог Стивен Ле Бланк, опираясь на свои исследования селений могольонов, проведенные в 1970-х, пришел к выводу, что их общество базировалось на принципах равноправия, не имея никаких признаков классового деления. У них не было роскошных погребений, не было домов, превышающих своими размерами остальные, не было тайников с прекрасными предметами, подобных тайнику в Пуэбло Бонито. Несмотря на великолепие керамики мимбрес, нет свидетельств существования у могольонов профессиональной специализации. Не су-

Скальные жилища Хилы занимают пять пещер, расположенных на высоте 54 метров над уровнем реки в горах Могольон в юго-западной части штата Нью-Мексико. По названию этих гор получил свое имя народ, построивший эти каменные сооружения в XIII веке н. э. Главный вход (фото сверху) был расположен на значительной высоте, чтобы обезопасить обитателей жилища от незваных гостей. Арки, образованные в скале естественным путем (фото на соседней странице), соединяют в единую систему три пещеры, расположенные на востоке этого комплекса.

ществовало у них ни одной деревни, которая выделялась бы своим богатством. Согласно Ле Бланку, “мы не имеем достаточного количества свидетельств существования торговли или перемещений людей” до того, как могольоны попали под влияние анасази.

Некоторые мужчины из племени могольон, вероятно, принадлежали к особым группам, которые антропологи называют братствами, сообществами. Символами принадлежности к ним часто служили украшения, найденные рядом со скелетами. Подвески из раковин, костяные заколки и пучки стрел могли обозначать три подобные “ложи”, которые, вероятно, существовали в селении на плато Грассхopper в Восточной Аризоне. Однако реальный смысл и назначение этих предметов остаются неизвестными. Исследования погребальных обычаев, проведенные археологом Дж. Джефферсоном Рейдом из Аризонского университета на плато Грассхopper в конце 1970-х, показали, что в захоронениях детей, не достигших девятилетнего возраста, артефакты почти совершенно отсутствуют. Однако после этого количество предметов начинает увеличиваться пропорционально возрасту детей, пока те не достигают 15 лет. Рейд объясняет это тем, что в этом возрасте человек достигал зрелости.

На протяжении 50 лет было принято считать, что могольоны обладали менее развитой культурой, чем хохокамы и анасази. Керамика у них была великолепной, но это было чуть ли не единственное их достижение. В частности, их деревни считались “небрежно построенны-

Эти две дощечки относятся к культуре Хохокам. Они использовались для растирания и смешивания красок для тела и лица. Краски использовались преимущественно при обряде кремации. Украшения на подобных дощечках могли варьироваться от относительно простых, как на верхней дощечке, до более изысканных, подобно нижней дощечке, выполненной в виде фигурки ротатой лягушки. Чаще всего дощечки встречаются в погребениях.

ми” по сравнению со скальными жилищами анасази в Меса Верде, пока установленная в 1970-х датировка по древесным кольцам не показала, что они вообще не принадлежали одной эпохе. Поселки могольонов в долине Мимбрес были построены на столет раньше. К XI веку деревни могольонов утратили свой беспорядочный вид и начали походить на поселения анасази. Дома, построенные в пещерах, постепенно вытеснялись многокомнатными пуэбло. Доктор Линда Корделл из Калифорнийской академии наук считает, что эти изменения были связаны с ростом населения и постепенным слиянием местных традиций. Сходство их керамики и архитектуры позволило доктору Корделл предположить возможность мирного “союза”, возникшего около 1200 года между некоторыми могольонами и анасази. По мере роста селений интенсифицировалось сельское хозяйство. Земледельцам пришлось прибегнуть к строительству ирригационных каналов, чтобы обеспечить пищей растущее население. В некоторых районах их обширной территории — такой же большой, как территории анасази и хохокамов вместе взятые — бесклассовые общины могольонов перешли к иерархической системе. Возможно, как считает Ле Бланк, у них появились вожди.

Хохокамы, которые жили в нескольких сотнях километров от могольонов в поросшей кактусами пустыне на юге центральной части Аризоны, создали культуру, базирующуюся на ирригационном земледелии. Она просуществовала более тысячи лет. Хохокамы с большим искусством возводили дома. На выжженной солнцем почве они располагали свои селения вдоль редких речек и около неглубоких источников. Они создали самую изощренную доисторическую ирригационную систему к северу от Мексики. Археологам, занимающимся датировкой, приходится работать с ограниченным количеством деревьев. Поэтому они не могут прийти к единому мнению относительно того, сколь долго хохокамы могли существовать за счет скудных даров природы. Сейчас, однако, общепринятым является мнение, что их культура существовала на протяжении более 1100 лет, между 200 и 1450 годами н. э.

Фрагменты обширной ирригационной сети — более 640 километров каналов только в районе Феникса, некоторые из которых были определены при помощи спутников — служат свидетельством развитой инженерной мысли и сообразительности. Каналы были прямые и глубокие — 2 метра в глубину и только от 1,8 до 3 метров в ширину. Таким образом, площадь поверхности была относительно невелика, а значит, и меньшее количество воды испарялось под воздействием знойных солнечных лучей. Канавы и отводные каналы доставляли из рек Солт и Хила воду на поля, где земледельцы выращивали маис, тыкву, фасоль, хлопок и другие сельскохозяйственные культуры, собирая, вероятно, два урожая в год. По иронии

*Среди артефактов, созданных хохокамами с особым изяществом, находятся и эти раковины, относящиеся приблизительно к 1000 году н. э. Они доказывают, что эта культура Юго-Запада первой в мире начала развивать искусство гравировки. Сначала смолой наносился рисунок. Затем при помощи слабой кислоты, вероятно, забродившего сока кактуса сагуаро (*Carnegiea gigantea*), удалялись оставшиеся чистыми участки поверхности.*

судьбы разливы этих дающих жизнь рек могли повреждать или разрушать каналы.

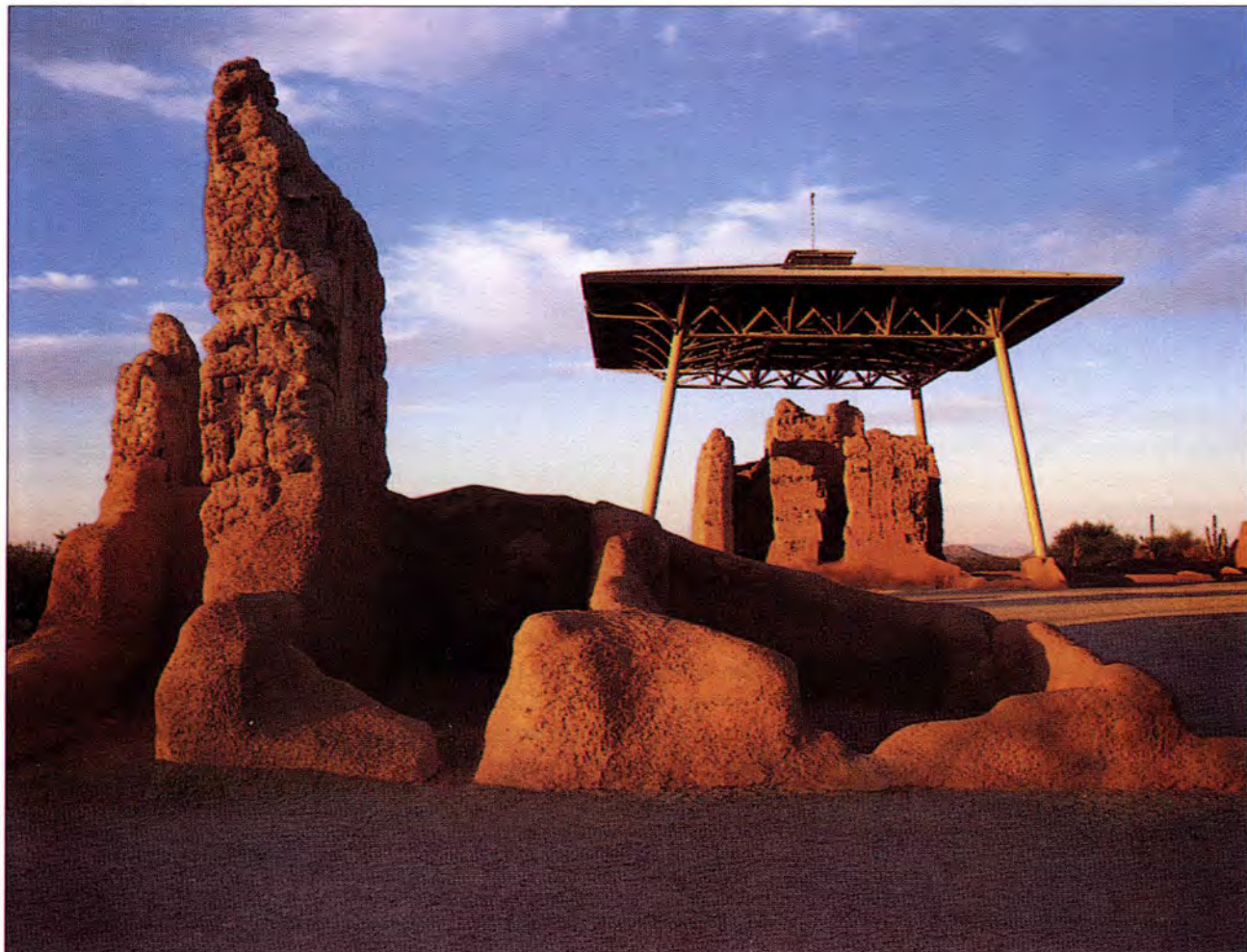
В начале 1980-х археологи Пол и Сьюзен Фиш решили выяснить, какое количество труда было затрачено хохокамами на строительство каналов. Расчеты они производили по разработанной ими формуле. Они выяснили, что одновременно могли функционировать не более 320 километров из общей длины каналов. Из этого они вывели объем земли, который необходимо было переместить при строительстве системы подобных размеров, — 859 491 кубический метр. Используя цифры Всемирной Организации Здравоохранения, исследователи установили, что один рабочий мог перемещать 0,95 кубического метра в день. Это дало им ответ: сотне мужчин, работающих один месяц в году, понадобилось бы 420 лет, чтобы построить основную сеть каналов. Работая три месяца в год, они управились бы за 140 лет. Но осталось без ответа множество вопросов: сколько землекопов было задействовано одновременно и как долго длилось все строительство? Работа на постройке каналов была принудительной или добровольной? Кто осуществлял надзор за работами?

Строительное искусство хохокамов мы можем оценить не только по сети каналов. В их селениях были обнаружены около 200 стадионов. Эти стадионы представляли из себя овальные поля для проведения ритуальной игры в мяч. В районе Феникса было построено пять стадионов в селениях на расстоянии 6,4 километра друг от друга. Игра была похожа на ту, которая существовала в Мексике: игроки пытались без помощи рук и ног попасть резиновым мячом в кольцо, прикрепленное к стене высоко над землей. В селении Снейктаун поле для игры в мяч было 56 метров в длину и 19 метров в ширину. Вдоль каждой из сторон были насыпаны земляные валы. Были найдены три каменные метки — две на концах поля и одна посередине между ними, — но ни одного кольца. В этом же селении обнаружили фигурки людей, которые могли быть изображениями игроков — на их голених и плечах изображены щитки.

Стадионы для игры в мяч относятся к тем объектам, вокруг которых продолжают споры археологов. Основная тема этих споров — являлись ли хохокамы выходцами из Мексики, или же они были коренными обитателями Юго-Запада, культура которых развивалась на местной почве. В селениях хохокамов были найдены церемониальные и декоративные

Этот браслет вырезан из раковины глицимерис, привезенной, вероятно, с побережья Калифорнийского залива. Он является отражением того интереса, который хохокамы испытывали к ямкам. Археолог Эмиль Хаури был "ошеломлен невероятной тонкостью исполнения" подобных артефактов, которые обычно встречаются в погребениях с кремацией.

предметы, сделанные в Мезоамерике, например, медные колокольчики и мозаичные зеркала из пирита, а также кости попугая ара. Некоторые ученые пытались доказать, что характерные черты культуры Хохокам скорее имеют сходство с мексиканскими культурами, чем с архаическими культурами предшественников хохокамов. (Тем не менее Глэдвин допускал, что его убеждение “в большей степени основывается на упрямстве, чем на научных фактах”.) Но в последнее время ученые склонны считать, что все индейские культуры Юго-Запада произошли от архаических племен. На этом, по крайней мере в данный момент, в спорах наступило затишье.

Деревня хохокамов представляла собой скопление саманных хижин с соломенными крышами. Их стены были укреплены деревянными каркасами. Иногда дома были объединены в группы, в которые входило от двух до шести жилищ, принадлежавших, вероятно, одному роду. Люди употребляли в пищу маис в различных видах, а также тыкву, несколько разновидностей фасоли, дикие растения пустыни. Иногда им удавалось добыть оленя или кролика. От камней, которые они использовали в качестве зернотерок, откалывались мелкие осколки, попадавшие в пищу и наносившие вред зубам. Изучение скелетов, найденных в поселении поздней эпохи недалеко от Феникса, показало, что хохокамы, как и другие

Руины Каса Гранде (Большого Дома), возведенного хохокамами, возвышаются на 10 с лишним метров над пустыней Сонора в Аризоне. Многоэтажное сооружение, построенное около 1300 года н. э., могло служить резиденцией, административным центром, хранилищем или обсерваторией. Кирпичи для его стен были изготовлены из богатой известью подпочвы. Современный навес призван предотвратить дальнейшую эрозию.

их современники, страдали от болезни десен. У многих был артрит, а скелеты пожилых женщин часто носят следы остеопороза. Подвергнув анализу кости и применив современные знания о креплении к ним мускулов, ученые выяснили, что обычно мужчины обладали сильными предплечьями, развившимися, вероятно, благодаря ручному труду, которым они занимались. У женщин лучше были развиты кисти рук, что связано, возможно, с растиранием зерна. Фигурки людей, сделанные из глины, дают еще один ключ к воссозданию их внешности. Судя по ним, хохокамы покрывали свои волосы тюрбанами или головными повязками, носили серьги и вставки в щеках и украшали тела раскраской или татуировкой.

Хохокамы любили ювелирные изделия и производили в огромных количествах различные кольца, браслеты, подвески, заколки для волос, вставки для губ и щек и другие украшения из бирюзы, гагата и раковин, привезенных с побережья Калифорнийского залива. Их искусство гравировки в ту эпоху не имело аналогов в мире. Гравировщик сначала смолой наносил рисунок на раковину. Затем он погружал ее в слабую кислоту, — вероятно, в забродивший кактусовый сок, — разъедавшую те части, которые не были защищены смолой. В итоге получалось рельефное изображение. Хаури, основываясь на этой технике, провел несколько успешных экспериментов. В качестве кислоты он использовал сок кактуса сагуаро.

Археологи до сих пор пытаются понять структуру общества хохокамов. Существовали ли у них вожди или шаманы? Хаури считал, что существовали. Скелет, найденный в селении Каса Буэна около Феникса, принадлежал человеку, ростом выше среднего, не носил следов физического труда и был похоронен около сумки, в которой лежали костяные проколки, браслет и различные минералы. Некоторые захоронения как с трупоположением, так и с трупосожжением (хохокамы использовали оба этих типа погребения) содержат ювелирные изделия из раковин и другие предметы роскоши, которые могут служить показателем, что здесь похоронены аристократы. В Снейктауне археолог Джилл Найцель обнаружила материалы, используемые для изготовления керамики, лишь в нескольких домах. Можно предположить, что это были мастерские ремесленников, занимающихся гончарным промыслом. Подобная специализация предполагает наличие организации, однако отсутствие письменных текстов, описывающих то, как она функционировала, до сих пор ставит ученых в тупик.

Маунды-платформы, соорудившиеся на возвышенных местах в некоторых селениях хохокамов поздней эпохи, а также вдоль каналов, могли служить церемониальными центрами и фундаментами для “великих домов”, в которых жила элита. Очевидно, что у хохокамов не было социального равенства. Но остается загадкой, каким образом организовывалось строительство каналов и распределялась земля для обработки.

На последних стадиях существования культуры Хохокам заметны признаки ее смешения с другими культурами. Появляются различные типы керамики, включая очень редкие чаши стиля мимбрес. Глэдвин пред-

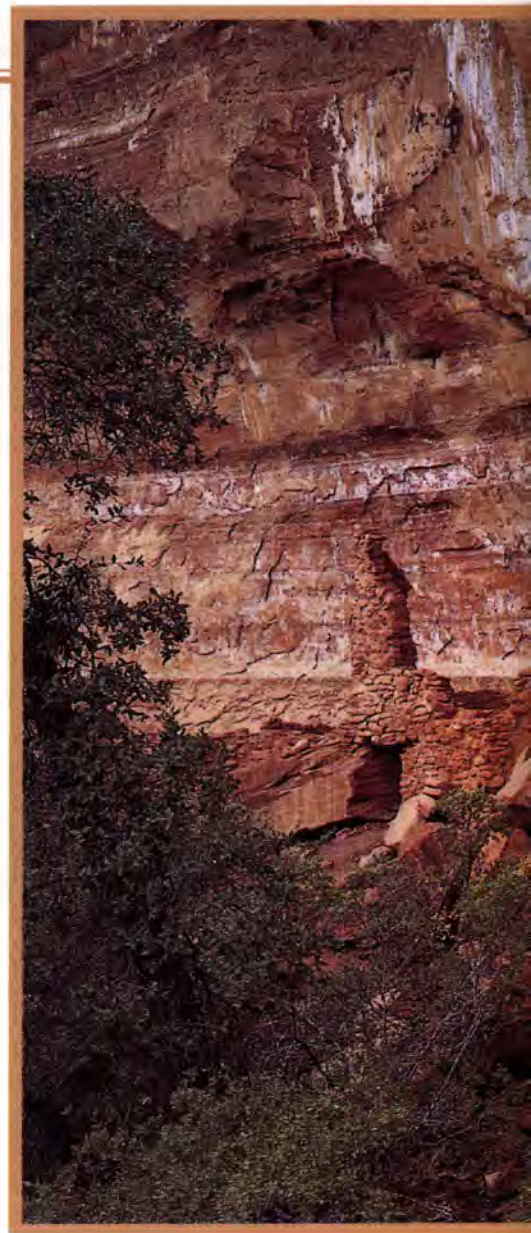
положил, что хохокамы похищали могольонских женщин, однако свидетельств тому, что они вели войны, нет. Дома из одноэтажных построек превратились в пуэбло, похожие на пуэбло анасази. Вокруг деревень появились стены, видимо, в целях защиты. Кремация, которую практиковало большинство людей, постепенно вытесняется трупоположением.

Еще одна загадка таится среди теней хохокамов. В огромном строении Каса Гранде в Аризоне два края круглого окна на верхнем этаже указывают направление на точку захода солнца в дни летнего солнцестояния. Все земледельческие народы Юго-Запада обладали определенным рода календарной системой. Однако детали их знаний в области астрономии — например, использовали ли они эту или другие постройки в качестве обсерваторий — остаются неясными.

Вероятно, самой загадочной из всех древних юго-западных культур была культура Синагуа, народа, “лишенного воды”, который строил свои жилища в гrotах и пещерах, выращивал маис в высокогорной засушливой стране к западу от города Флагстафф в Аризоне. В эпоху расцвета, с 1125 по 1215 год н. э., синагуа могли иметь торговые и культурные связи с другими народами Юго-Запада, которые способствовали образованию настоящего котла со смесью из идей и достижений. Приблизительно в XIII веке они двинулись к югу, в плодородную долину Верде, где и осели на ближайшие 200 лет. Причина этого переселения остается неясной. Их общины поздней эпохи признаны непосредственными предшественниками народа хопи.

Люди фремонт, получившие свое имя по названию реки Фремонт на востоке Юты, строили небольшие зернохранилища на всей территории своих суровых владений. Наибольшую загадку для археологов представляет вопрос о происхождении фремонтов. Когда их впервые определили и описали в 1931 году, исследователи считали, что они отделились от анасази. Однако множество различий, существовавших между этими двумя культурами, поставили это мнение под вопрос. Другие предполагали, что фремонты происходят от архаических племен. Это также маловероятно из-за большого промежутка времени, разделяющего эти народы. Третья теория, согласно которой они являются потомками обитателей высокогорий, переселившихся на юг, страдает от недостатка надежных свидетельств, которые могли бы ее подтвердить.

Фремонты обитали в восточной части Юты и на северо-западе Колорадо в период между 700 и 1300 годами н. э., занимаясь охотой и земледелием. Их крошечные зернохранилища, зачастую спрятанные за выступами скал или на вершинах утесов, имели небольшие отверстия. Это способствовало появлению легенды о людях, рост которых не превышал двух футов, обитавших в миниатюрных каменных домиках. Фремонты также строили более крупные башни, вероятно, тоже предназначенные для хранения продуктов, размещая их в удобных для обороны местах, откуда было легко наблюдать за реальными или мнимыми врагами. Их

Находящееся прямо на отвесной поверхности скалы сооружение, известное как Палатки — "Красный дом" на языке хопи — является одним из самых крупных и хорошо сохранившихся скальных жилищ в регионе Ред Рокс в Аризоне. Между 1100 и 1300 годами н. э. оно было жилищем для 50 человек, принадлежавших к загадочной культуре Синагуа.

деревни состояли из различных типов жилищ, включая полуподземные дома с полами, имеющими форму блюда. Однако фремонты могли вести и кочевой образ жизни, скитаясь по своей территории. На ней были разбросаны убежища, в которых путники могли переночевать.

От фремонтов остались великолепные пиктографы, изображающие животных, растения и людей с треугольными и трапециевидными телами, которые часто украшают головные уборы и подвески. Они также появляются на серой керамике. Существовало множество типов и форм таких изделий — с гладкими и выпуклыми стенками, с волнистыми краями и ровными, с ручками и без них, с узким горлышком и в виде фигурок зверей.

Одно за другим расцветали эти древние общества Юго-Запада. Они оставляли свой след — на самой земле и на природных материалах, превращая их в предметы быта или произведения искусства, — а затем шли дальше, покидая свои огромные пуэбло и скальные дома, свои каналы и давшие им прибежище долины. Самая крупная из них, Чако-Каньон, окончательно опустела к 1300 году. Ее великолепные каменные пуэбло были занесены песком. Меса

Верде и деревни фремонтов были также покинуты к 1300 году. Столетием раньше городами-призраками стали поселения могольонов в долине Мимбрес, лишь на одно поколение пережили их поселения синагуа в долине Верде. Последними покинули свои дома хохокамы — строители каналов, игроки в мяч и гравировщики. Их культура угасла в долинах рек Солт и Хила к 1450 году.

Исход этих народов, как коллективный, так и индивидуальный, — великая драма доисторического Юго-Запада. Засуха, война, наводнение, голод, моровая язва — все это и еще многое другое может быть предложено в качестве объяснения, которое можно оспорить, признать ограниченным, скомбинировать с другими и в конце концов отвергнуть. Поскольку археологические источники не могут сказать ничего опреде-

ленного по поводу гибели поселений, исследователям приходится искать ответы буквально на ощупь. В таких условиях, когда отсутствуют надежные свидетельства, расцветают многочисленные теории и гипотезы.

Анализ годовых колец подтверждает, что между 1276 и 1299 годами страну анасази постигла засуха. Явились ли неурожай, исчезновение дичи и недостаток воды теми причинами, которые заставили обитателей скальных жилищ уйти из Меса Верде? Археолог Линда Корделл, которая подвергла все теории, касающиеся исхода, тщательному исследованию, дает на этот вопрос отрицательный ответ. Она ссылается на то, что, судя по датировке, некоторые селения были построены как раз в этот промежуток времени. Анасази и раньше переживали засухи, и нет оснований считать, что именно эта засуха заставила их покинуть свои жилища.

“Военная” теория, по мнению Корделл, также не выдерживает критики. Гарольд Глэдвин был среди сторонников точки зрения, согласно которой исход был вызван вторжением предков индейцев навахо и апачей. Он писал: “В каждой деревне на Юго-Западе к 1200 году возникли одни и те же вопросы: куда идти? что сделать, чтобы избавиться от постоянных грабительских набегов атапасков?” Корделл, однако, отмечает, что атапаски появились в этих местах только около 1500 года — слишком поздно, чтобы причинить какой-либо вред древним народам. Отсутствуют и свидетельства, подтверждающие, что селения подвергались нападениям.

Не явилась ли причиной исхода эпидемия, возможно, пришедшая из тропических областей? Своего пика число обитателей пуэбло достигло незадолго до того, как они опустели, а перенаселенность создает благоприятные условия для распространения болезней. Однако не было обнаружено крупных захоронений, которые должны были возникнуть во время эпидемии. Специалисты по истории хохокамов приводят датировку, согласно которой кратковременные наводнения могли разрушить систему каналов в конце XIV века, а обитатели пустыни покинули эти места пятьюдесятью годами позже. Следовательно, и разливы рек не могли быть причиной, заставившей древние народы покинуть обжитые места.

Некоторые ученые считают, что гибель древних центров была вызвана разрушением окружающей среды — так называемое “экологическое самоубийство”. По их подсчетам, древние обитатели этих мест вырубали слишком много деревьев, нарушая водный баланс. Это приводило к уменьшению урожаев. Корделл разделяет подобное мнение. Население росло, количество осадков уменьшалось — обстоятельства все настойчивее требовали действий. И семьи собирали свои пожитки и покидали насиженные места — не внезапно или большими группами, а постепенно.

Древние народы не исчезли бесследно. Они стали ядром, из которого развились современные племена, такие, как пуэбло, зуны, хопи, пима и папаго. Если признать, что их культуры исчезли, как писал археолог Гэри Мэтлок по поводу анасази, “то с тем же успехом можно заявить, что все люди, отплывшие из Англии в Новый Свет, таинственным образом пропали”. Они выжили, приспособившись к новым условиям, когда старая жизнь отошла в небытие.

САГА О МЕСА ВЕРДЕ

Анасази, которые строили свои жилища в пещерах и отвесных скалах Меса Верде, покинули эти места, по крайней мере, за 450 лет до того, как сюда в XVIII веке добрались первые испанские торговцы. Однако путевые записки, которые в 1765 году составил один из этих торговцев, а 11 лет спустя — два монаха-францисканца, не сообщали никаких сведений о столовой горе или о скальных жилищах.

Меса Верде — что переводится с испанского как “Зеленый Стол” — была так названа из-за густых зарослей можжевельника и сосновых лесов, покрывавших ее плоскую вершину в те времена, когда около нее побывали священники, направлявшиеся в Калифорнию. В 1829 году испанская экспедиция побывала в долине Манкос на вершине горы, однако и ее участники не заметили древних руин. Это объясняется, вероятно, их расположением в самых отдаленных уголках каньонов, которыми изрезана Меса Верде.

Враждебно настроенные индейцы племени юта превращали детальное исследование горы в довольно рискованное предприятие, хотя сами юта старались обходить стороной скальные дома с их привидениями.

В 1859 году доктор Джон Ньюберри, геолог, принимавший участие в исследовательской экспедиции Сан Хуана, стал первым иностранцем, вскарабкавшимся на почти отвесную стену горы. Но и он не смог обнаружить скальные постройки. Не произвел на него впечатления и увиденный им ландшафт. “Для нас, как и для всего цивилизованного мира, это была “терра инкогнита” — неизвестная земля”, — писал он. Однако всего несколько лет спустя стали

проводиться систематические исследования культуры Анасази. Меса Верде не могла долго скрывать свои чудеса от таких людей, как те, которые бесстрашно карабкаются на отвесную скалу на фотографии в центре страницы.

На пути к скальным жилищам Меса Верде. Фотограф Джексон (слева) передал на время свою камеру другому участнику экспедиции, чтобы тот сделал этот снимок для "Нью-Йоркер-тернел-Вестернер".

ПУТЕШЕСТВУЯ С ФОТОКАМЕРОЙ

Летом 1874 года Уильям Генри Джексон, талантливый фотограф и член Хейденской службы по картографированию Скалистых гор, встретил своего старого друга, который направлялся на юго-запад Колорадо. Тот поведал Джексону о легендарных скальных домах Меса Верде. Сам он услышал эти истории от рудокопа по имени Джон Мосс, который смог заключить мир со свирепыми ютами. Джексон, увлеченный услышанным, немедленно отправился на поиски Мосса и руин. Его сопровождали репортер Эрнест Инджерсолл и несколько рабочих.

Мосс согласился проводить их к скалистым жилищам. За это Джексон и его люди должны были оказать ему небольшую услугу. Моссу нужны были их голоса, так как он решил баллотироваться на официальную должность в шахтерском лагере Пэррот-Сити (население которого состояло из дюжины горняков). Джексон и Инджерсолл от-

дали за него свои голоса, Мосс был избран, и они все вместе направились к Меса Верде.

На следующий день люди Джексона на руках втащили его тяжелую фотокамеру и стеклянные пластинки на 210-метровую скалу. Последние 15 метров были преодолены ими при помощи древних ступеней, вырубленных в скале. В итоге Джексон смог сделать фотографии, в том числе и ту, которая служит фоном этим страницам. На ней запечатлены Мосс (*стоит*) и Инджерсолл в месте, которое было названо Джексонем Двухэтажным Скальным Домом. Это "стоило всего, что я на это потратил", — писал Джексон позже. Он нашел еще несколько древних селений, однако пропустил при этом те, которые располагались в боковых каньонах.

Опубликованные Джексонем и Инджерсоллом фотографии привлекли внимание ученых к Меса Верде. В

1876 году была даже организована экспозиция на выставке в Филадельфии, однако потребовалось еще одно открытие, чтобы произвести впечатление на общественное мнение.

Уильям Генри Джексон (третий слева) и члены его экспедиции (слева направо): проводник-переводчик Гарри Ли, рабочий Боб Митчел, натуралист по имени Барбер, неизвестный рабочий и повар Чарли. Ли, владевший языком ютов, был взят в качестве проводника после того, как Джон Мосс был вызван по делам в Сан-Франциско.

В ПОГОНЕ ЗА БОГАТСТВОМ И ЗНАНИЯМИ

В 1888 году Ричардом Уэзериллом был обнаружен Скальный Дворец. Это открытие превратило Меса Верде из объекта научного интереса в туристский аттракцион. Ричард провел здесь две последующие зимы, занимаясь раскопками скальных жилищ и поисками древностей, которые можно было выгодно продать. Его ранчо было заполнено топорами и сандалиями из листьев юкки, не говоря уже о бесчисленных керамических изделиях.

После нескольких выставок для местных жителей Уэзерилл привез коллекцию в Денвер, включив в нее свое

новое открытие — мумию ребенка. Экспозиция моментально стала сенсацией, и он продал ее Историческому обществу Колорадо за 3000 долларов.

Семейство Уэзериллов занималось раскопками с единственной целью извлечь из найденных артефактов как можно большую материальную выгоду. Их отношение к археологии изменилось после приезда к ним на ранчо молодого шведского аристократа Густава Норденсьельда, посетившего незадолго до этого выставку в Денвере. Он провел лето в Меса Верде, знакомя Уэзериллов с научными метода-

ми, приучая их использовать в работе мастерки и метелки и заносить все находки в каталог.

Когда Норденсьельд приготовился к отъезду, группа жителей города Дуранго попыталась подать на него в суд, чтобы помешать ему вывезти в Европу большую коллекцию древних реликвий. Однако их иск был отклонен. Вернувшись домой, он начал писать первый крупный труд, посвященный древней истории Меса Верде. В возрасте 26 лет он умер от туберкулеза, не успев довести свой труд до конца.

Двое из пяти братьев Узвериллов, Джон (слева) и Ричард, устроили перерыв на обед во время сортировки артефактов в Доме Елового Дерева (Spruce Tree House). Ричард обнаружил этот дом (названный в честь дерева, выросшего на его внешней стене) в тот же декабрьский день, когда он и его родственник Чарли Мейсон наткнулись на развалины Скального Дворца.

Густав Норденфельд (слева) приехал на Юго-Запад в надежде излечиться от туберкулеза. Его отец был известным полярным исследователем и минералогом. Юный швед получил хорошее образование, но он не был археологом. Пораженный величественными руинами, он поехал в Шассию за своей фотокамерой и провел в Меса Верде целое лето. Его фотография здесь помещена на фоне панорамы Скального Дворца. Так выглядели руины в 1891 году.

Группы туристов, подобные этой компании, на лошадях добирались до местности Кринклей Эдж Трейл, где находится Меса Верде. Проводник Ричард Уэверилл (тре-

тий справа) и его братья уверяли посетителей, что им не следует бояться "опасностей или дискомфорта". Тем не менее одна женщина пожаловалась на то, что вода на

принадлежавшем Уэвериллам ранчо Аламо слишком богата щелочью. На этом снимке, сделанном в 1889 году, запечатлена известная семья Саммеров из Вашингтона.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ЗАЩИТУ ДРЕВНОСТЕЙ

Туристический бум в Меса Верде начался после того, как 12 миллионов человек посетили в 1893 году Колумбийскую выставку в Чикаго, на которой были представлены модели скальных жилищ. Предприимчивые Уэзериллы превратили свой дом в пансионат для отдыхающих, сдавая комнаты за два доллара в день и проводя экскурсии к руинам за пять долларов. Один из посетителей рассказывал, что проводникам, прежде чем вести людей в

развалины домов, приходилось иногда взрывать динамитные шашки, чтобы распутать гремучих змей. К середине 1890-х воскресные пикники, сочетавшиеся с поисками древних горшков, стали весьма популярны.

Поскольку законы об охране древних памятников отсутствовали, посетители могли выносить из руин все, что им заблагорассудится. И многие пользовались этой возможностью, собирая коллекции черепов, керамики и других

артефактов. Подобные трофеи, собранные в 1904 году, изображены на фотографии, служащей фоном. Призывы организовать охрану этого места стали появляться еще в 1889 году, а к концу 1890-х они стали звучать все настойчивее. В 1906 году двумя неординарными женщинами была начата кампания, продолжавшаяся более десяти лет и приведшая к созданию первого национального парка, призванного сохранить достижения древней культуры.

В первый раз Вирджиния Мак-Кларг посетила Меса Верде в 1882 году в качестве корреспондента. Ей пришлось туда добираться в грузовом фургоне, сидя на бочке с уксусом. Через двенадцать лет, став учительницей и поэтессой, она направила свои усилия на защиту скальных жилищ. Мак-Кларг и ее заместительница Люси Пибоди (справа вверху) произносили речи, сопровождая их демонстрацией слайдов с новомодным стереооптическим эффектом, а также организовывали экскурсии для важных особ. Они пытались воздействовать на законодателей, договорились об аренде земли

с ютами и добились поддержки со стороны 250-тысячной Федерации женских клубов. Обе они понимали, что их план имеет больше шансов на успех в Конгрессе, а не в законодательном органе штата Колорадо. Однако в 1906 году, когда победа была уже близка, Мак-Кларг внезапно расколола их движение на враждующие группировки. Она вернулась к идее создания парка, относящегося только к штату Колорадо. Контролировать парк в этом случае должна была она сама. Но победу одержали все-таки Пибоди и идея национального парка.

ОХРАНА И РЕСТАВРАЦИЯ

Первой задачей для новой федеральной дирекции Меса Верде была ликвидация последствий того вандализма, который процветал здесь на протяжении двух десятилетий. Охотники за горшками лишили многие скальные жилища их сокровищ и усеяли полы домов булыжниками и осколками скалы (как это можно заметить на используемой в качестве фона фотографии Маг Хауса).

Джесси Фьюкс, археолог из Смитсоновского института, руководил расчисткой в Доме Елового Дерева и Скальном Дворце в 1908—1909 годах и еще в 14 местах в последующие десять лет. Стены многих скальных домов были укреплены, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение. Фьюкс, который стремился познакомить широкую публику с “загадочным красным человеком”, первым стал проводить в национальном парке так называемые “беседы у костра”.

Археолог Джесси Нусбаум, который занял должность директора парка в 1921 году, продолжил работы по укреплению построек. Он смог добиться запрета на выпас скота на территории парка. Нусбаум в 1921 году организовал прием весьма почетного посетителя — 78-летнего фотографа Уильяма Генри Джексона, который еще за пятьдесят лет до этого карабкался по стенам каньона.

Рабочие, используя технику на конной тяге, очищают от земли каменную кладку развалин Фар Вью Хауса на вершине столовой горы в 1916 году. Археологи считают, что расположенные на вершине селения старшие скальных жилища, которые были обитаемы на протяжении всего сотни лет. По-

сле того как Конгресс Соединенных Штатов объявил Меса Верде национальным парком, Джесси Фьюкс (который является автором этой фотографии) и Джесси Нусбаум провели там раскопки. Артефакты, обнаруженные ими в разных слоях, показали, что эти деревни заселялись несколько раз.

Джесси Фьюкс провел 20 лет в исследованиях поселений Юго-Запада, прежде чем в 1908 году он попал в Меса Верде. На этой фотографии, сделанной десять лет спустя, он стоит перед домиком лесника, который стал первым музеем Меса Верде и вообще первым музеем Службы Парков. В те годы туристские маршруты в парке были разработаны достаточно слабо. Путеводитель, изданный для посетителей, предупреждал их о крутых поворотах и многочисленных промоинах, встречающихся на главной тропе.

НАГРАДА ЗНАМЕНИТОМУ ФОТОГРАФУ

Когда легендарный фотограф Ансель Адамс приехал в октябре 1941 года в Меса Верде, он увидел окончательно сформировавшийся национальный парк. Реставрационные проекты были завершены. В ходе выполнения Программы чрезвычайных работ, разработанной федеральным правительством, Гражданский Корпус Заповедников (Civilian Conservation Corps, CCC) снабдил парки удобными дорогами, коттеджами, тропами и стоянками. Количество посетителей, которое на протяжении 1920-х

годов выросло в шесть раз, быстро достигло 17 тысяч в год.

Адамс на протяжении двух десятилетий занимался фотографированием парка Йосемити. После этого министр внутренних дел Гарольд Айкс предложил ему совершить поездку по национальным паркам, чтобы сделать фотопанно для музея Министерства внутренних дел. Адамс назвал это предложение "лучшей из идей, когда-либо родившихся в Вашингтоне". (Его суточная зарплата — 22,22 доллара —

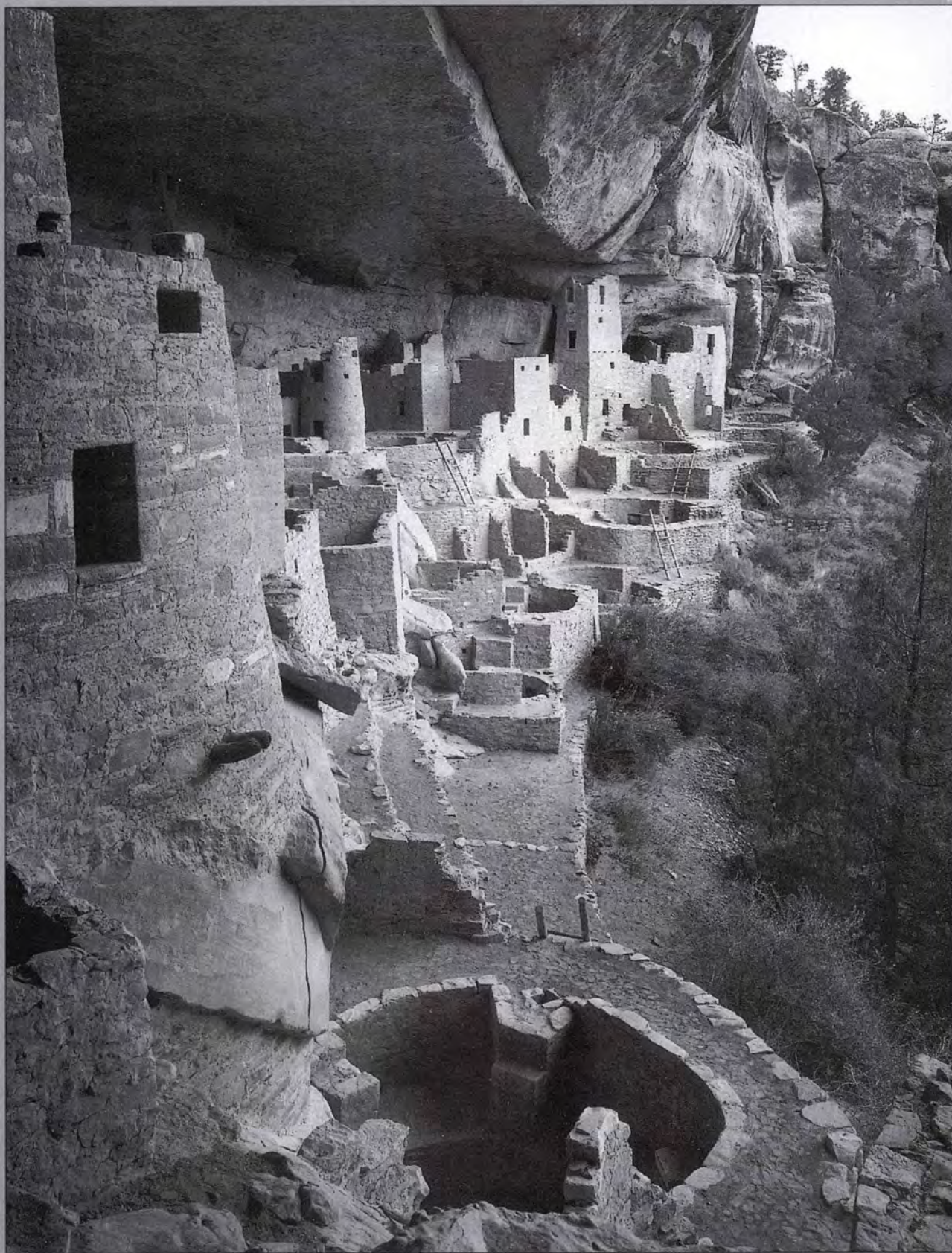
равнялась самой высокой ставке, выплачиваемой в это время консультантам правительства.)

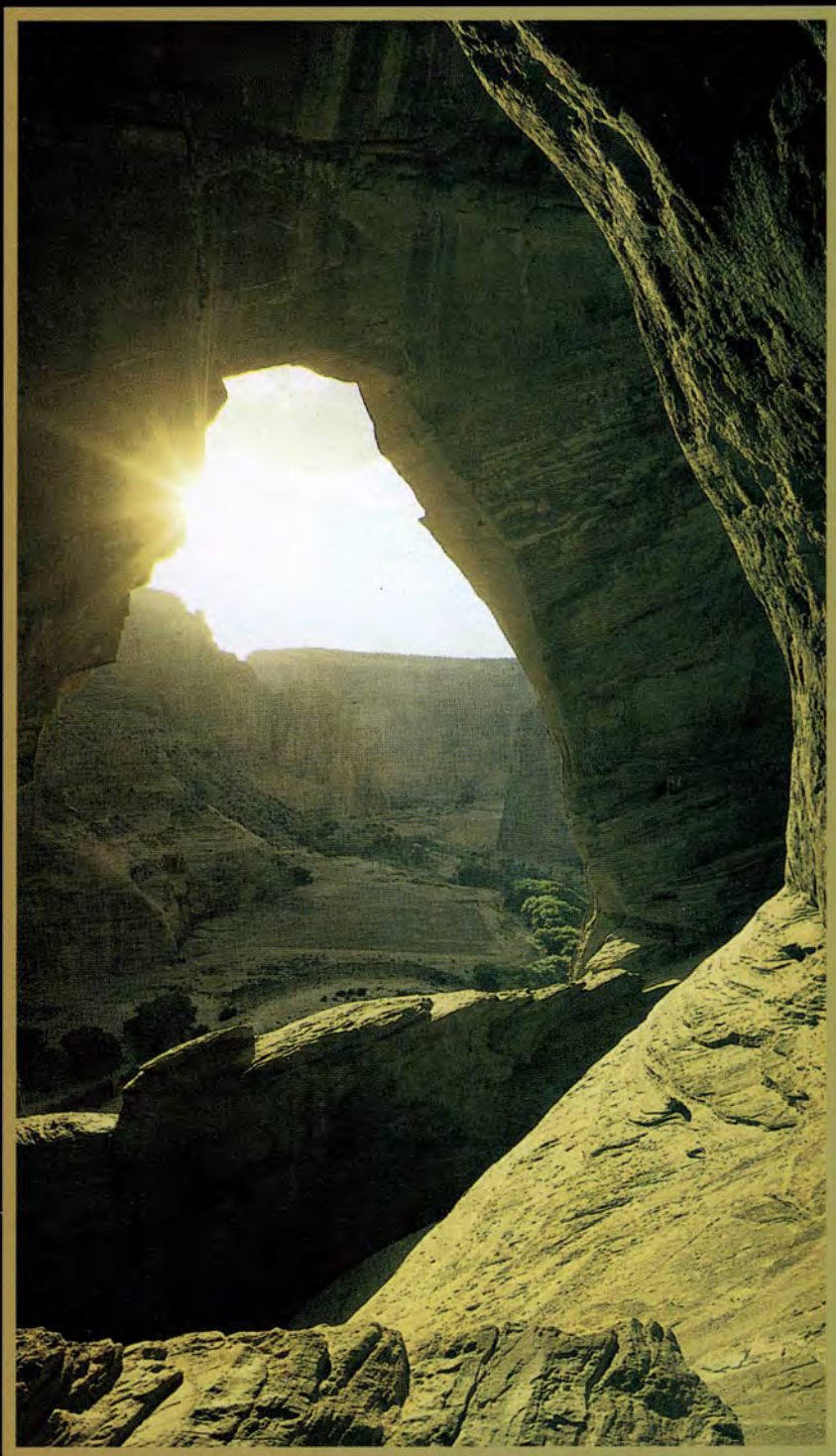
Адамс работал в Меса Верде с присущим ему мастерством (об этом можно судить по его фотографиям, приведенным на этих страницах). Однако вскоре США вступили во вторую мировую войну, и этот проект был закрыт, несмотря на приводимые фотографом аргументы, что его работы были "волнующим представлением того, за что мы сражаемся".

Анселю Адамсу, который изображен на этой фотографии стоящим на крыше своего автомобиля, было 39 лет, когда он приехал в Меса Верде. К этому времени он уже стал знаменитым благодаря своим фотографиям американской природы. 225 фотографий, которые он послал в Вашингтон по окончании своего тура по национальным паркам, были забыты на долгие годы после закрытия проекта по созданию фотопанно. Адамс умер в 1984 году.

Великолепные изображения Наблюдательной Башни (слева) и Скального Дворца (на соседней странице), выполненные Адамсом, передают ощущение благоговения и тайны, которое побуждало поколения любителей древности бороться за сохранение этих неповторимых национальных сокровищ.

АНАСАЗИ: ПОВЕЛИТЕЛИ КАНЬОНОВ И СКАЛ

Адольф Банделье олицетворял сочетание научной пытливости с духом авантюризма, которое было характерно для всего XIX века и породило немало выдающихся исследователей. Александр фон Гумбольдт, Ричард Бартон и Давид Ливингстон, как и многие другие, выдвигали новые научные теории и методологии и сами отправлялись проверить их состоятельность в сохранившиеся уголки дикого мира. В 1880-м штат Нью-Мексико являлся как раз таким уголком, и Банделье, 40-летний иммигрант из Швейцарии, работавший в Иллинойском банке, принадлежавшем его отцу, внезапно почувствовал непреодолимую тягу к этой загадочной приграничной территории.

Он читал все, что мог достать, и с каждой новой книгой его любопытство только усиливалось. Особенно взволновали его отчеты Гумбольдта о путешествии в Амазонию. Банделье был очарован индейцами и их культурой. Несмотря на то что он вырос в Иллинойсе, буквально в тени величественных сооружений Кахокья, строители маундов не вызывали у него интереса: ими уже занимались другие. Его манил неисследованный Юго-Запад.

В погоне за новыми знаниями банкир начал рассылать письма ведущим антропологам и социологам тех лет. В конце концов один из них, знаменитый Льюис Генри Морган, автор всемирно известной книги «Древнее общество», прислал ответ. Этим было положено начало их сотрудничеству. Морган, которого поразили лингвистические способности Банделье, его дисциплинированность и энтузиазм, вос-

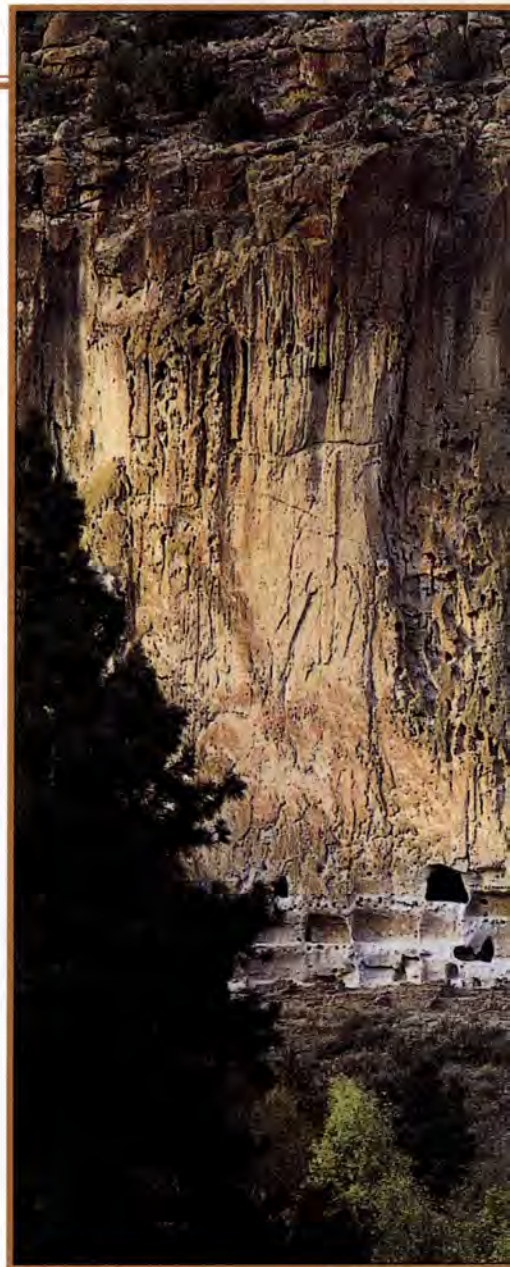
Лучи вечернего солнца освещают Оконную Арку — одно из самых эффектных сооружений, созданных природой в Каньоне де Чейли в штате Аризона. Анасази на протяжении тысячи лет строили здесь свои дома.

пользовался своим положением, чтобы оказать воздействие на только что основанный Американский археологический институт (ААИ). Он добился выделения средств для совместного с Банделье путешествия на Юго-Запад. Обычно уравновешенный Банделье писал своему только что обретенному руководителю: "Вау, великолепно! Я утряс свои дела, и мы можем отправляться. Какую одежду мне стоит взять с собой? Какое ружье я должен купить?" Между тем он, со свойственной швейцарцам методичностью, выучил староиспанский, чтобы читать записки конкистадоров.

В последний момент Моргану пришлось отказаться от поездки. Банделье, имея грант на 1200 долларов в год от ААИ, отправился в путешествие один. В августе 1880 года он прибыл в столицу штата Нью-Мексико город Санта-Фе. Его переполняло сознание того, что "дело жизни наконец-то началось". Незамедлительно он направился к покинутым развалинам Пекоса, где провел 10 лихорадочных дней, занимаясь обмерами руин и собирая коллекцию каменных орудий, черепков, осколков скал и даже кусочков известкового раствора. Возвратившись в Санта-Фе, он составил 95-страничный отчет и отослал его вместе с находками в ААИ. Это его описание Пекоса стало первой публикацией, осуществленной институтом.

К сожалению, его следующий рейд — на этот раз в обитаемое пуэбло — не увенчался успехом. В Санта-Фе католический священник посоветовал ему посетить близлежащее селение Санто-Доминго. Банделье, не знакомый с обычаями индейцев пуэбло, сразу после прибытия на место стал задавать различные вопросы по интересующим его темам этим деликатным и даже скрытным обитателям пуэбло. Это было закрытое общество. Индейцы частично ограничивали свободу передвижений и деятельности своих гостей, что было тяжело перенести такому активному человеку, как Банделье. Однажды его предупредили, чтобы он не присутствовал на погребальной церемонии. Тогда он попытался тайно проследить за ней из открытого окна. После нескольких подобных нарушений местного этикета старейшины пуэбло, сытые по горло выходками чужеземца, попросили его покинуть поселок. Банделье уперся и отказался выполнить их просьбу. Ответ был типичен для этих людей, не являвшихся сторонниками насилия: они прекратили снабжать его пищей. Это был весомый аргумент, и Банделье, к всеобщему облегчению, в конце концов уступил.

Получив серьезный урок правил поведения, выяснив, что придерживаться этих правил необходимо в любом обществе, Банделье во время своей следующей остановки добился гораздо большего успеха. На этот раз он посетил пуэбло Кочити, расположенное к юго-западу от Санта-Фе. Он даже смог завоевать доверие старейшин, которые попросили его вести записи в суде племени. Во время своего пребывания там он нанял проводника-кочити по имени Хуан Хосе Монтойя, который согласился провести его по окрестным столовым горам и каньонам.

Руины пуэбло примыкают к северной стене каньона Фрихолес в национальном заповеднике Банделье и Нью-Мексико. Дополнительные комнаты были высечены прямо в мягкой вулканической породе на поверхности отвесной скалы. Изобретательный гончар-анасазы починил искусно расписанный сосуд (справа), связав его волокнами или сухожилиями, которые он проделал сквозь просверленные в ободке дырочки.

В ходе путешествия по этой горной стране Монтойя поинтересовался, не желает ли Банделье посмотреть на то место, где некогда жили кочити. Банделье с готовностью согласился. 23 октября 1880 года Монтойя привел его в каньон, носящий название Рито де Фрихолес (с испанского оно переводится как “Фасолевый Ручей”). Банделье был поражен как открывшимся перед ним пейзажем, так и руинами обширного поселения, включавшего и несколько рукотворных пещер. “Я никогда не видел ничего более грандиозного”, — сказал он впоследствии. Прямо перед ними возвышались башнеобразные скалы. У подножия одной из них на неопределенное расстояние протянулись покинутые жилища. Банделье обнаружил, что вулканическая порода, в которой были вырезаны помещения, “такая мягкая, что в ней можно было выдолбить достаточно большие углубления при помощи самых примитивных орудий или даже просто одними пальцами”.

Поверхность северной стены каньона показалась Банделье похожей на “огромные бесформенные соты”. “Пещеры, — писал он, — встречались целыми группами — до нескольких сотен в каждой; чаще, однако, эти группы были более мелкими. Иногда пещеры располагались в два или несколько ярусов”. В процессе более детального обследования Банделье заметил множество сходных черт между покинутым селением и современным пуэбло Кочити. “Судя по предметам, разбросанным в помещениях и вокруг них, и по размерам и расположению самих помещений, люди, которые их вырубили в скале, а затем населяли, стояли на том же уровне культуры, что и так называемые индейцы пуэбло в Нью-Мексико”.

То, что проводник-кочити представил как бывшее жилище его народа, на самом деле являлось одним из наиболее впечатляющих достижений культуры Анасази. В то время как остальные центры этой культуры, такие, как Чако-Каньон и Меса Верде, пришли в упадок в XII и XIII веках по причинам засухи и истощения природных ресурсов, пещеры и пуэбло внутри и вокруг каньона Фрихолес оставались жизнеспособными и даже привлекали переселенцев из других мест.

Банделье, банкир, превратившийся в ученого, совершил замечательное открытие. Следующие несколько дней он, согласно заданию ААИ, занимался обмерами и зарисовкой руин. Однако систематических раскопок он так и не предпринял. Охваченный непреодолимой тягой к путешествиям, Банделье после этого посетил каньон Фрихолес лишь четыре раза. На протяжении всех 18 месяцев, проведенных им в Нью-Мексико, он описал руины 166 поселений. Затем он направился в Южную

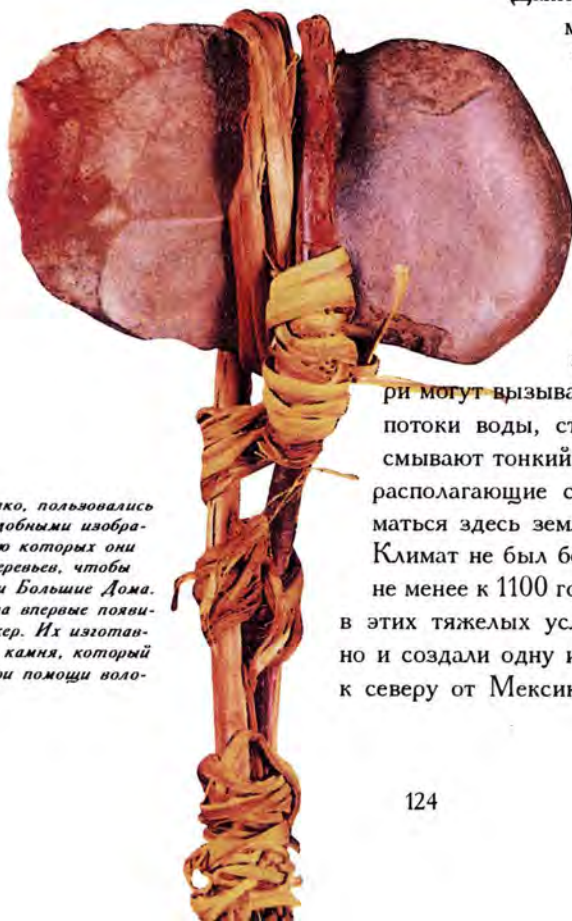
Флейты, подобные этой, вырезанной из кости животного, были найдены во время раскопок в пуэбло. Легендарный игрок на флейте, которого современные индейцы хопи, обитатели этого региона, называют Кокопелли, является частым персонажем наскальных рисунков. Обычно его изображают в виде горбуна или человека с грузом за плечами.

Америку, где провел 11 лет. За это время он редко задерживался в одном месте дольше, чем на две недели. Тем не менее открытие, совершенное в тот октябрьский день, принесло ему бессмертие. Спустя два года после его смерти в марте 1914-го президент США Вудро Вильсон подписал закон, призванный защитить древние развалины в районе каньона Фрихолес. В наши дни эта территория называется Национальный заповедник Банделье.

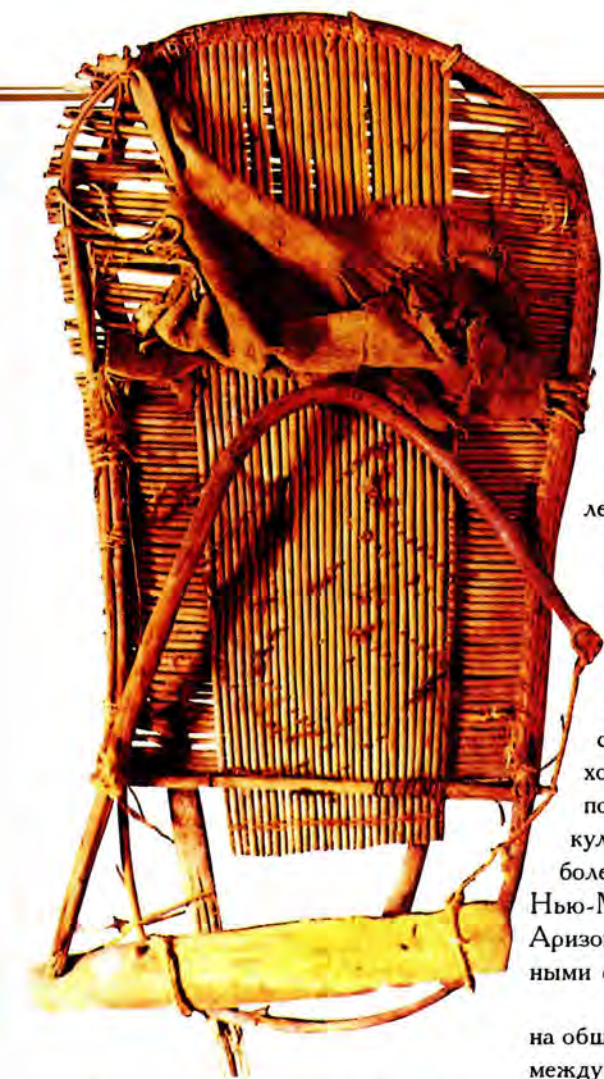
Поселение анасази, впервые обследованное Банделье, является по условиям существования исключением из общих для этого выносливого народа правил. Обильно снабжаемая водой из ручья Фрихолес и из протекающей неподалеку Рио-Гранде территория, с примыкающими к горам Хемес лесами и богатой минеральными веществами вулканической почвой, резко контрастировала с теми регионами, где проживало большинство анасази. Местность в районе Фор Корнерс (четыре угла) представляет из себя пустыню, расположенную высоко над уровнем моря.

Даже ее низменности лежат на высоте 1500 метров. Температура колеблется здесь от 100 градусов по Фаренгейту летом до нуля и ниже зимой. Дно каньона поросло польной, кактусами и некоторыми видами трав, достаточно выносливых, чтобы пережить засуху. В долинах ежегодное количество осадков составляет 25 сантиметров, на вершинах самых высоких столовых гор их количество возрастает до 38 сантиметров. Более того, дождь не всегда является благом для земли: Летние бури могут вызывать сильные наводнения, во время которых потоки воды, стремительно несущиеся по дну каньонов, смывают тонкий слой плодородной почвы. Даже фермеры, располагающие современной техникой, не рискуют заниматься здесь земледелием.

Климат не был более благоприятным и 800 лет назад. Тем не менее к 1100 году н. э. анасази не только смогли наладить в этих тяжелых условиях относительно комфортную жизнь, но и создали одну из самых развитых культур Нового Света к северу от Мексики. Обширные пуэбло, удобные для про-

Анасази, обитавшие в Чико, пользовались каменными топорами, подобными изображенному здесь, с помощью которых они срубили более 200 000 деревьев, чтобы построить в каньоне свои Большие Дома. Инструменты этого типа впервые появились в период баскетмейкер. Их изготавливали из обработанного камня, который привязывали к черенку при помощи волокон юкки.

Около 750 года н. э., в отличие от практики, существовавшей в период баскетмейкер, женщины анасази стали использовать для переноски новорожденных младенцев сумки с жестким каркасом, вызывавшие деформацию черепа. Никто не может с уверенностью сказать, чем было вызвано это изменение.

Одной из самых важных деталей одежды анасази были сандалии, сплетенные из волокон юкки. Начиная с самых ранних этапов периода баскетмейкер, они защищали ноги индейцев от камней, кактусов и насекомых.

живания, могли вместить в своих комнатах сотни семей. Скальные жилища — настоящие многоквартирные дома, устроенные в расположенных на большой высоте в стенах каньонов пещерах — являются самыми очевидными достижениями анасази. Менее крупные деревни, некоторые из которых насчитывали до двух десятков каменных домов, а некоторые всего два или три, были разбросаны по их территории, подобно семенам растений, рассеянным по пустыне.

К середине 1992 года на территории одного штата Нью-Мексико археологи смогли определить 22 000 различных поселений и предположить, что в действительности их количество достигает 100 000. Одни из них представляют из себя массивные постройки, сохранившиеся почти без повреждений, другие же выглядят в наши дни как обыкновенные холмы, выделяющиеся густыми зарослями кустарников, бурно разросшимися на потревоженной почве. Известные исследователям селения располагаются на территории в районе Фор Корнерс, площадь которой составляет более 64 000 квадратных километров. Последние находки позволяют предположить, что “Земля Анасази” — если использовать это название применительно к территории преобладания культурного типа, а не политической гегемонии — занимает гораздо более обширный регион. Существовало три ветви: Чако-Каньон в Нью-Мексико, Меса Верде в Колорадо и Кайента на северо-востоке Аризоны, которые принадлежали к одной культуре, но обладали разными стилями в керамике и архитектуре.

Гончарные и ювелирные изделия, другие артефакты, найденные на обширной территории анасази, предполагают наличие торговых связей между отдаленными друг от друга общинами анасази, а также с культурами Мексики. Основанные на высоких технологиях инструменты современных археологов, подобные тем, которые позволяют изучать содержимое культурных слоев без помощи лопаты (см. стр. 133), и обработанные компьютером результаты аэрофотосъемок выявили древнюю дорогу, протяженностью около 640 километров, которая проходила с севера на юг, от Скалистых гор до гор Могольон. Менее длинной была дорога, проходившая с востока на запад.

Анасази оставили для будущего множество свидетельств, сообщающих почти обо всех аспектах материальной стороны их жизни. Сухой горный климат Юго-Запада оказал здесь великую услугу. Все, начиная от 1400-летних корзин и сандалий и заканчивая человеческими останками, вплоть до одежд из шкур и раскраски, которые покрывали тела умерших, дошло до нас в гораздо большей сохранности, чем остатки принадлежавших той же эпохе культур строителей маундов, существовавших на востоке Соединенных Штатов, где свою обильную дань взимала влажность.

БИРЮЗА: УКРАШЕНИЕ ИЛИ ДЕНЬГИ?

Расселение анасази на сухой, шероховатой земле и их возрастающая зависимость от земледелия заставляли искать способы снабжения постоянно увеличивающегося населения пищей в неурожайные годы. Некоторые археологи считают, что одним из таких способов была торговля с другими общинами, как местными, так и с весьма отдаленными, расположенными в Мексике и на побережье Калифорнийского залива.

Находка в Чако-Каньоне в Нью-Мексико 500 000 кусочков бирюзы, многие из которых явля-

лись бусинами или подвесками, надолго поставила археологов в тупик. Количество бусин значительно превышало то количество бирюзы, которое могло бы удовлетворить потребности местного населения. Кроме того, бирюзу было достаточно трудно достать, так как ближайший рудник находился на расстоянии 160 километров, около современного города Санта-Фе. Некоторые исследователи, занимающиеся культурой Анасази, считают, что бирюза служила средством обращения, дающим возможность приобретать различные

предметы, достать которые иным способом было невозможно.

Перья попугая ара, медные колокольчики и раковины с тихоокеанского побережья являются одними из самых экзотических предметов,

Иллюстрацией наличия обширных торговых связей анасази может служить этот похожий на передник предмет одежды с пестрой окраской, сделанный из перьев попугая ара и белчьего меха. Его обнаружили в одной из пещер в штате Юта. Считают, что он был изготовлен в XII веке. Мастер использовал перья, привезенные из Мезоамерики, где обитают попугаи ара.

Медные колокольчики, как эти, происходящие из Мексики, вне всякого сомнения, высоко ценились анасази, у которых не было собственной металлургии. Обнаруженные в Нью-Мексико, они датируются приблизительно 1000 годом н. э.

найденных на территории анасази. Они доказывают наличие торговых связей с отдаленными общинами. Однако более активно шел обмен предметами обихода и продуктами питания. Это заключение базируется на наличии в различных селениях черепков керамических изделий, произведенных в других регионах. Кроме того, в Чако хранилища для продуктов питания значительно больше, чем это могло потребоваться для нужд обитателей этого поселения.

Ученые на протяжении многих лет придерживались мнения, что на культуру Анасази непосред-

ственное влияние оказали высоко-развитые цивилизации Мексики. Однако, обнаружив такие достижения, которые, без всякого сомнения, принадлежали исключительно культуре Анасази и развитие которых можно проследить на протяжении долгого периода времени, современные специалисты были вынуждены признать, что эта культура развивалась самостоятельно, а не являлась продуктом внешнего влияния или колонизации.

Подвеска в виде лягушки, найденная в Меса Верде, изготовлена в XII веке из перламутровой раковины. Она подтверждает наличие торговых связей анасази с обитателями тихоокеанского побережья, где были найдены моллюски с такими раковинами.

Инкрустированная бирювой цилиндрическая корзинка — всего лишь один предмет роскоши из тех, которые были обнаружены в 1896 году Хайдовской исследовательской экспедицией в ходе раскопок Пуэбло Бонито, расположенного в Чако-Каньоне. Найденные артефакты едва уместились в специально нанятую для их перевозки грузовую машину.

Этот необычный и оригинальный контейнер был найден в ходе раскопок в Чако-Каньоне. Для каких целей анасази его изготовили — неизвестно. Крышка плотно закрывала вырезанный из камня сосуд, в котором лежали 146 бусин из бирюзы.

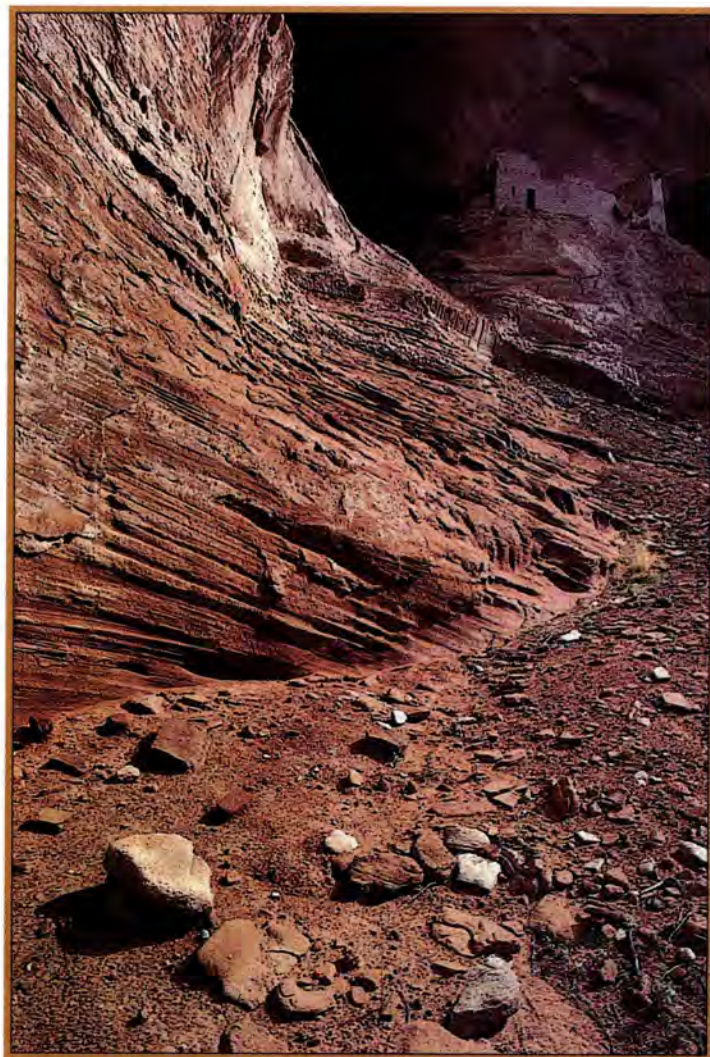
В каньоне де Челли на северо-востоке Аризоны археологи обнаружили особенно богатое на предметы захоронение. В могиле, расположенной у подножия стены каньона, лежало в позе эмбриона тело пожилого человека. Его седые волосы были собраны в хвост. Тело было покрыто накидкой, сделанной из пуха золотистого орла (*Aquila chrysaetos*), и двумя хлопчатобумажными одеялами, одно из которых, несмотря на его возраст, выглядело совершенно новым. На груди лежал початок маиса. Обилие предметов, окружавших тело, привело археологов к выводу, что этот человек пользовался в своей общине особым уважением. Вместе с большим, мощным луком и единственной стрелой с деревянным наконечником в могиле находились пять глиняных кувшинов и четыре плетеные корзины. В них содержались орехи пинии, фасоль, соль и маис во всевозможных видах — в початках, в зернах и уже приготовленным в пищу. Красноречивее всего о том, чем занимался этот человек при жизни, говорят толстые мотки пряжи и деревянное веретено. Археологи назвали свое открытие Могилой Ткача.

Количество находок в каньоне де Челли и в других местах впечатляет так же, как и их качество. Например, в период между 1976 и 1978 годами достаточно скромные раскопки, в ходе которых было вскрыто менее 10 процентов поселения, расположенного в Чакко-Каньоне, принесли 200 000 различных артефактов — от крошечных черепков до огромных деревянных балок, с помощью которых можно установить датировку селения.

Протяженность традиций анасази во времени соответствует размерам пространства, на котором они были распространены. Археологи проследили эволюцию этой культуры с I века н. э., когда предки анасази выделились в отдельную группу из племен кочевников, обитавших к этому времени в пустыне на протяжении тысячи лет. Эти ранние анасази жили в незамысловатых постройках, которые они сооружали на открытом воздухе. Через две тысячи лет их трудно отличить от простых россыпей камней. Их присутствие отмечено и в некоторых пещерах этого региона. Они использовались, возможно, как жилища и наверняка как кладовые и места для погребений. В декабре 1893 года в одной из таких пещер, расположенной в каньоне в штате Юта, Ричард Уэзерилл обнаружил скелеты, относящиеся к периоду баскетмейкер.

Процесс развития от ранних поселений через промежуточный этап баскетмейкер к строителям огромных пуэбло растянулся на столетия. Поиски решения задачи определения и отделения друг от друга различных вех развития культуры Анасази также заняли большой промежуток времени. За ту сотню лет, которая прошла с тех пор, как Уэзерилл познакомил с анасази широкую публику и ученых, поколения американских археологов от самоучек, вроде Банделье, до

Пещера Мумий была названа так благодаря найденным в ней одной из экспедиций XIX века человеческим останкам. Она расположена на высоте 30,5 метра над усеянной камнями и мусором древней тропой в каньоне де Челли в Аризоне. В этом месте находится большое скальное жилище, относящееся к культуре Анасази, в том числе и изображенная здесь постройка, которая имеет 15 комнат и трехэтажную башню.

специалистов с университетским образованием обращали свои профессиональные взоры на страну анасази.

Тем временем антропологи узнавали все больше о современных индейских культурах этого региона, особенно о хопи и зуньи. В их образе жизни, искусстве и архитектуре отражены многие аспекты, известные по археологическим исследованиям селений анасази. Племена, обитавшие в пуэбло, пережили главные изменения во времена завоеваний — сначала испанцами, а потом американцами, — которые сопровождались резней, болезнями и разрушающей древние традиции деятельностью миссионеров. Тем не менее они смогли сохранить свою уникальную культуру, что позволило ученым отнести их к прямым потомкам анасази. Таким образом, можно проследить непрерывную линию развития юго-западной культуры на протяжении двух тысячелетий.

К 1920-м годам археологи получили в свое распоряжение более чем достаточно необработанного материала, касающегося культуры Анасази. Они нуждались в некотором рода каркасе, культурной последовательности, которая могла помочь им извлечь смысл из всех этих открытий. В 1927 году в Пекосе собрались археологи Юго-Запада. Эта встреча положила начало ежегодным конференциям. Первым пунктом повестки дня стоял вопрос о согласовании терминологии, которая могла установить твердую хронологию истории изучаемых ими народов.

Период, который соответствовал гипотетической доземледельческой эпохе, получил название баскетмейкер I. Последовавший за ним период баскетмейкер II был уже отмечен чем-то вроде примитивной обработки земли. Принятая в Пекосе периодизация продолжалась от баскетмейкер III — эпохи строителей полуземлянок и первых гончаров — к пуэбло I и II. В эти периоды появились первые наземные постройки. Их продолжали возводить и в период пуэбло III, когда были покинуты селения анасази в районе Фор Корнерс. Продолжает цепочку пуэбло IV — время расцвета культуры Анасази в бассейне Рио-Гранде. Период пуэбло V покрывает промежуток времени от 1600 года до наших дней.

В 1936 году Альфред В. Киддер предложил применять для всего культурного

феномена баскетмейкер-пуэбло название “Анасази”, чтобы отделить его от Хохокам, Могольон и других традиций юго-западного региона. Современные археологи считают, что это был не идеальный выбор. Всеохватывающий термин “Анасази” подразумевает наличие культурного единства, в то время как на самом деле он затрагивает множество различных групп, связывая их вместе в качестве однородного — и уже исчезнувшего — племени. Без письменных памятников невозможно узнать, ощущали ли себя люди, обитавшие на всей территории анасази, единым племенем, или же они считали, что принадлежат к разным племенам. Неизвестно даже, говорили ли они на одном языке. Не дошло до нас и их самоназвание. И так как их потомки до сих пор живут на той же земле, они не могут считаться исчезнувшими. Тем не менее название прижилось, и пока никто не может предложить приемлемой альтернативы.

Общины корзинщиков (или баскетмейкеров), чтобы гарантировать свое выживание, обратились к обработке земли. Их численность в различных районах была такой высокой, что охота и собирательство уже не удовлетворяли их потребности в пище. Эта зависимость от земледелия

вызвала фундаментальные изменения в образе жизни анасази, в том числе и необходимость оставаться на одном месте на протяжении долгого периода времени.

Примитивные убежища периода баскетмейкер II постепенно вытеснялись полуземлянками. Анасази, которые поселились в Чако-Каньоне около 500 года н. э., жили в про-

Эта группа полуземлянок, построенных корзинщиками в начале VII века, была обнаружена археологами в Меса Верде. Она была погребена под руинами скальных жилищ, построенных здесь 600 лет спустя. Полуземлянка справа сверху была частично восстановлена, чтобы продемонстрировать, как выглядела подобная конструкция. Сохранились лишь немногие корзины, благодаря которым эти ранние анасази получили свое название. Та, которая изображена справа, была изготовлена между 500 и 700 годами н. э.

стых жилищах на вершинах столовых гор, там, где через четыре столетия будут воздвигнуты Большие Дома. В ходе раскопок этих ранних поселений археологи по кусочкам восстанавливают процесс строительства. Сначала анасази выдалбливали небольшое углубление в земле, стены которого укреплялись плоскими камнями, поставленными вертикально, или обмазывались илом. Секции из бревен образовывали стены дома, а деревянные жерди, идущие от одной стены к другой, служили крышей. Все сооружение снаружи было обмазано жидкой грязью и илом — получалось нечто вроде саманного домика. Большинство полуземлянок имели очаг, который представлял из себя углубление в полу и использовался для приготовления пищи и обогрева.

Каньон де Челли благодаря источнику воды и своей плодородной почве уже в раннюю эпоху стал узловым центром культуры корзинщиков. Высокие, сухие пещеры, которыми изобилуют стены каньона, являлись хорошим убежищем в зимнее время. Пещеры, обладающие идеальным, с точки зрения археологов, климатом, предоставили исследователям большее число образцов великолепных тканей, созданных корзинщиками, чем любое другое поселение анасази. Данные древесных колец, полученные из одной постройки, помогли с точностью определить, что анасази занимали это место уже в 306 году н. э. Однако наличие более древних бревен и углей позволяет предположить, что они могли поселиться здесь за три столетия до этого.

Несмотря на переход к земледелию, корзинщики не забросили окончательно охоту и собирательство, которыми занимались их предки-кочевники. Проживая на земле, ресурсы которой всегда были скудны и неопределенны, они не могли себе позволить пропустить любой потенциальный источник пищи. В ходе раскопок в сосудах, предназначенных для хранения продуктов, были обнаружены орехи пинии и индейский рис. Корзинщики также продолжали охотиться. При помощи дополнительного приспособления — деревянной копьеметалки, известной археологам под ацтекским названием атльатль — охотники могли метать копье длиной в 180 сантиметров с достаточной силой, чтобы завалить оленя, антилопу или снежного барана с расстояния в 90 метров. Тем не менее основным источником мяса, видимо, являлись все-таки кролики.

В поселениях корзинщиков иногда находят истрепанные фишки, сделанные из кости. Изображенный здесь набор, дополненный кожаным мешочком для хранения, был обнаружен в пещере в штате Юта. На одних фишках есть гравированные узоры, у других по центру просверлено отверстие. Всего археологи насчитали 44 разновидности фишек. Их, видимо, кидали, как при игре в кости.

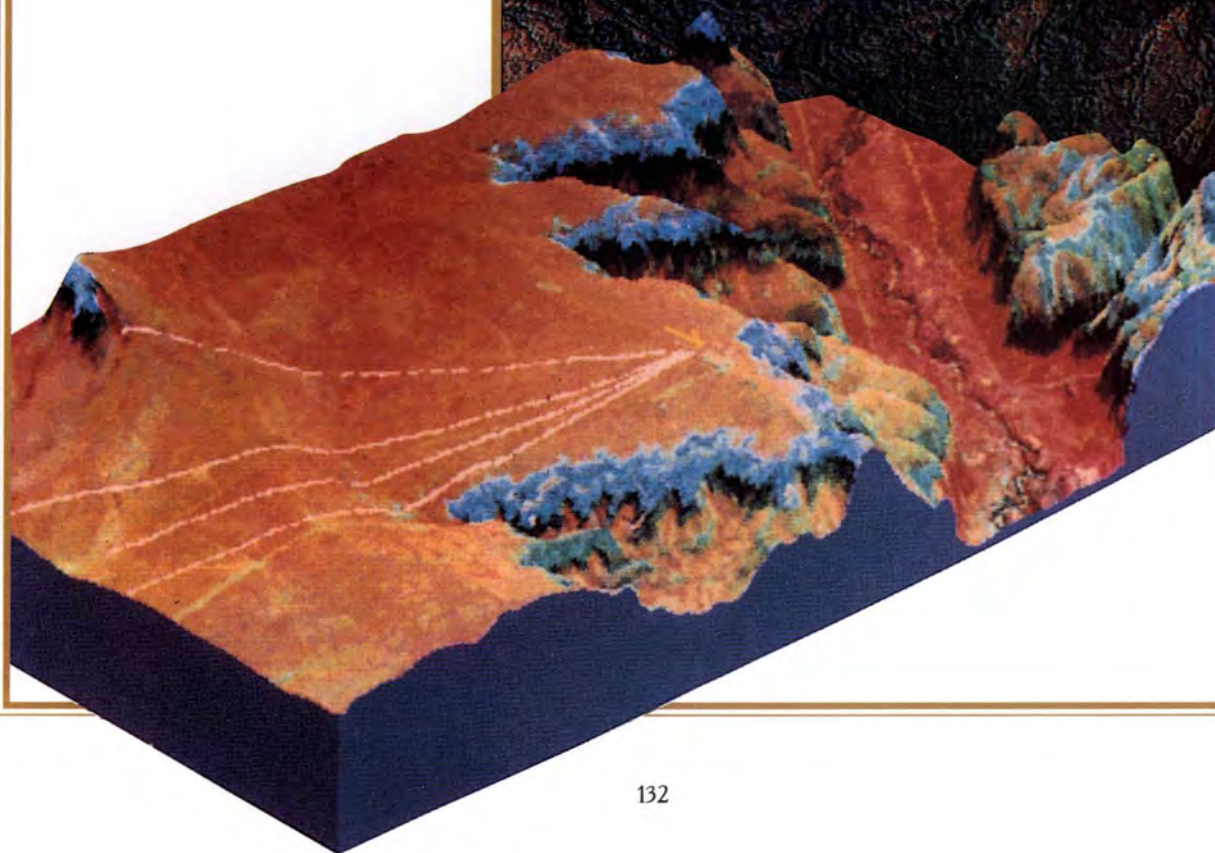
Сеть доисторических дорог, невидимая с земли, прорезала ландшафт в районе Чако-Каньона на изображении, полученном с воздуха при помощи инфракрасного мультиспектрального сканера. Спрессованная земля дорог, в сочетании с другими факторами, сохраняет больше тепла, чем остальная почва. На изображении участки с повышенной температурой окрашены в голубой цвет. Недавно созданная компьютерная база данных, известная как Географическая Информационная Система (Geographic Information System, GIS), может комбинировать полученные подобным образом данные со вспомогательным материалом, таким, как топографические карты, создавая в итоге трехмерную модель местности (внизу). Археологи могут работать с этими данными на экранах своих дисплеев.

Надписи на фотографии:

Modern Road — современная дорога.

Prehistoric Roads — доисторические дороги.

Pueblo Alto — Пуэбло Альто.

ПОГРЕБЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ: ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ

Пески времен скрыли многие следы доколумбовых культур Северной Америки. Однако технология космического века помогла ученым обнаружить погребенные под многовековыми наносами земляные сооружения, дороги, стены и постройки, которые не смог заметить человеческий глаз.

Почти с самого начала XX века археологи стали использовать аэрофотосъемку. Они прикрепляли фотокамеры к воздушным шарам или воздушным змеям, чтобы получить снимок раскопок, сделанный с высоты. В 1929 году Альфред В. Киддер совершил множество полетов с известным авиатором Чарльзом Линдбергом, в том числе и над Чако-Каньоном в Нью-Мексико. А сделанная в 1934 году с воздуха фотография Поверти Пойнта в Луизиане на протяжении пятидесяти лет оставалась лучшим путеводителем по расположенному в этом месте скоплению земляных сооружений — самых ранних маундов Юго-Востока.

Эти первоначальные попытки хотя и позволяли взглянуть на архео-

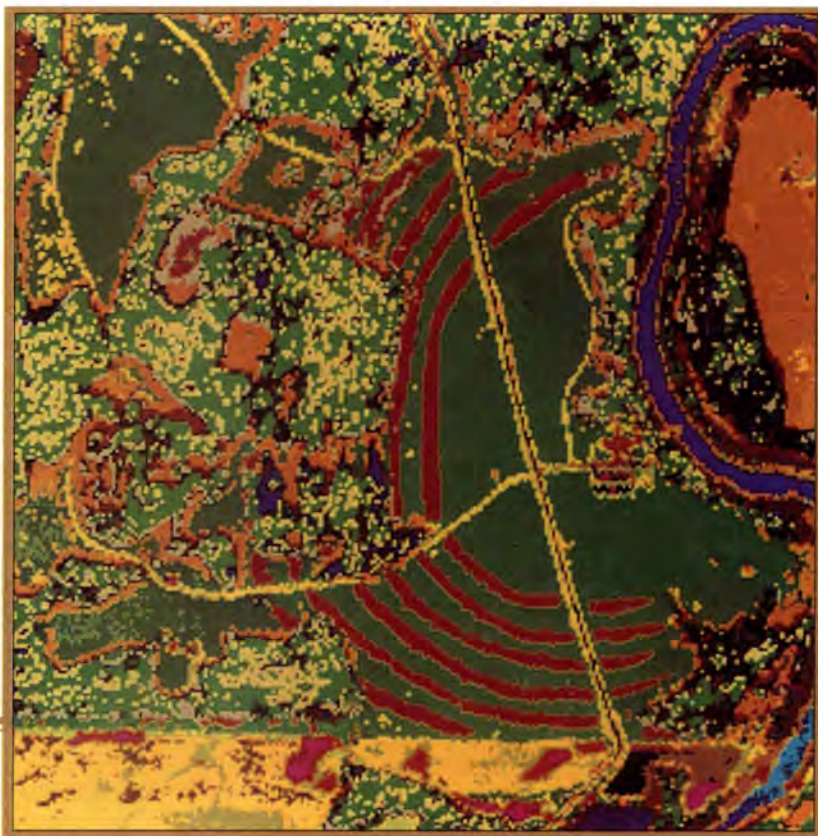
логические памятники с высоты птичьего полета, но тем не менее они имели свои ограничения. Обычные фотографии могут запечатлеть только видимые лучи электромагнитного спектра. С помощью современных чувствительных приборов можно охватить обширный диапазон волн, недоступных человеческому взгляду. Расположенные на самолетах и спутниках, эти приборы позволяют разглядеть спрятанные далеко внизу, на земле, следы древних культур.

Доисторические сооружения, погребенные под землей, могут оказывать влияние на температуру находящейся над ними почвы. Каменные стены или плотно утрамбованные дороги, например, накапливают солнечное тепло. В результате температура поверхности

земли над ними слегка повышается. Земля, скопившаяся в каналах, наоборот, задерживает больше влаги и, соответственно, имеет более низкую температуру.

Удаленные от поверхности земли датчики инфракрасного излучения могут определить подобную разницу температур в местах скопления археологических памятников. На трех приведенных здесь фотографиях, сделанных в инфракрасном спектре, хорошо заметны ненатурального цвета линии — древние постройки и дороги, которые по своему температурному режиму отличаются от окружающей их почвы. Современные археологи, используя подобные приборы, могут отказаться от широкомасштабных, но малопродуктивных раскопок.

На полученной в 1984 году с реактивного самолета, принадлежащего НАСА, фотографии, которая была сделана в инфракрасном диапазоне, заметны шесть концентрических насыпей (красный цвет), окружающих 1200-метровое пространство (зеленый цвет). Эти сооружения, возраст которых насчитывает 3500 лет, находятся около Поверти Пойнта в Луизиане. Хотя насыпи и подверглись эрозии, они все еще содержат следы человеческой деятельности, которые создают едва заметную разницу температур, отмеченную датчиками.

В скальных убежищах были найдены силки и сети, сплетенные из человеческих волос. Во время раскопок пещеры Белой Собаки около Кайенты в северо-восточной части Аризоны археологи нашли достаточно крупную ловушку для дичи. Она была похожа на теннисную сетку и имела в длину 72 метра и 90 сантиметров в ширину. На ее изготовление ушло больше 6 километров человеческих волос и волокон алоцинума, который более известен как индейская конопля. Можно только предполагать, сколько на ее изготовление ушло человеко-часов (точнее, “женщино-часов”). Для того чтобы ее развернуть, населения одного поселка было явно недостаточно. Вероятно, эту сеть использовали во время коллективных охот. Такой сетью можно было перегородить устье каньона и загонять в нее животных.

Большую часть периода баскетмейкер общины были небольшими. Под защитой скал располагались от шести до десяти полуземлянок и несколько хранилищ для запасов пищи. Корзинщики могли проживать на одном месте на протяжении жизни одного или двух поколений, а затем покинуть его и построить новый поселок по соседству со старым. Некоторые заброшенные деревни заселялись повторно. Такие перемещения были вызваны незначительными изменениями микроклимата и уровня влажности почвы. Лишние полсантиметра осадков или клочок земли, способный удерживать воду на неделю дольше, чем остальные, могли означать разницу между жизнью и смертью.

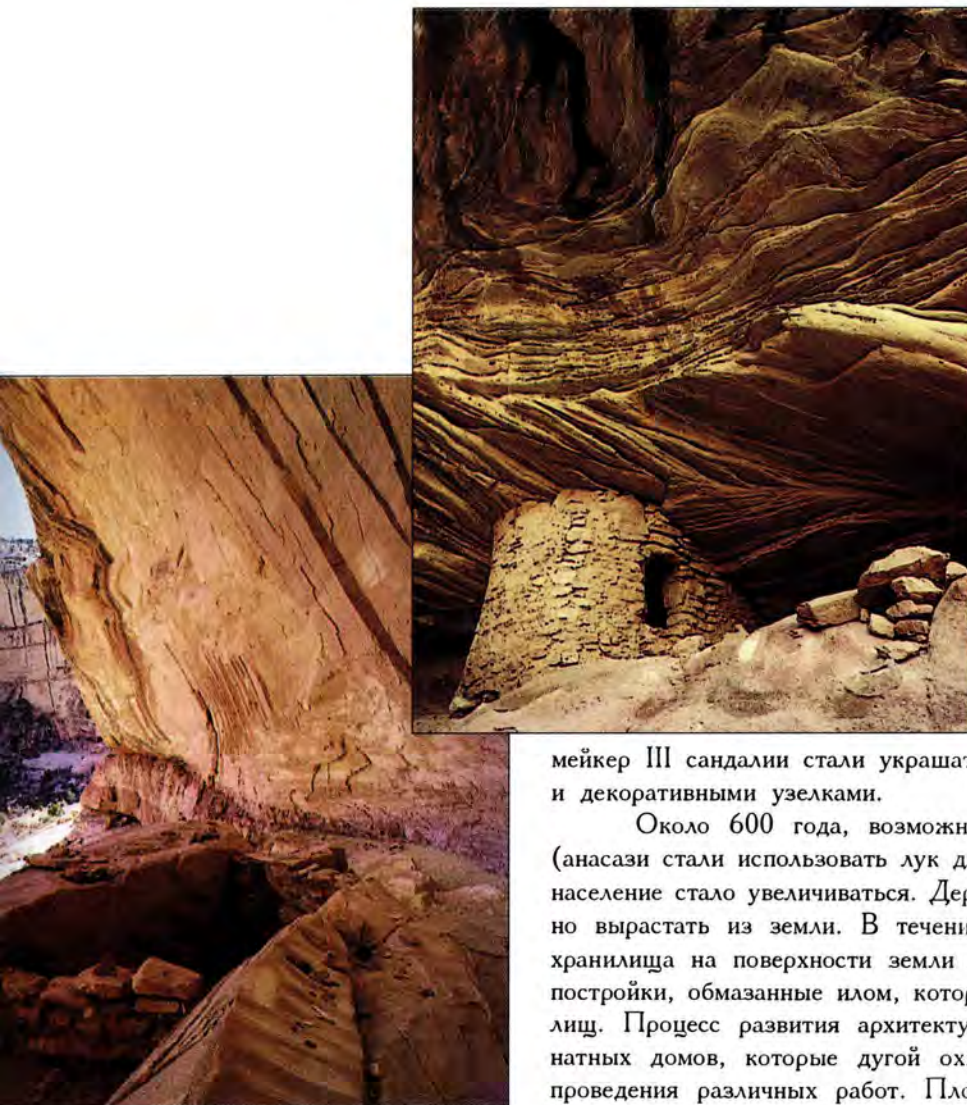
Маис, пришедший из Мексики, составлял основу меню анасази. Селекционная работа, проводимая уже в течение раннего периода баскетмейкер самими анасази, и получаемые из южных областей семена улучшенных сортов маиса способствовали появлению початков, почти достигавших размеров современной кукурузы. Обычно собранного урожая хватало на то, чтобы сделать запасы и продолжать развивать культуру.

Благодаря прекрасно сохранившимся погребениям, подобным Могиле Ткача в каньоне де Челли, исследователи имеют представление о том, как выглядели эти ранние анасази. Невысокие по современным меркам — средний рост мужчин был немногим более полутора метров — они в расовом отношении были фактически идентичны современным индейцам Юго-Запада, с коричневого оттенка кожи и прямыми или волнистыми черными волосами. Мужчины обычно носили длинные волосы, завязанные на затылке. Женщины жертвовали своими, используя их в качестве материала для плетения веревок и сетей.

Судя по находкам в погребениях, одежда корзинщиков была весьма скромной. Иногда для мужчин она ограничивалась парой сандалий, сплетенных из волокон

Эта гробница в пещере в штате Юта могла содержать одно или более тел умерших с принадлежавшими им одеждой, корзинами и другими предметами. Хотя анасази хоронили своих покойников в различных местах — пещерах, гробницах или просто в кучах земли — положение тел было во всех случаях одинаковым: руки и ноги согнуты и подняты к груди, голова ориентирована на восток.

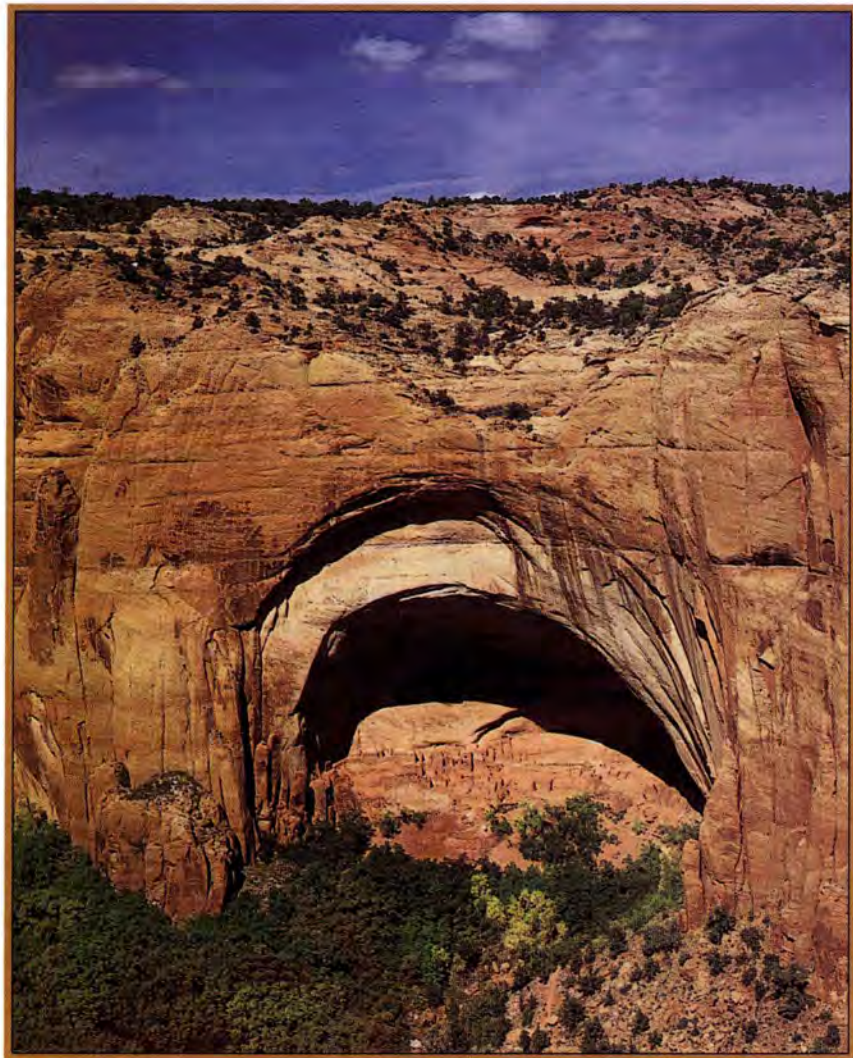
Расположенные бок о бок так называемые метаты, желоба на поверхности скалы, предназначенные для растирания зерна, свидетельствуют, что приготовление еды было коллективным видом деятельности. Небольшими камнями, которые называются манос, женщины перетирали продукты, превращая их в готовую для употребления пищу или в муку, из которой затем делали похлебку или лепешки. Зернохранилища (фотография справа вверху) были призваны предохранить запасы продуктов от сырости и паразитов.

южки. У женщин к этому наряду добавлялся передник из тесемок или волокон. Зимой люди защищались от суровых морозов кожаными плащами и рубашками и одеялами из кроличьего меха. Скучность одежды они компенсировали многочисленными украшениями. Бусы из гагата и аргилита (глинистого камня), раковин, кости и шлифованных зерен были широко распространены. Обычно их нити были связаны в ожерелья. Перья использовались в качестве украшений для волос, подвесок и иногда отделки для меховых накидок. В ходе развития культуры корзинщиков, которое продолжалось свыше 500 лет, одежда становилась более сложной, дополняясь поясами из тесемок и плетеными передниками. В период баскетмейкер III сандалии стали украшаться разноцветными изображениями и декоративными узелками.

Около 600 года, возможно, благодаря развитию технологий (анасазы стали использовать лук для охоты) или улучшению климата, население стало увеличиваться. Деревни корзинщиков начали буквально вырастать из земли. В течение VIII и IX веков их небольшие хранилища на поверхности земли превратились в крупные каменные постройки, обмазанные илом, которые использовались в качестве жилищ. Процесс развития архитектуры привел к созданию многокомнатных домов, которые дугой охватывали открытую площадку для проведения различных работ. Плоские крыши, покрытые бревнами, также могли использоваться в качестве дополнительных площадок, на которых готовили пищу, сушили продукты и расписывали керамические изделия.

Это был серьезный шаг вперед. Сами анасазы, разумеется, не осознавали, что они из периода баскетмейкер III перешли к периоду пуэбло I, хотя трансформация эта была достаточно резкой. Изменения были очевидны для археологов XX века, которые дали культурам их названия. Однако масштабы произошедшей трансформации привели на раннем этапе исследований к серьезной ошибке.

Поскольку древние слои залегают под более поздними, археологи обнаружили следы корзинщиков только после того, как они изу-

Скальное жилище в Бетатакине, штат Аризона, укрывшееся в живописном амфитеатре естественного происхождения, высотой 150 метров, относится к XIII веку и является столь же загадочным, сколь и захватывающим. 135-комнатное сооружение было построено, увеличено в размерах, а затем покинуто на протяжении жизни всего лишь двух поколений.

чили сложные сооружения, возведенные их потомками. Долгие годы исследователи, подобно Уэзериллу, считали, что корзинщики и обитатели пуэбло были совершенно разными народами. Последние обладали сложными архитектурными сооружениями и богато декорированной керамикой. Они также использовали лук и стрелы. Все это наводило на мысль, что носители новой культуры разгромили и вытеснили более примитивных корзинщиков.

Решающим доводом было поразительное анатомическое различие между ранними обитателями пуэбло и корзинщиками. Вместо длинных, узких черепов, характерных для их предшественников, ранние обитатели пуэбло имели широкие черепа. На самом деле, как показали последующие исследования, изменение формы головы было вызвано не генами, а модой. Корзинщики использовали мягкие сумки для переноски младенцев. Люди пуэбло предпочитали использовать сумки на жесткой основе из досок, которые деформировали мягкие, растущие черепа детей. Сейчас невозможно с уверенностью сказать, что вызвало появление этой

практики: контакты с плоскоголовыми иноземцами, которых анасази по какой-то причине уважали, или стремление подражать кому-то из своих предводителей, головы которых были плоскими от рождения. В любом случае, новая мода на плоские черепа быстро распространилась на всю территорию анасази и существовала столь же долго, как и сами анасази.

Другое глобальное изменение, связанное с периодом пуэбло I, касалось роли полупустыенок. Они не исчезли из селений анасази, хотя и стали реже использоваться в качестве жилищ. Наоборот, они получили распространение на всей территории анасази. Более маленькие и глубокие, чем прежние жилища корзинщиков, эти полуподземные помещения располагались теперь на площади перед пуэбло и

выполняли церемониальные функции. Они имеют определенное сходство с сооружениями, которые используют зуны, хопи и другие современные племена пуэбло для проведения религиозных ритуалов и собраний. На языке хопи такое помещение называется “кива”, и археологи быстро приняли этот термин для обозначения древних сооружений такого типа.

Большинство ученых готовы признать, что кивы анасази выполняли те же функции, что и кивы хопи и зуны. Доступ в них имели только мужчины (женщины допускались только во время проведения особых церемоний). Кивы в одно и то же время были религиозными центрами и своеобразными клубами для собраний многочисленных “обществ”, существовавших в деревнях. Каждая из них была посвящена определенному аспекту повседневной или рели-

гиозной жизни, или и той и другой, так как древние люди не делали между ними различий. Со времени своего появления и до наших дней кива являлась признаком поселения. Таким же очевидным, как и указатель с названием. К XII веку — период пуэбло III — в каждой деревне была одна или несколько кив. В крыше находилось отверстие, служившее дымоходом, к единственному выходу вела лестница. В стене, сложенной из камня, делались ниши, а вдоль нее шла скамейка. В центре кивы, в полу, часто присутствует загадочное углубление, заполненное песком. Большинство ученых считают, что оно соответствует понятию “сипапу”, присутствующему в верованиях современных пуэбло.

Горшки, расположенные на крыше постройки в Кит Сил, штат Аризона, выглядят так, будто их хозяева отлучились на минуту и сейчас вернутся. Разбросанные повсюду черепки и кочерыжки маиса усиливают впечатление, что это большое, хорошо сохранившееся селение было покинуто совсем недавно. Но, как и расположенный по соседству Бетатакин, Кит Сил опустел 700 лет назад.

Археолог Национального заповедника Банделье Билл Свитленд предполагает, что кивы являлись промежуточным уровнем между миром живых и миром их предков, а сипапу служили в качестве “входа” в последний. В отличие от своих современников — людей Миссисипи — анасази, похоже, не испытывали страха перед загробным миром. Он являлся эквивалентом небес, где обитали души умерших.

Все Большие Дома в Чако-Каньоне, этом центре притяжения культуры Анасази, включают в себя бесчисленные кивы. Только в Пуэбло Бонито насчитывается 32 подобных сооружения. Большие Дома в Чако, с тех пор как они были описаны лейтенантом Симпсоном в 1849 году, одинаково пленяли своим очарованием как археологов, так и неспециалистов. Развитие научных технологий в XX веке по-

зволило получить о них много новых сведений, с помощью которых были исправлены ошибочные концепции. Даты их постройки и заселения были уже установлены, главным образом, благодаря дендрохронологии, разработанной Дугласом в 1920-е годы. Однако применялся при этом и новый метод. Он заключается в измерении уровня намагниченности частиц обожженной глины. Сравнивая этот уровень с известными изменениями магнитных полюсов земли, происходившими в прошлом, археологи могут с точностью указать дату, когда этот образец последний раз подвергся нагреванию. Такая информация дает археологам возможность узнать, когда, например, в той или иной комнате пуэбло в последний раз пользовались очагом.

Навевающее покой внутреннее помещение единственной полностью восстановленной Большой Кивы передает торжественность, соответствующую ее сакральным целям. В XII веке обитатели этого расположенного в Нью-Мексико селения, которое носит название "Руины Ацтек", построили киву и 500-комнатный комплекс в стиле Чако.

Сначала археологи считали, что Большие Дома являлись жилищами, и на этом основании делали вывод, что общая численность населения каньона достигала 10 000 человек. Такая интерпретация превращала Чако в настоящий городской центр, который должен был оказывать страшной силы давление на окружающую среду. Даже если бы анасази знали, как увеличить количество дождей, все равно трудно представить, как этот район смог бы прокормить такое число обитателей. В 1976 году группа археологов начала раскопки Пуэбло Альто, расположенного в северном углу Чако-Каньона. Ей удалось получить поразительные данные. Судя в основном по наличию очагов, без которых местную зиму пережить невозможно, в лучшем случае обитаемой была только одна комната из двадцати. Большинство таких комнат датируется самой ранней стадией постройки пуэбло. Постоянные обитатели Больших Домов, таким образом, исчисляются не тысячами, а сотнями.

Были и другие странности. В одной из траншей, которая пересекала кучу мусора в Пуэбло Альто, были найдены не менее 70 000 артефактов, в основном — разбитая керамика. Археологи подсчитали, что за 60-летний период в эту кучу попали осколки 150 000 глиняных сосудов — колоссальное количество для сотни обитателей этого места. Более того, обнаруженные черепки явно относились к разным слоям. Это позволяло предположить, что время от времени Пуэбло Альто становилось свидетелем своего рода церемониального массового битья посуды. По одной из современных трактовок Большие Дома в Чако были местами периодических собраний всех анасази, обитавших в долине реки Сан-Хуан. Эти “съезды” могли быть чем-то вроде религиозного паломничества или ярмарки.

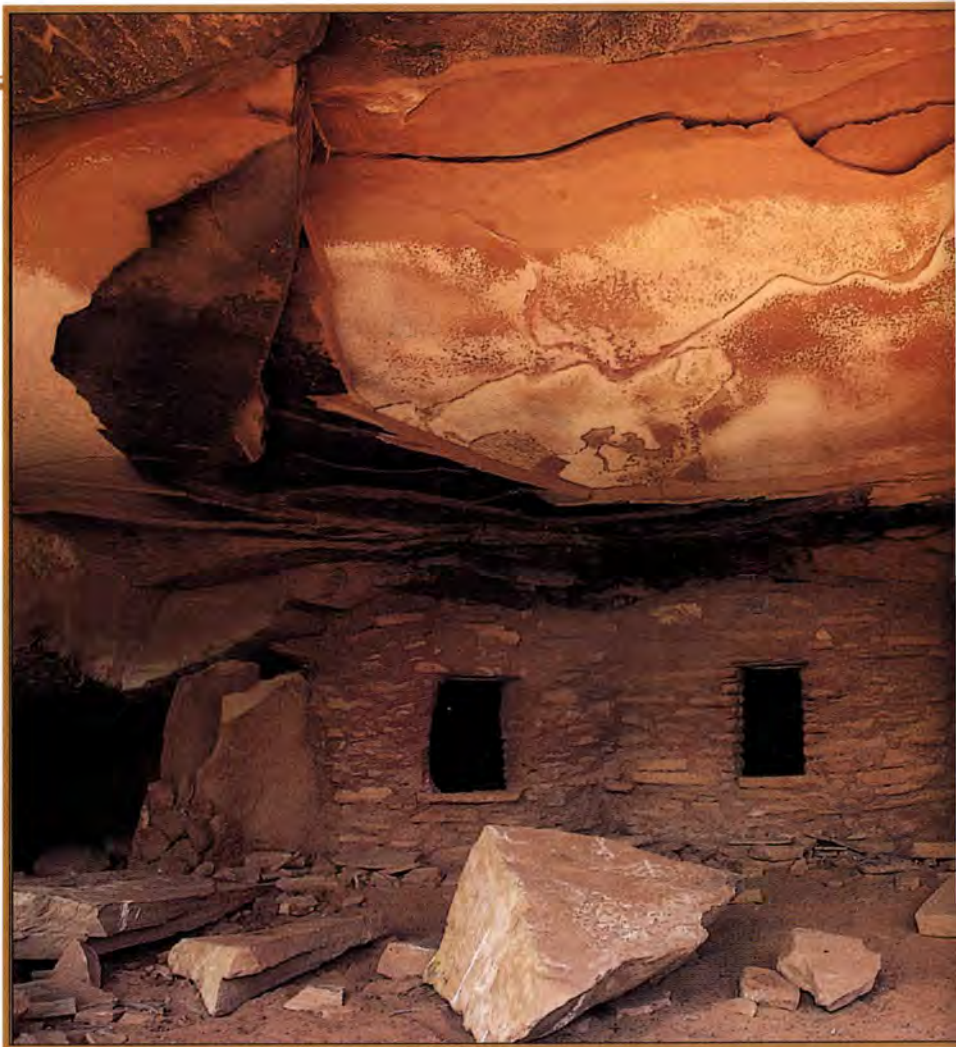
Чако мог даже выполнять астрономические функции. Современные индейцы хопи и зуни используют наблюдения за солнцем для проведения сельскохозяйственных работ и уточнения религиозного календаря. И археологи уверены, что анасази также обладали подобной информацией. Некоторые исследователи обращают внимание на необычное количество угловых дверей и окон в Пуэбло Бонито, два из которых указывают на положение солнца в день зимнего солнцестояния. Данные из других селений, расположенных в каньоне и вокруг него, носят менее очевидный характер. Тем не менее, как пишут археологи Роберт и Флоренс Листер, “все исследователи сходятся на том, что обитатели Чако использовали астрономические явления в качестве основы, на которой строился годовой цикл религиозных культов и предсказывались сезонные изменения, способные оказать влияние на ирригационные работы, подготовку полей и созревание урожая”.

Нет никаких сомнений, что, независимо от познаний его обитателей в области астрономии, Чако прежде всего был центром торговли. Большое количество фрагментов керамики происходит из отдаленных мест, особенно из местности Чуска, находящейся в 64 километрах к западу. Но основным предметом торговли в Чако была бирюза, которая высоко ценилась анасази. В каньоне были обнаружены сотни изготовлен-

ных из бирюзы предметов и тысячи крошечных кусочков голубого камня. Некоторые археологи считают, что бирюза имела важное ритуальное значение и что регулярные визиты за ней в Чако были существенной частью религиозной жизни анасази.

В конце периода баскетмейкер — непосредственно перед эпохой расцвета Чако — анасази сделали важное открытие. Прежде анасази не имели котлов, способных выдержать воздействие открытого пламени, поэтому пищу они готовили при помощи раскаленных камней, которые бросали в корзины, наполненные водой или жидкой кашей. Иногда, чтобы вода не сочилась из щелей, корзины обмазывались глиной. Однако в большинстве случаев они были сплетены настолько искусно, что ни одна капля не могла из них пролиться. Затем, незадолго до 500 года н. э., анасази научились обжигу керамических изделий на горячих углях потухшего костра. Почти полное отсутствие кислорода приводило к появлению весьма практичных, способных выдержать достаточно высокие температуры изделий светло-серого цвета. Блюда, которые было трудно или невозможно приготовить при помощи раскаленных камней, стали теперь повседневной пищей. К ним, например, относится фасоль, которую надо долго вымачивать и варить. Интересно, что ее появление среди возделываемых анасази растений совпало по времени с возникновением керамики.

По мере развития культуры периода пуэбло керамика становится все более сложной. Даже на сосудах, предназначенных для повседневного использования, появляются черно-белые изображения. Анасази, как и все остальные американские народы доколумбового периода, не знали гончарного круга. Они изготавливали свою керамику из длинных колбасок сырой глины, наматывая их виток за витком, каждый из которых накладывался поверх предыдущего, образуя в итоге основу сосуда. Благодаря такому методу, поверхности керамических изделий получались как бы рифлеными. Это придавало им привлекательность, делало удобными для переноски и способствовало равномерной передаче жара от костра содержимому сосуда при готовке пищи.

Это хорошо сохранившееся скальное жилище, расположенное в одном из каньонов в штате Юта, является одним из тех, в которых не проводились широкомасштабные раскопки или исследования. По всему Юго-Западу разбросаны тысячи подобных руин, содержащих различные артефакты, такие, как этот рифленый сосуд, изображенный на правой фотографии. Покой этих развалин охраняется законом, так как любое изменение в них, произошедшее по вине посетителей, даже если просто будет сдвинут с места самый маленький черепок, может исказить общую археологическую картину.

Методы современной науки, включая нейтронный анализ, способный по наличию радиоактивных элементов указать, из какого источника была взята глина для изготовления того или иного сосуда, показали, что глина для керамики нередко могла быть найдена на большом расстоянии от того места, где был сделан сосуд. Для большей части керамики, обнаруженной в Чако-Каньоне, глину доставляли из других районов владений анасази. Независимо от места изготовления, керамические сосуды были искусно расписаны. Сосуды, ставшие после обжига серыми, обмазывались белой (в очень редких случаях — красной) глиной, поверх которой черной краской наносился рисунок. Иногда художники анасази изображали фигурки людей, однако более распространенными мотивами были сложные геометрические узоры. Подобного рода изображения были обнаружены на скалах и стенах, особенно стенах кив, и гораздо большее их число было смыто или стерто за прошедшие со времени их создания столетия.

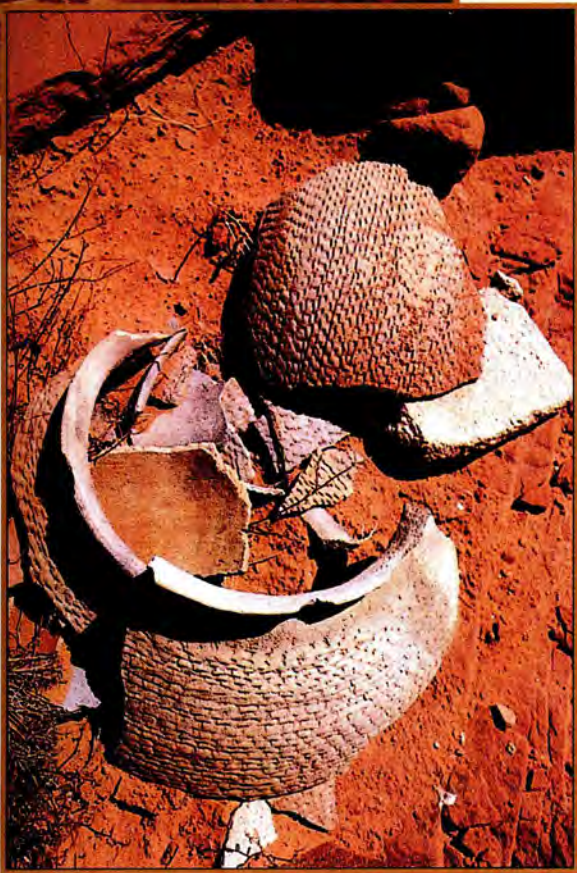
Существуют определенные свидетельства наличия торговых связей с цивилизацией, существовавшей в ту эпоху на территории современной Мексики. Некоторые изображения на керамике Чако-Каньона содержат явные мексиканские мотивы. Есть и более очевидные доказательства: медные колокольчики или скелеты попугаев ара. Яркие перья попугаев ара играли важную роль в ритуалах индейцев майя и тольтеков.

Анасази могли их использовать для тех же целей.

Контакты с Мексикой носили случайный характер, но современные исследования показывают, что обитатели Чако имели тесные связи с жителями других регионов. Наблюдения с воздуха помогли распознать почти исчезнувшие следы Больших Домов стиля Чако, которые, как выяснилось, были распространены на значительно более обширной территории, чем считалось раньше. Археологи склоняются к мысли, что зона влияния анасази Чако могла распространиться на 64 000 квадратных километров, то есть на весь бассейн реки Сан-Хуан, а может, и на большую территорию.

Пик расцвета Чако пришелся на период между 1075 и 1115 годами н. э., когда завершилась последняя стадия строительства Больших Домов. Несмотря на все усилия, затраченные на его создание, Феномен Чако — как его называют археологи — просуществовал недолго. Судя по древесным кольцам, один засушливый год следовал за другим. У. Джеймс Джадж, бывший директор долгосрочного проекта Чако, разработанного Службой национальных парков США, предполагает, что из-за ухудшения природных условий Чако-Каньон мог потерять свою роль торгового и ритуального центра и стал в большей степени местом проживания.

Обитателям Чако и раньше приходилось переживать засухи. Во время последней волны строительства недостаток

АНАСАЗИ ЧАКО-КАНЬОНА: ДРЕВНИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ ЗА НЕБОМ

4 июля 1054 года было отмечено появление сверхновой звезды. Вспышка была такой яркой, что жители Земли могли наблюдать ее сияние на дневном небе в течение трех недель, а на ночном — почти два года. Это неординарное событие совпало по времени с одним из самых интенсивных периодов строительства в Чако-Каньоне, и, несомненно, обитатели каньона наблюдали за ним.

Астрономы и археологи, занимающиеся изучением культур этого региона, долгое время считали, что доисторические постройки предназначались для наблюдения за небом. Открытие рисунка на скале, кото-

рый может изображать сверхновую звезду, сделанное в начале 1970-х группой археологов, позволяет предположить, какое большое влияние оказало это событие на обитателей страны Анасази.

Обнаруженный рисунок представлял из себя красновато-коричневый пиктограф. Он был нанесен на скалу из песчаника, нависавшую над одним из пузбл Чако-Каньона, которое называется Пенаско Бланко. Рисунок состоит из изображения руки, которая может обозначать священность этого места, звезды и полумесяца. Под этими символами находится, вероятно, изображение солнца — три концентрических круга вокруг точки.

Согласно мнению археоастронома Рэя А. Уильямсона, вся композиция очень точно "воспроизводит астрономические события, произошедшие 4 июля 1054 года" — сверхновая звезда появляется к югу от полумесяца, когда солнце еще находилось за линией горизонта.

Теория Уильямсона, видимо, не будет принята всеми исследователями, так как пиктограф не поддается точной датировке. Тем не менее ученые должны признать, что астрономия наполняла жизнь анасази, влияя на выбор времени проведения ритуалов, охоты и сельскохозяйственных работ и даже на ориентацию их домов.

Окно постройки Каса Ринконада в штате Нью-Мексико, через которое видно восходящее солнце, могло служить для определения дня летнего солнцестояния.

Подобное приспособление, известное как "солнечная отметка" (sun dagger), состоявшее из прорези в скале, проходя через которую солнечный луч попадал на спиралеобразный петроглиф, было обнаружено в Фахада Баттэ в штате Нью-Мексико (фотография слева). Проследившая в течение года перемещение точки восхода солнца по линии горизонта, анасази, вероятно, могли предсказывать дни солнцестояний.

Этот петроглиф, возможно, изображает взрыв сверхновой, известной теперь как Крабовидная туманность. На стене из песчаника нарисовано тело, похожее на звезду. Оно находится к югу от полумесяца, рога которого обращены на запад. Такое расположение этих небесных светил можно было наблюдать 4 июля 1054 года. Фаза луны, соответствующая этому дню, была подтверждена при помощи компьютерного анализа.

влаги из-за мизерного количества летних дождей держал в напряжении всю сельскохозяйственную систему. В те времена в селениях имелись большие запасы продуктов, позволявшие их обитателям пережить несколько неурожайных лет. Но на этот раз засуха продолжалась достаточно долго. Около пятидесяти лет уровень осадков был ниже среднего. Ухудшение природных условий оказалось разрушительным для инфраструктуры Чако, и люди стали покидать эти места.

Два других крупных центра культуры Анасази, в бассейне реки Сан-Хуан и около Кайенты, достигли пика развития позже, чем Чако, но они обладали своими индивидуальными культурными чертами, отличавшимися от того, что было раньше. Например, своеобразными были их керамика (хотя она и продолжала изготавливаться в традиционном для анасази черно-белом стиле) и архитектура.

В отличие от обитателей Чако, для которых дерево было редкостью, анасази северной части бассейна реки Сан-Хуан жили среди лесов. Можжевельник и пинии росли на широких вершинах столовых гор или на плато. Остатки этих лесов с руинами Меса Верде, расположенными в 224 километрах к северу от Чако-Каньона, создают весьма живописные пейзажи. Но в этом регионе находятся развалины еще, по крайней мере, восьми крупных деревень, относящихся к периоду пуэбло III. Население каждой из них достигало 1000 человек. В эпоху, когда период пуэбло III достиг высшей фазы своего развития, в этом регионе могли проживать от 30 до 40 тысяч человек — в два раза больше, чем проживает людей на юго-западе Колорадо в наши дни. Наибольшая концентрация населения была в Йеллоу Джекете, который сегодня представляет из себя груду развалин. Это поселение из 1826 комнат, сгруппированных вокруг четырех площадей, и 166 кив и Большой кивы, которая по своим размерам могла сравниться с самой крупной кивой Чако-Каньона.

Климат делал занятие сельским хозяйством менее рискованным, чем в Чако. На вершинах столовых гор было возможно земледелие, зависящее исключительно от дождей. Но даже при таких условиях большое количество населения требовало обычного для анасази бережного отношения к воде. В Йеллоу Джекете существовал резервуар, из которого вытекал излишек воды. В Меса Верде было несколько каменных дамб. Эти дамбы, построенные для того, чтобы задержать на полях воду летних

Нависающая скала из песчаника защищала Скальный Дворец Меса Верде от зимних ненастий. За год здесь выпадало от 200 до 250 сантиметров снега. Так как в этой местности отсутствуют постоянные водные потоки, таяние снегов помогало подготовить почву к весеннему севу.

дождей и растаявшего зимнего снега, служили и еще одной цели. Около них оседала земля, которую несли с полей потоки воды. Таким образом появлялись дополнительные небольшие, но очень плодородные участки.

Долина реки Сан-Хуан была населена столь же долго, сколь и остальные территории анасази, и ее обитатели прошли те же фазы развития, которые были общими для всей культуры Анасази. Скальные жилища, так поразившие первых европейских посетителей этих мест, появились на последней стадии развития культуры в этом регионе. Строительство в Меса Верде началось около 1070 года. Начиная с этого момента и до первой четверти XIII века обитатели многих поселений Сан-Хуана переселились с открытых вершин столовых гор в жилища совершенно нового типа, которые они сами построили. Эти жилища, подобно ласточкиным гнездам, лепились к скалам в углублениях и нишах стен каньонов.

Самым очевидным мотивом для такого переселения является необходимость обеспечить защиту жилищ. Однако для всего периода Анасази известны лишь отдельные, крайне немногочисленные следы военных действий. Более приемлемым объяснением в этом свете становится необходимость обеспечить питанием увеличившееся население. Переместив поселения с плодородных вершин столовых гор и дна каньонов, анасази увеличили площадь возделываемых земель. Выгода от этого едва ли достигла значительных размеров, но даже в относительно плодородной долине Сан-Хуана любая прибавка к урожаю стоила затраченных на нее усилий.

Третья основная группа располагалась на западе, вокруг Кайенты, примерно в 190 километрах к северо-востоку от Флагстаффа, штат Аризона. Анасази Кайенты вступили в период строительства пуэбло немного позже, чем остальные. Согласно Гэри Мэтлоку, археологу, сотрудничающему с Лесной службой Соединенных Штатов, "если бассейн Сан-Хуана был житницей, а Чако-Каньон — центром торговли, то Кайенту можно назвать Богемией Анасази". Ее обитатели были великолепными гончарами и художниками, но их поселения, по сравнению с поселениями других анасази, выглядели чем-то второсортным. В то время как остальные группы возводили огромных размеров сооружения, группа Кайенты тратила свою энергию на экспансию в западном направлении, заселяя новые земли в течение столетия, начиная приблизительно с 1000 года н. э.

Экспансия прекратилась около 1150 года, скорее всего, из-за уменьшения количества дождей и других проблем, связанных с окружающей средой. Многие поселения на западе были покинуты. Пуэбло в центральных областях Кайенты увеличивались в размерах, чтобы принять переселенцев с окраин. Это вызвало необходимость направить усилия на поиски более эффективных способов обработки земли и снабжения ее водой. К концу XIII века плотность населения в Кайенте оказалась слишком высокой. Между 1286 и 1300 годами, согласно датировке по древесным кольцам, анасази Кайенты собрали свои вещи и покинули обжитые места. Они забрали с собой все, что можно было унести. Некоторые двери

были опечатаны, значит, хозяева надеялись быстро вернуться. Как выяснилось, им не суждено было это сделать. Однако они не ушли далеко от своих домов. “Важным моментом является то, что регион Кайенты в целом никогда не был действительно покинут, — говорит Мэтлок. — Кайенты демонстрируют самую тесную связь с современными индейцами пуэбло, присущую всем группам анасази. Хопи обладают почти полным набором культурных традиций анасази”.

Ни одна местность в районе Фор Корнерс не могла вынести бремени человеческого присутствия, по крайней мере в той степени концентрации, какой оно достигло к концу XIII века. Сами анасази способствовали возникновению того, что современные экологи называют “деградацией окружающей среды”, путем интенсификации сельского хозяйства, вызванной увеличением населения.

Кроме этого возникали проблемы, связанные с интенсивной вырубкой лесов. Дожди смывали почву с поросших лесом вершин столовых гор, но экология леса неизменно возобновляла утраченное.

Анасази, обитавшие в засушливом регионе Ховенвип, строили свои деревни около постоянных источников воды. В качестве фундаментов для своих каменных построек они использовали голые скалы из песчаника. Функции этих уникальных ховенвипских башен неясны. Гипотезы трактуют их как бастионы, религиозные центры или обсерватории.

Так продолжалось до тех пор, пока в этот процесс не вмешались люди. Анасази были вынуждены расчищать вершины столовых гор. Им необходимо было пространство для посевов. Кроме того, они нуждались в дереве как строительном материале и как топливе для приготовления пищи, обжига керамических изделий и обогрева зимой.

Засуха, снижение урожаев, нехватка дерева для строительства и костров — все это повлекло за собой конец эксперимента под названием Анасази. Повсеместно коллапс культуры имел мягкие формы. Анасази могли исчерпать возможности окружающей среды, но количество самих анасази было относительно невелико, и технологии их находились на низком уровне. Их саморазрушение шло медленно и не приобрело характера катастрофы. Несомненно, некоторые анасази голодали. Умирали дети, которые в лучшие времена могли бы дожить до зрелого возраста. А многие из тех, кто выжил, уже став взрослыми, страдали от последствий недоедания в детстве. Но не было неожиданных бедствий, население не получало такого удара, от которого уже невозможно было оправиться. Чако, обитатели которого и в лучшие годы находились в крайне трудном положении из-за суровых природных условий, был покинут первым. Ненадолго здесь появились переселенцы из Меса Верде, которые поселились в опустевших строениях каньона, пока засуха не сделала это место совершенно непригодным для жизни. Потерпевшие в конце концов поражение в борьбе с пустыней, семья за семьей, род за родом, они покинули эти места в поисках лучшей жизни.

Люди Кайенты отправились на юг. Они до сих пор там находятся. Судьба анасази Сан-Хуана и Чако-Каньона не столь ясна. Вероятно, они двинулись к району Банделье и к пуэбло, разбросанным в долине Рио-Гранде. Как анасази, "Те, которые древние", "Враждебные предки", они исчезли с лица земли. Как хопи, зуньи и другие племена пуэбло, они имели большое будущее.

Культура Анасази в Банделье сохранилась значительно дольше, отчасти благодаря более влажному климату и произошедшему в глубокой древности геологическому катаклизму. Более миллиона лет назад в горах Хемес взорвался вулкан, образовав кратер диаметром в 45 километров и покрыв территорию площадью в 1165 квадратных километров слоем пепла толщиной от 183 до 305 метров. Спрессованный за огромный промежуток времени пепел превратился в вулканический туф — мягкий камень, в котором анасази вырубали пещерные жилища, столь поразившие Адольфа Банделье. На плоских вершинах столовых гор и на дне каньонов бесчисленное количество дождей и вызванная ими эрозия превратили туф в почву, хорошо удерживающую влагу. В некоторых местах галька из слегка окрашенной пемзы создает на поверхности изолирующий слой, который отражает солнечное тепло. Даже в жаркие, безоблачные дни почва под этим слоем остается холодной и влажной.

Указывая на долину между двумя столовыми горами, которые содержат обширные пещеры, созданные анасази, археолог Билл Свитленд утверждает, что "мы можем и сейчас выращивать здесь урожай".

Анасази, как считает Свитленд, могли кидать семена маиса, фасоли и тыквы в одну лунку. Тыква всходила первой и предохраняла землю от палящих лучей солнца. Следующим появлялся маис. Его стебель пробивался сквозь поросль тыквы, представляя из себя удобную подпорку для ростков фасоли, прораставшей позже всех. После уборки урожая высохшие стебли маиса использовались в качестве топлива. Разнообразие овощей обеспечивало здоровую диету. Содержащиеся в фасоли ферменты нейтрализовали вредное воздействие протеина из маиса и делали его легко усваиваемым для человеческого организма, а тыква добавляла к этому минералы и витамины.

Анасази продолжали пользоваться щедростью земли в регионе Банделье до тех пор, пока все те же проблемы с истощением почвы, погубившие другие центры этой культуры, не привели к постоянному снижению урожая. И незадолго до того, как первая испанская экспедиция достигла этих областей, анасази окончательно покинули свои пещеры и двинулись вниз по течению Рио-Гранде.

В наши дни Национальный заповедник Банделье окружен кольцом пуэбло современных индейцев. В их число входят Кочити и Санто-Доминго. В каньоне Фрихолес и на соседних столовых горах сохранились лишь воспоминания об анасази и их повседневной жизни. Но даже кажущееся самым незначительным напоминание о их существовании может помочь нам лучше понять эту великолепную, но остающуюся во многом загадочной культуру.

На небольшом, относительно ровном клочке земли, находящемся ниже рядов пещерных жилищ, кто-то из родителей-анасази вырезал из куса вулканического туфа миниатюрное пуэбло. Хотя его линии за прошедшие шесть веков утратили былую четкость, крошечные лесенки и жилые постройки до сих пор различимы в хрупком камне. Сколько удовольствия должен был доставлять детям этот кукольный дом. В безмолвном полумраке легко представить их смех, разносящийся под этими сводами,

Фрагмент керамического изделия, найденный в Пуэбло Бонито в Чако-Каньоне, в обычном для искусства анасази стиле изображает лицо человека. Высота фрагмента достигает 15 сантиметров. Датируется он приблизительно 1100 годом н. э.

Кувшин, расписанный в стиле Меса Верде и найденный в Чако-Каньоне, иллюстрирует ведущую роль торговли в обществе анасази. Археологи иногда могут при помощи химического и физического анализа материалов установить место изготовления керамики. Значительно чаще они используют для этого сравнение стилей росписей сосудов.

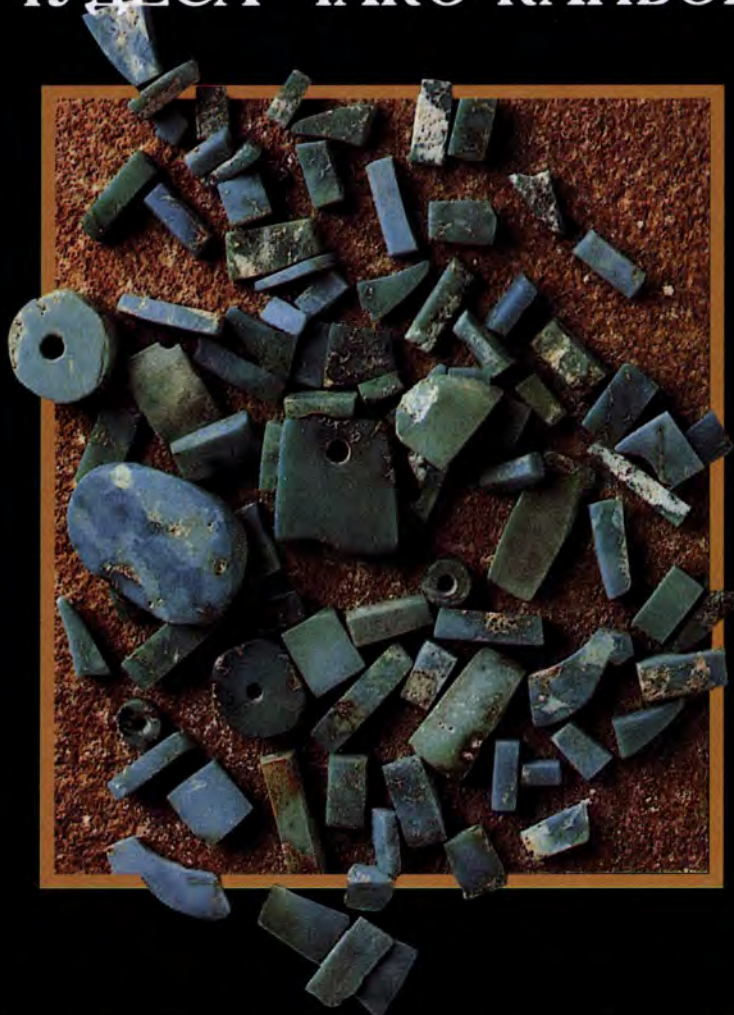
Мастер-анасази из окрестностей Кайенты, штат Аризона, вырезал из дерева и раскрасил эту птицу и подсолнухи. Предметы были сложены в глиняный сосуд и спрятаны в одном из скальных жилищ. Сухой климат позволил им на протяжении 700 лет сохранять практически первоначальный вид.

перекрывающий голоса матерей, зовущих их домой ужинать, отблески костров, освещающие бегущую вверх по крутому склону тропинку, которая исчезает в теплой глубине пещер.

После ухода анасази пещеры были заброшены и забыты всеми, кроме индейцев, пока любознательный иммигрант из Швейцарии не представил их широкой публике. Прежде чем покинуть Нью-Мексико, Адольф Банделье написал полную фантастических вымыслов книгу, которая была озаглавлена "Дилайт Мейкерс". Это название можно перевести как "Творцы Счастья" (см.: Керам К. В. Первый американец. М., 1979, с. 80). В книге идет рассказ о жизни обитателей пуэбло до прихода европейцев. Опубликованная в 1890 году, она была признана первым антропологическим романом. В предисловии Банделье объясняет, что первые части книги были созданы во время его пребывания в пуэбло Кочити. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что на ее создание автора вдохновили его посещения каньона Фрихолес и открытые им там руины. Банделье хотел поделиться своим восхищением культурой Анасази, но он считал, что сухой научный стиль его прежних работ "не может произвести сильного впечатления на широкую публику". Его величественной целью было, как он сам говорил, "сделать "правду об индейцах пуэбло" более легкой для восприятия". Столетием позже, даже при наличии ответов на многие из тех вопросов, которые не давали покоя ученым, и "правда" об анасази все так же дразнит исследователей своей недоступностью и непостижимостью.

ЧУДЕСА ЧАКО-КАНЬОНА

Среди поросших полынью степей на северо-западе Нью-Мексико лежит Чако-Каньон, широкое, но не очень глубокое ущелье, которое трудно заметить при беглом взгляде на эти равнины. Тысячу лет назад его стены дали убежище величественной культуре, превзойти которую не смогла никакая другая культура, существовавшая к северу от Мексики. Но почему анасази своим домом избрали это засушливое, лишенное деревьев место, до сих пор остается загадкой.

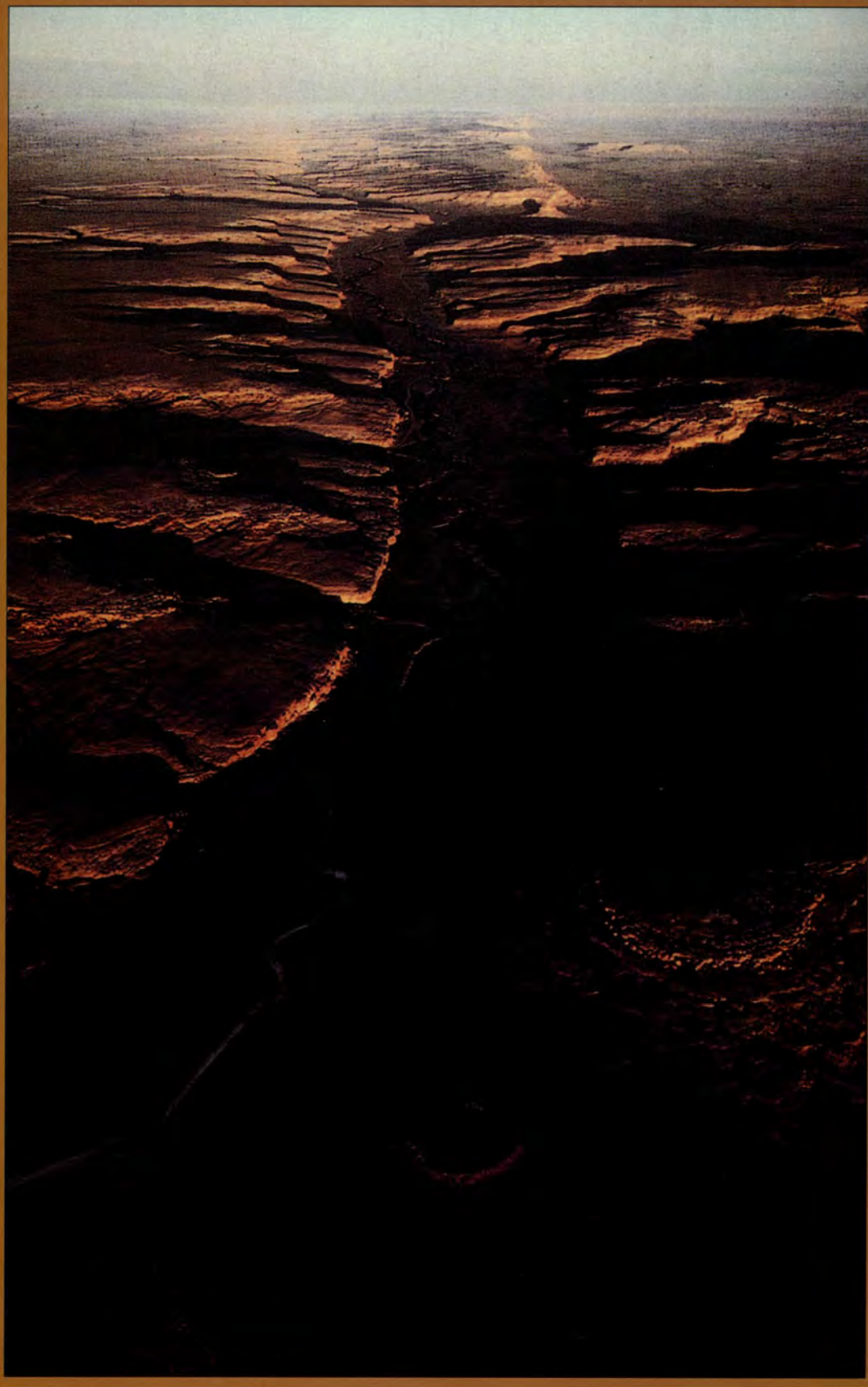
Первые исследователи были поражены грандиозностью наследия, оставленного культурой анасази: на десять миль протянулись колоссальные пуэбло, некоторые из которых состояли из сотен комнат. Позднее раскопки в этих так называемых Больших Домах принесли огромное количество артефактов, в том числе и эти кусочки бирюзы, изображенные на верхней фотографии. Однако погребений было найдено относительно немного. Недавние археологические исследования показали, что лишь небольшой процент комнат использовался для жилья. Населять их могли сотни человек, но не десять тысяч, как считалось раньше. Ученые, однако,

не могут определить, была ли эта небольшая группа людей элитной кастой, или хранителями культового центра, или же и тем и другим.

Чако-Каньон мог играть роль места собрания индейцев анасази, обитавших в регионе Сан-Хуана. Вероятно, в особых случаях, люди проводили на площадях перед Большими Домами церемонии и ритуалы, обменивались товарами и обновляли старые дружеские связи. В это же время в кивах новому поколению индейцев передавались древние легенды и предания. Самое главное, анасази могли использовать эти встречи для того, чтобы подтвердить свою идею единства и родственности.

Многие общества создают памятники сами себе, своим стремлениям и своим триумфам. Несмотря на ограниченные ресурсы и низкий уровень технологий, анасази воздвигли в Чако-Каньоне строения, ставшие визитной карточкой их культуры. По своему величию они вполне могут соперничать с такими творениями человеческих рук, как Мачу Пикчу в Перу, храм в Ангкоре в Камбодже, Версаль и Мол в Вашингтоне.

Извилистое русло Чако Уош, остающееся сухим большую часть года, прорезало в песчанике каньон, которому дало свое название. Первые поселения анасазы состояли из полупземлянок, расположенных по обе стороны русла. В таком виде они существовали с 500 по 750 год н. э. В эпоху расцвета культуры Чако, с 900 по 1115 год, на дне каньона и окрестных скалах были построены Большие Дома. Каково было их назначение, до сих пор остается загадкой.

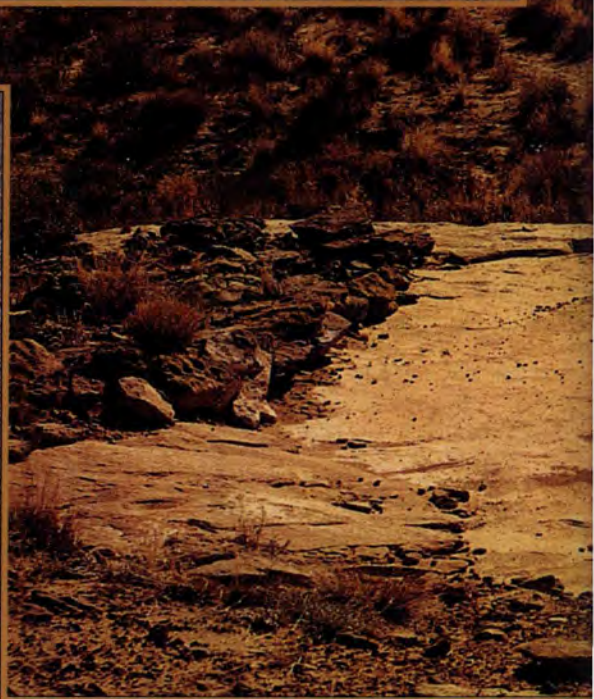
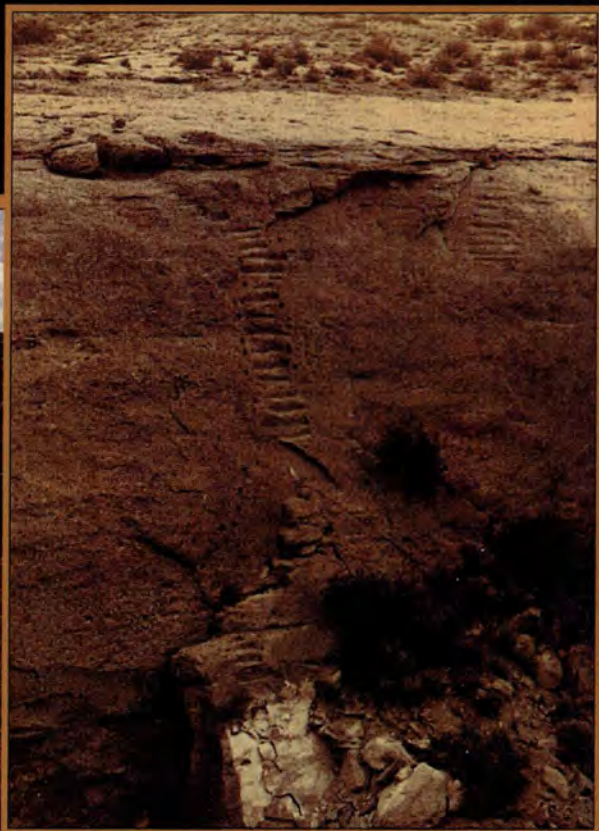

ДОРОГИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ И ПРИЗРАКОВ

Обширная сеть дорог связывала Чако с многочисленными общинами, разбросанными по всему району Сан-Хуана. Хотя эти дороги служили торговыми путями, высокий уровень их технического исполнения не может не вызывать удивления. Почему анасази тратили несчетное количество человеко-часов на то, чтобы выровнять полотно дорог, достигавшее 9-метровой ширины? Ведь они не использовали ни тягловых животных, ни колеса. И почему они прокладывали их по прямой, невзирая на встречающиеся препятствия, а не выбирали более простых путей?

Дэбни Форд, археолог отделения Службы парков Соединенных Штатов в Чако-Каньоне, проводит параллели с миром современных индейцев пуэбло, в котором светская власть, коммерция и теология — все сплелось в единый клубок. Она делает вывод, что анасази, как и их современные потомки, не могли использовать плоды таких грандиозных коллективных работ, какими являлись их дороги, только в качестве торговых путей.

Разумеется, дороги способствовали централизованному управлению общинами, разбросанными по большой территории, и передвижению товаров в каньон и из него. Однако Форд считает, что они могли в той же мере предназначаться для перемещения бесплотных духов, что и живых людей и грузов.

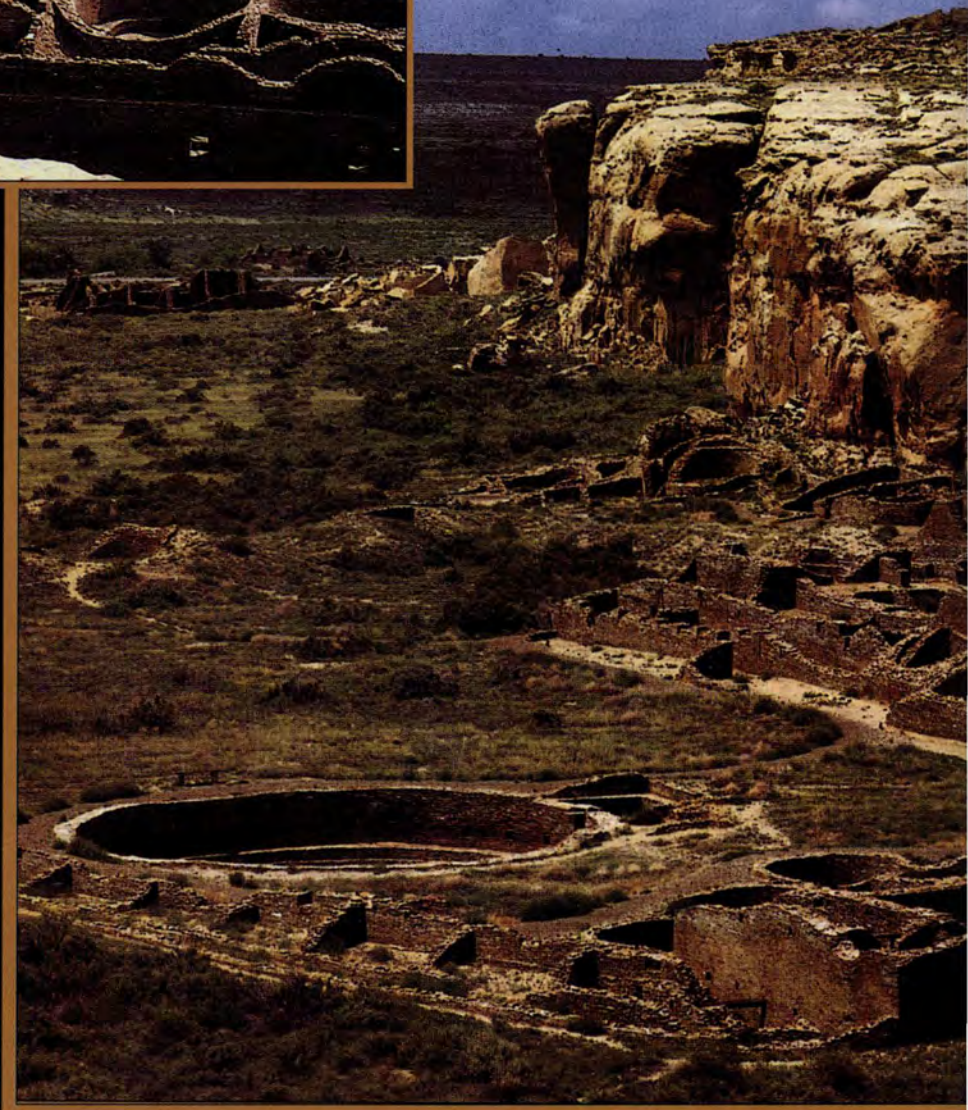
Едва заметные углубления древней системы дорог Чако-Каньона, которые пересекает современная дорога, проложенная Службой парков, лучами расходятся от Пуэбло Альто. Этот Большой Дом занимал доминирующее положение на возвышенности в северной части каньона.

Паломники и торговцы анасazi — или души умерших, если верить трактовке, предложенной Дэбни Форд, — направлялись из Пуэбло Альто на юг, к северному краю Чак-Каньона и Пуэбло Бонито, создавая на дороге оживленное движение. Там, где дорога наткнулась на крутой склон, были сделаны лестницы, подобные той, что изображена на фотографии слева. Они помогли простым смертным преодолеть препятствие.

Четро Кетл (справа) занимает территорию, равную по площади двум городским кварталам. Пуэбло расположено вдоль северной стороны скалы. Его строительство прошло 15 отдельных этапов и заняло более ста лет. При этом было использовано 50 миллионов блоков из песчаника, каждый из которых был тщательно обработан. Небольшие кивы (вверху) являются неотъемлемыми архитектурными компонентами пуэбло. На большой фотографии показан главный комплекс с Большой кивой (слева внизу), диаметр которой равняется 18 метрам.

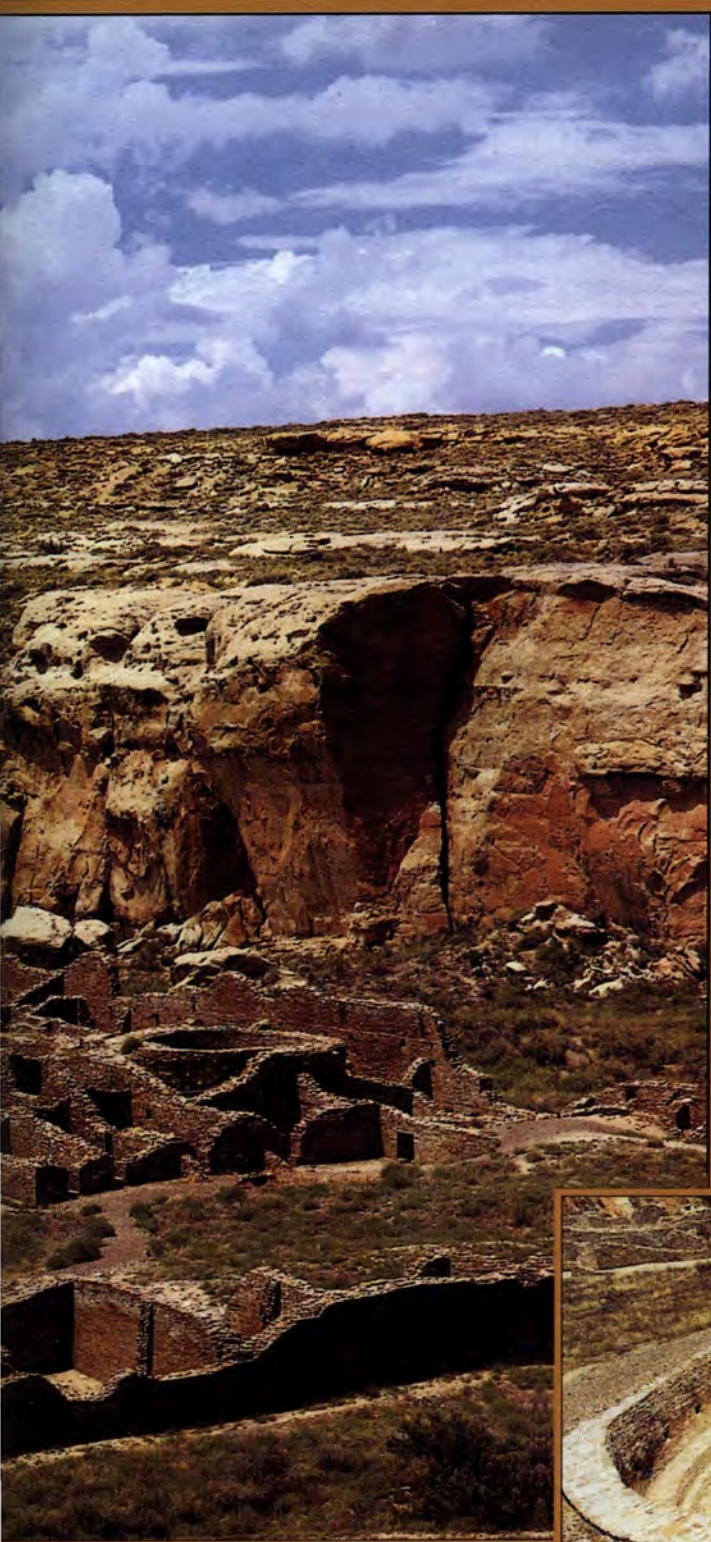
КИВА: ХРАМ И МЕСТО СОБРАНИЙ

Идея, что Большие Дома в Чако выполняли церемониальную роль, подтверждается тем, что внутри и вокруг них разбросаны многочисленные кивы. В стенах Четро Кетл, одного из самых крупных пуэбло в каньоне, было обнаружено множество маленьких кив. Некоторые кивы были расширены во время реконструкции пуэбло, проведенной анасази в пору расцвета Чако.

В 20-е и 30-е годы нашего столетия археолог Эдгар Л. Хьюэтт в течение долгого времени занимался исследованиями Четро Кетл. После того как была раскопана часть самого пуэбло, он начал проводить раскопки на площади перед стеной, являвшейся фасадом здания. Под гладкой поверхностью земли археологи находили одну киву за другой. Они были расположены так плотно, что часто перекрывали друг друга. Все кивы были круглыми по форме, со стенами, сложенными из камня. Но, как писал в своем отчете Хьюэтт, "среди всего их количества нет двух одинаковых. Здесь есть над чем поломать голову археологу".

В песчаной почве площади также существовало углубление. "Оно оказалось одним из тех сюрпризов, которые мы ожидали встретить в Чако, — писал он, — огромная круглая церемониальная постройка". В этом подземном помещении, названном Большой кивой, могли собираться члены общины, чтобы обсудить насущные дела или провести священный ритуал.

Большая кива в Четро Кетл является самой крупной кивой Чако-Каньона. В ее полу имеются четыре круглых отверстия. Они предназначались для столбов, которые поддерживали массивную деревянную крышу. Диски из песчаника, использовавшиеся в качестве опор, были сдвинуты с отверстий. Каменное четырехугольное сооружение в центре было очагом.

Целые бревна использовались в качестве балок, поддерживающих пол и крышу многоэтажных пазло. Их срубили каменными топорами в лесах, которые росли на склонах гор на расстоянии 80 километров от каньона. Археологи подсчитали, что при постройке Больших Домов было использовано 215 000 деревьев.

ИСКУССТВО КАМЕНЩИКОВ

В ходе волны строительства, длившейся два века, когда были сооружены Большие Дома, каменщики анасази использовали несколько различных методов. Самая прекрасная каменная постройка в каньоне получила обозначение "типично чаканской". Сердцевина ее стен была сложена из булыжников, скрепленных между собой жидкой грязью. У основания ее толщина достигала 90 сантиметров, постепенно уменьшаясь к верхним этажам. И внешняя, и внутренняя стороны этой сердцевины были облицованы блоками из песчаника.

В ранних постройках, относящихся к этому стилю, блоки были грубо обработаны и не соответствовали друг другу по форме. Однако при строительстве домов в более поздние эпохи анасази в полной мере продемонстрировали свое впечатляющее мастерство. Они очень тщательно обрабатывали блоки при помощи каменных инструментов и укладывали их в ряд вдоль обеих сторон сердцевины. Судя по той заботе, с которой выполнялась эта работа, строители, в стремлении к совершенству, не считались с затратами времени и труда.

Анасази с обеих сторон покрывали эту великолепную кладку слоем своеобразной штукатурки, роль которой выполняла все та же жидкая грязь или ил. Таким образом они старались предохранить от размывания и выветривания связующий раствор кладки. На всех стенах небольшие участки защитного слоя были удалены, позволив любоваться той красотой, которая была под ним скрыта. Многие стены до сих пор возвышаются на местах древних поселений, являясь памятниками мастерству и трудолюбию их строителей.

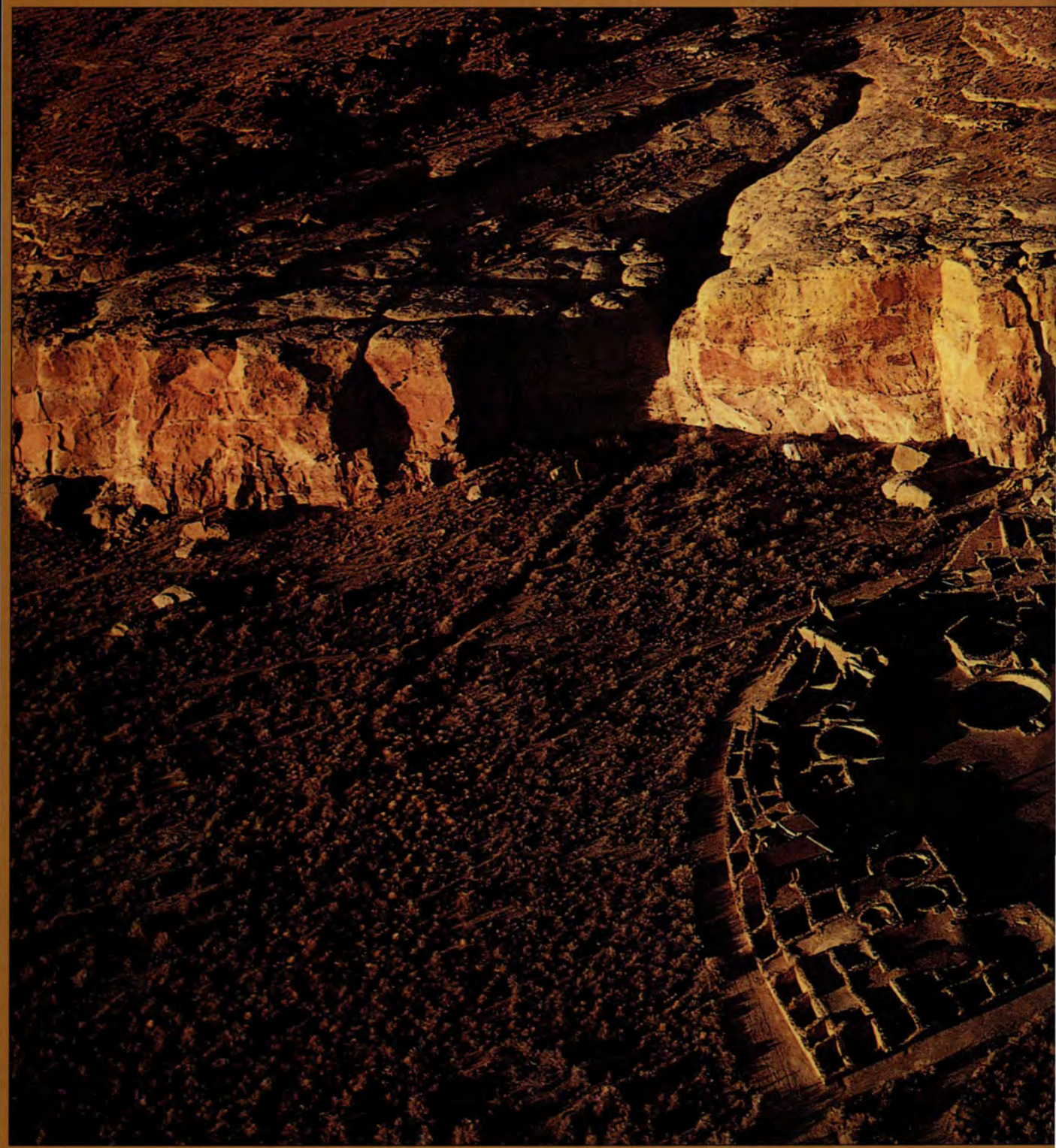

Северо-восточная часть Пуэбло Бокито до сих пор возвышается на высоту четырехэтажного дома. Прямоугольные окна служили источником света, а также для вентиляции комнат, расположенных на нижних уровнях. Три круглых отверстия остались от деревянных балок, которые не сохранились.

В постройках Чако-Каньона дверные проемы иногда имеют необычную форму и встречаются в самых неожиданных местах. Деревянный пол за угловой дверью, изображенной на верхней фотографии, исчез. А Т-образный проем на фотографии внизу, возможно, был в зимнее время завешен уиновкой, чтобы сохранить тепло в помещении.

Создатели Пуэбло Бонито, видимо, прекрасно понимали, каким образом можно защитить его обитателей от палящих лучей солнца летом и от холодов зимой. Толстые каменные стены с небольшим количеством дверей и окон смягчали резкие перепады температур, характерные для Чако-Каньона, и сохраняли в комнатах комфортные условия даже в самые жаркие летние дни. Этажи комплекса, ориентированного фасадом на юг, были расположены на уступах, а их крыши образовывали террасы. Таким образом крыша каждого уровня получала максимальное количество тепла от скудного зимнего солнца. Несмотря на сильные разрушения — результат обвала скалы, произошедшего в XX веке, — Пуэбло Бонито продолжает оставаться бриллиантом в короне Чако-Каньона.

РАСЦВЕТ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУР

Первые обитатели Западного полушария пришли из Азии во время последнего ледникового периода по сухопутному перешейку, существовавшему в ту эпоху на месте Берингова пролива. Преследуя крупную дичь, которая составляла основу их рациона, эти бродячие охотники, известные археологам как палеоиндейцы, приблизительно к 11 000 году до н. э. расселились по всему североамериканскому континенту.

В одном безбрежном лесу, который существовал между VIII и I тысячелетиями до н. э., раскинувшись от Великих Равнин до Атлантического океана и от Гудзона до Мексиканского залива, происходил постепенный переход к более оседлому образу жизни.

Этот регион был так богат дикорастущими съедобными растениями, рыбой, птицей и другой дичью, что архаические индейцы могли обеспечить себя пищей, не перемещаясь постоянно с места на место, как это делали их предки.

К началу I тысячелетия до н. э. стал формироваться новый культурный стиль жизни, известный как Традиция Вудленда. Этот процесс был отмечен тремя новшествами, которые легли в основу развития обществ Строителей маундов: индейцы начали активно возделывать некоторые виды растений, изобрели керамику и стали больше внимания уделять погребению своих умерших.

Юго-Запад представляет из себя широкий спектр местностей, различающихся по климатиче-

АДЕНА

500 г. до н. э.—1 г. н. э.

ПЛАСТИНКА
ИЗ ПЕСЧАНИКА

Культура Адена, первая из культур строителей маундов, возникла в плодородной долине реки Огайо и распространила свое влияние вниз и вверх по течению этой реки. В процессе развития культуры погребальные сооружения — и предметы, призванные сопровождать умерших в загробный мир, вроде изображенной на рисунке пластинки — становились все более совершенными. Простые неглубокие ямы были заменены срубными гробницами, но и те и другие покрывались сверху искусственными холмами из земли. Обычно адена добавляли новые погребения к уже существующим маундам. Возникшие таким образом слои позволяют археологам на примере одного маунда проследить за различными этапами развития культуры. Всего на территории, которую занимали адена, существует от 300 до 500 погребальных маундов. Культура Адена достигла пика своего развития около 100 года до н. э. Затем, по неизвестным причинам, началась ее закат. Окончательно она исчезла к I веку н. э.

ХОУПВЕЛЛ

100 г. до н. э.—400 г. н. э.

СЛЮДЯНАЯ ЛАДОНЬ

Археологические находки указывают на появление в Огайо около 100 года до н. э. новой культуры, известной как культура Хоупвелл. Она вобрала в себя многие обычаи и традиции своей предшественницы — культуры Адена, — подняв их при этом на новый уровень. Люди Хоупвелл возводили более внушительные погребальные маунды, которые содержали большее количество разнообразных предметов. Погребальные приношения свидетельствуют о существовании торговых связей даже с отдаленными регионами, лежащими за границами распространения культуры Хоупвелл. Раковины с побережья Мексиканского залива, медь из района Великих озер и слюда из южной части Аппалач — все эти материалы присутствуют в погребальных маундах. Замкнутые пространства различной конфигурации, образованные земляными насыпями, рассыпаны по ландшафтам на юге Огайо. Некоторые ученые считают, что эти сооружения служили для обитателей окрестных деревушек местом проведения церемониальных собраний. Между 300 и 400 годами н. э. культура Хоупвелл, так же как и Адена, постепенно исчезла, оставив археологам многочисленные артефакты и не менее многочисленные вопросы, на которые пока не найдено ответов.

МИССИСИПИ

800—1500 гг. н. э.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ СОСУД

В течение четырех веков после исчезновения культуры Хоупвелл восточные лесные массивы (или Вудленды) испытывали давление со стороны постоянно увеличивающегося населения. Около 800 года н. э. возникла новая культура, названная Миссисипи. Она сильно отличалась от своих предшественниц, создав свою собственную традицию. Стали возникать крупные общины, которые, вероятно, требовали более централизованного управления. Из среды простых общинников выделялись иерархия знати, а над всеми стоял вождь. Эта культура распространилась на большую часть восточной территории Соединенных Штатов и оставила заметные следы на этих землях. Огромные пирамидальные маунды с плоскими вершинами, на которых располагались жилища вождей и храмы, присутствуют в крупнейших поселениях. Традиция Миссисипи также отличалась невероятным расцветом изобразительного искусства. В это время создавались кубки из раковин, ожерелья и бусы. Предметы из меди, каменные фигурки и керамические изделия, подобные сделанному в виде человеческой головы сосуду, изображенному на рисунке вверху, в огромных количествах были найдены в могилах знатных особ.

ским условиям. Общей чертой является относительная засушливость и ограниченная возможность содержать большое количество населения. В отличие от своих "братьев" из Восточных Вудлендов, индейцы этого региона в большой степени зависели от сельского хозяйства, которым они стали заниматься после перехода от кочевого образа жизни охотников-собираателей к оседлому. В течение архаического периода увеличение населения и сопутствующее ему уменьшение количества воды заставили обитателей этого региона направить свои усилия на более интенсивное использование имеющихся в наличии

источников воды и пищи. Три главные культуры — и несколько второстепенных — возникли приблизительно в одно и то же время. Представители каждой из них, в соответствии с природными условиями, не круглый год добывали себе пищу, а занимались сезонными заготовками запасов продовольствия. Это позволяло им больше заниматься ремеслами, общественной деятельностью и искусством. По иронии судьбы, именно сухой климат, доставлявший обитателям этих мест, сохранил в почти первозданном виде многие предметы, позволив археологам проводить тщательные исследования этих культур.

ХОХОКАМ 200—1450 гг. н. э.

СОСУД В ВИДЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФИГУРКИ

Центральные районы культуры Хохокам располагались в пустыне на юге Аризоны вдоль рек Хила и Снейк. Хохокамы были искусными земледельцами. Они доставляли воду из рек на свои поля при помощи тщательно разработанных систем ирригационных каналов и собирали с опаленной солнцем земли относительно богатые урожаи. Сотни миль каналов, выкопанных в пустыне с помощью деревянных и каменных инструментов, некогда покрывали эти земли. Такими же впечатляющими являются и художественные достижения хохокамов. Они вырезали каменные пластинки в виде змей, лягушек, птиц, изготавливали фигурки из глины и производили особый тип керамики красновато-коричневого цвета. Они также овладели искусством гравировки — нанося при помощи кислот изображения на раковины, привозимые с побережья Мексиканского залива, — за сотни лет до того, как эта техника начала развиваться в Европе в эпоху Возрождения. Причины исчезновения культуры Хохокам продолжают оставаться неясными. Однако современные исследования показывают, что к упадку эту культуру мог привести недостаток воды. Сильные разливы рек могли разрушить ирригационные каналы и вызвать крушение всей системы земледелия.

МОГОЛЬОН 200—1450 гг. н. э.

ЧАША В СТИЛЕ МИМБРЕС

Культура Могольон была распространена от границы между Аризоной и Нью-Мексико — и от горной цепи, по которой получила свое название, — до северных районов Мексики. Растительный и животный мир этого региона был значительно богаче, чем в пустынях хохокамов. Приблизительно к 200 году н. э. земледелие достигло здесь уже достаточно высокого уровня. К этому же времени переделался и свой культурный стиль. В процессе развития своей культуры могольоны покинули полуземлянки и стали возводить многокомнатные дома, которые получили название пуэбло. Они также строили прямоугольные сооружения для проведения различных церемоний, так называемые кивы. Одна из ветвей могольонов, названная мимбрес, хорошо известна в наши дни благодаря своим высокохудожественным изделиям из керамики. Эти произведения искусства поражают своим совершенством. Археологических свидетельств социальной иерархии в обществе могольонов не существует. Не было найдено богатых погребений или предметов роскоши. Около 1200 года культура Могольон стала утрачивать свои характерные черты. К 1450 году она окончательно угасла. Считается, что могольоны были предками современных индейцев пуэбло.

АНАСАЗИ 200—1450 гг. н. э.

КУВШИН В СТИЛЕ ЧАКО

Анасази занимали большую часть гигантского плато, отличающегося неблагоприятными природными условиями. Самые ранние анасази, культура которых возникла около 200 года н. э., жили в землянках. Они известны нам как корзинщики, или баскетмейкеры, так как умели искусно плести корзины. Позже они научились изготавливать керамические изделия и перестали селиться под землей. Их потомки стали возводить многоэтажные каменные пуэбло и скальные жилища, которые возвышаются до сих пор, являясь памятниками мастерству своих создателей. Между 1000 и 1300 годами культура достигла своего зенита. Прimitивная керамика уступила место настоящим произведениям искусства, таким, например, как изображенный здесь кувшин. Затем, видимо, по целому ряду причин — климатические изменения, деградация окружающей среды или, возможно, даже социальные потрясения — мир анасази стал сжиматься. В XIV—XV веках родные селения были покинуты, а люди переселились в другие места, создав там новые пуэбло. Однако анасази, как и все описанные здесь культуры, вскоре подверглись суровым испытаниям, которые были связаны с приходом на их земли новой культуры — европейской. Это событие перевернуло традиционный мир древних обитателей Северной Америки.

Редакторы и авторы выражают свою признательность всем специалистам, которые оказали неоценимую помощь при подготовке этого тома:

Dirk Bakker, Detroit Institute of Arts, Detroit; Kathleen Baxter, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Washington, D. C.; Robert E. Bell, Norman, Oklahoma; Joseph Bisselle, Oxon Hill, Maryland; T. Bundy, Arizona State Museum, Tucson; Chester Cowlin, Oklahoma Historical Society, Oklahoma City; Warren Cremer, Time Expeditions, Sedona, Arizona; Nina Cummings, Field Museum of Natural History, Chicago; Rinita A. Dalan, Southern Illinois University, Edwardsville; Mary Kay Davies, Anthropological Branch Library, Smithsonian Institution, Washington, D. C.; Jeffrey Dean, University of Arizona, Tucson; Rod Dresser, Ansel Adams Publishing Rights Trust, Carmel, California; Julie Droke, Oklahoma Museum of Natural History, Norman; Tom Durant, Harpers Ferry Center, Harpers Ferry, West Virginia; Linda Farnsworth, Coconino National Forest, Flagstaff, Arizona; Sylvia Flowers, Ocmulgee National Monu-

ment, Macon, Georgia; Dabney Ford, Chaco Culture National Historical Park, Bloomfield, New Mexico; Melvin Fowler, University of Wisconsin, Milwaukee; Judith Franke, Dickson Mounds Museum, Lewistown, Illinois; Jon Gibson, University of Southwestern Louisiana, Lafayette; Tauni Graham, Ohio Historical Society, Columbus; Alan Harn, Dickson Mounds Museum, Lewistown, Illinois; Robert C. Heyder, Mesa Verde National Park, Colorado; George R. Holley, Southern Illinois University, Edwardsville; Charles Hudson, University of Georgia, Athens; Ramona Hutchinson, Mesa Verde National Park, Colorado; William Iseminger, Cahokia Mounds Historic Site, Collinsville, Illinois; Marvin Jeter, Arkansas Archaeological Survey, Fayetteville; Kristina Kosse, University of New Mexico, Albuquerque; Martha Labell, Harvard University, Cambridge, Massachusetts; Clark Larsen, Purdue University, West Lafayette, Indiana; Diana Leonard, University of Colorado Museum, Boulder; Ed Lyon, Metairie, Louisiana; Robert Mainfort, Memphis State University, Memphis, Tennessee; Jerald T. Milanich, Florida State Museum of Natural History, Gainesville; Phil Newkumet,

Norman, Oklahoma; Arthur Olivas, Museum of New Mexico, Santa Fe; Nicholas J. Parella, Smithsonian Institution, Washington, D. C.; Peter Pilles, Coconino National Forest, Flagstaff, Arizona; Mary Lucas Powell, University of Kentucky, Lexington; Mason Rumney III, West Sedona, Arizona; Mary Elizabeth Ruwell, National Anthropological Archives, Smithsonian Institution, Washington, D. C.; Polly and Curtis Schaafsma, Santa Fe, New Mexico; Douglas Schwartz, Santa Fe, New Mexico; Thomas Sever, National Space Technology Laboratory, NSTL Station, Mississippi; Duane Smith, Fort Lewis College, Durango, Colorado; Judy Steiner, Colorado History Museum, Denver; Andrea Stillman, Ansel Adams Publishing Rights Trust, Carmel, California; William Sweetland, Bandelier National Monument, Los Alamos, New Mexico; Scott Travis, Canyon de Chelly National Monument, Chinle, Arizona; Sharron G. Uhler, Colorado Springs Pioneers Museum, Colorado Springs; Ray A. Williamson, Annapolis, Maryland; Pamela Wintle, Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Washington, D. C.; Miles Wright, University of Tennessee, Knoxville.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Ниже, с искренней благодарностью авторов, приводится список источников, из которых были взяты иллюстрации для этого тома. Весь перечень организован в три столбца, различные источники в столбцах отмечены косой чертой.

Cover: Frank H. McClung Museum, University of Tennessee, Knoxville/© Dirk Bakker, Photographer. Background © Tom Danielsen, Phoenix, Ariz. End paper: Art by Paul Breedon. 6: Corson Hirschfeld. 8, 9: Andy R. Seagle, Phoenix, Ariz; Coconino National Forest, Photo by Laurie Robinson Smith. 11: Art by Stephen R. Wagner. 12, 13: © Marilyn Bridges 1983. 14: From *Ancient Monuments of the Mississippi Valley* by E. G. Squier, A. M., and E. H. Davis, M. D., Smithsonian Institution, 1847, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard. 15: Ohio Historical Society. 19: National Portrait Gallery, Smithsonian Institution, Washington, D. C./Art Resource, New York. 21: Photography by D. Baston, courtesy of the Center for American Archeology, Kampsville, Ill. 22: Photo by C. E. Snow, University of Kentucky, Lexington, Depart-

ment of Anthropology and Archaeology. 23-27: Ohio Historical Society. 28, 29: © Richard Alexander Cooke III. 30: Field Museum of Natural History, Chicago, Neg. Nos. A110130—A110026c; A110012c. 31: Field Museum of Natural History, Chicago, Neg. No. A110016c—© Richard Alexander Cooke III. 33: From *Edward Palmer's Arkansas Mounds*, edited by Marvin D. Jeter, copyright 1990. Reprinted by permission of the University of Arkansas Press. 34, 35: Background from *Ancient Monuments of the Mississippi Valley* by E. G. Squier, A. M., and E. H. Davis, M. D., Smithsonian Institution, 1847, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard. Ohio Historical Society; from *Ancient Monuments of the Mississippi Valley* by E. G. Squier, A. M., and E. H. Davis, M. D., Smithsonian Institution, 1847, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard; Cahokia Mounds State Historic Site; from *Records of Ancient Races in the Mississippi Valley* by William McAdams, C. R. Barns Publishing, St. Louis, 1887. 36, 37: Background from *Ancient Monuments of the Mississippi Valley* by E. G. Squier, A. M., and E. H. Davis, M. D., Smithsonian Insti-

tution, 1847, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard. From *Report on the Mound Explorations of the Bureau of Ethnology* by Cyrus Thomas, Smithsonian Institution, 1894, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard (2); art by Stephen R. Wagner. 38, 39: From *Ancient Monuments of the Mississippi Valley* by E. G. Squier, A. M., and E. H. Davis, M. D., Smithsonian Institution, 1847, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard, except top right © Richard Alexander Cooke III. 40, 41: Background from *Report on the Mound Explorations of the Bureau of Ethnology* by Cyrus Thomas, Smithsonian Institution, 1894, courtesy Dr. Bruce Smith, copied by Evan Sheppard. From Clarence B. Moore, "Moundville Revisited", *Journal of the Academy of Natural Science of Philadelphia*, Vol. 13, p. 3, 1907—© Richard Alexander Cooke III. 42: Peabody Museum, Harvard University, photo by Hillel Burger. 45: Archives & Manuscripts Division of the Oklahoma Historical Society; reprinted with permission of the Kansas City Star Co., reproduced from the collections of the Library of Congress, Neg. No 209923. 50: National Museum of Natural History,

- Smithsonian Institution. 52, 53: National Park Service, Ocmulgee National Monument, Macon, Ga. 54: © Richard Alexander Cooke III. 55: From the Collection of the Gilcrease Museum, Tulsa/© Dirk Bakker, Photographer. 56: Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Photo No. 1538, 57: Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Photo Nos. 4428—21090. 58: Mike Pattisall—Photo by Mark C. Griffin, courtesy Clark Spencer Larsen—Mike Pattisall. 59: Photos by Mark C. Griffin, courtesy Clark Spencer Larsen. 60: © Richard Alexander Cooke III. 61: Cahokia Mounds State Historic Site, Painting by William R. Iseninger. 62, 63: Photo by University of Wisconsin-Milwaukee, courtesy Cahokia Mounds State Historic Site. 64: Ohio Historical Society. 65: Field Museum of Natural History, Chicago, Neg. No. A110058c—Oklahoma Museum of Natural History, University of Oklahoma. 66: From *American Anthropologist* NS 15, 1913, reproduced from the collections of the Library of Congress, Neg. No. 210747.67: Courtesy the Frank H. McClung Museum, University of Tennessee, Knoxville/W. Miles Wright, Photographer. 69: Background art by Time-Life Books. Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Photo No. 2190. 70, 71: Background art by Time-Life Books. National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Photo No. 135202; Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Neg. No. 25318; National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Photo No. 135227—National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Photo No. 396365; Washington University Gallery of Art, St. Louis, gift of J. Max Wulfig, 1937/© Dirk Bakker, Photographer. 72, 73: Background art by Time-Life Books. Courtesy Illinois Archaeological Survey, Thomas E. Emerson (2); National Museum of Natural History, Smithsonian Institution; The University Museum, University of Arkansas, Fayetteville, cat. no. 37-1-39/© Dirk Bakker—Photographer. The University Museum, University of Arkansas, Fayetteville, cat. no. 47-36-40/© Dirk Bakker, Photographer. 74, 75: Background art by Time-Life Books. Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Photo No. 2366; Alabama Museum of Natural History, Moundville Archaeological Park, University of Alabama/© Dirk Bakker, Photographer; Courtesy National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Photo No. 1508; National Museum of Natural History, Smithsonian Institution. 76, 77: Background art by Time-Life Books. From the Collection of the Gilcrease Museum, Tulsa/© Dirk Bakker, Photographer; Alabama Museum of Natural History, Moundville Archaeological Park, University of Alabama/© Dirk Bakker, Photographer; Frank H. McClung Museum, University of Tennessee, Knoxville/© Dirk Bakker, Photographer—The University Museum, University of Arkansas, Fayetteville, cat. no. 47-2-1/© Dirk Bakker, Photographer. 78: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex. 80: Neg. No. 411912, Courtesy Department Library Services, American Museum of Natural History, New York—Trans. No. 3508(2), Photo by P. Hollenbeak/J. Beckett, Courtesy Department Library Services, American Museum of Natural History, New York. 82: Art by Stephen R. Wagner. 84: David Noble, Santa Fe, N. Mex. 85: Jeff Foott, Jackson, Wyo.—David Noble, Santa Fe, N. Mex. 86: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex. 87: Jeff Foott, Jackson, Wyo.—© Tom Danielson, Phoenix, Ariz. 90, 91: Background George H. H. Huey, Prescott, Ariz. A. E. Douglass, courtesy of Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona, Tucson; art by Stephen R. Wagner—School of American Research, Santa Fe, N. Mex. 94, 95: Helga Teiwes/Arizona State Museum, University of Arizona. 97: From *The Mimbres: Art and Archaeology* by J. Walter Fewkes, Avanyu Publishing, Albuquerque, N. Mex., 1989. 98: Ken Abbott/University of Colorado Museum—Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger (2). 99: Ken Abbott/University of Colorado Museum; University of New Mexico, Albuquerque/Maxwell Museum of Anthropology—Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 100: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex. 101: © Tom Danielson, Phoenix, Ariz. 102, 103: Helga Teiwes/Arizona State Museum, University of Arizona. 104—107: © Tom Danielson, Phoenix, Ariz. 109: Background National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo., Neg. No. 7029. National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo., Neg. No. 11167. 110, 111: Background National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo. Courtesy, Colorado Historical Society, Neg. No. 6376; National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo., Neg. No. 4069. 112, 113: Background National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo. National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo.—National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo., Neg. No. 20384. 114, 115: Background Mesa Verde Museum Association, Inc., photo by George Beam, NAA, Smithsonian Institution, Photo No. 92-5784; Starsmore Center for Local History, Colorado Springs Pioneers Museum; Courtesy Colorado Historical Society. 116, 117: Background National Park Service, Harpers Ferry Center, photo by George A. Grant, MEVE, Neg. No. 73. National Park Service, Mesa Verde National Park, Colo., Neg. Nos. 6083; 4068. 118: Photograph by Ansel Adams. Copyright © 1992 by the Trustees of The Ansel Adams Publishing Right Trust. All Rights Reserved.; Photograph by Cedric Wright. 119: Photograph by Ansel Adams. Copyright © 1992 by the Trustees of The Ansel Adams Publishing Right Trust. All Rights Reserved. 120: © David Muench 1992. 122, 123: George H. H. Huey, Prescott, Ariz. 124: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex. 125: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex.—© David Muench 1992. 126: Dewitt Jones, Bolinas, Calif. 127: Catalogue Nos. 41947, 27125, 27126, 27130: Copper Bells. Prehistoric Southwest, Rod Hood, Photographer. Museum of Indian Arts and Culture/Laboratory of Anthropology, Santa Fe, N. Mex.; Dewitt Jones, Bolinas, Calif.—Trans. No. 2757(2) Photo by Deborah Flynn, Courtesy Department Library Services, American Museum of Natural History, New York; © 1982 David L. Brill. 129: Dewitt Jones, Bolinas, Calif. 130: © David Muench 1992; Trans. No. 4482(2), photo by Denis Finnin, courtesy Department of Library Services, American Museum of Natural History, New York. 131: Catalog no. NA7523, Museum of Northern Arizona, photo by Marc Caede. 132, 133: NASA. 134: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex. 135: © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex.; Scott S. Warren, Durango, Colo. 136: © Tom Danielson, Phoenix, Ariz. 137: © Les Manevitz, Phoenix, Ariz. 138, 139: © David Muench 1992. 140, 141: Scott S. Warren, Durango, Colo. 142: Les Manevitz, Phoenix, Ariz. 143: Ray A. Williamson, Annapolis, Md. 144, 145: © David Muench 1992. 146: Steve Mulligan. 148: Trans. No. 3513(2), Photo by P. Hollenbeak/J. Beckett, Courtesy Department Library Services, American Museum of Natural History, New York. 149: Trans. No. 2757(2), Photo by Deborah Flynn, Courtesy Department Library Services, American Museum of Natural History, New York—Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 150: Dewitt Jones, Bolinas, Calif. 151: © 1982 David L. Brill. 152, 153: Paul Logsdon, Santa Fe, N. Mex. (inset); William M. Ferguson, Durango, Colo. (inset); Douglas B. Anderson. 154, 155: Douglas B. Anderson; © Tom Danielson, Phoenix, Ariz.; William M. Ferguson, Durango, Colo. 156, 157: Dewitt Jones, Bolinas, Calif. (2); © 1991 Bruce Hucko, Santa Fe, N. Mex.—Scott S. Warren, Durango, Colo. 158, 159: Henry Groskinsky. 160, 161: Art by Paul Breeden.

КНИГИ

- Adams, Ansel, with Mary Street Alinder. *Ansel Adams*. Boston: Little, Brown, 1985.
- Ambler, J. Richard. *The Anasazi*. Flagstaff: Museum of Northern Arizona Press, 1989.
- Amsden, Charles Avery. *Prehistoric Southwesterners from Basketmaker to Pueblo*. Los Angeles: Southwest Museum, 1949.
- Anderson, Douglas, and Barbara Anderson. *Chaco Canyon*. Tucson: Southwest Parks and Monuments Association, 1981.
- Bandelier, Adolf F. *The Delight Makers*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.
- Barnes, F. A., and Michaelene Pendleton. *Canyon Country Prehistoric Indians*. Salt Lake City: Wasatch Publishers, 1979.
- Barnett, Franklin. *Dictionary of Prehistoric Indian Artifacts of the American Southwest*. Flagstaff, Ariz.: Northland Publishing, 1973.
- Barry, Patricia. *Bandelier National Monument*. Tucson: Southwest Parks and Monuments Association, 1990.
- Brody, J. J.: *The Anasazi*. New York: Rizzoli, 1990.
- Brody, J. J., Catherine J. Scott, and Steven A. LeBlanc. *Mimbres Pottery*. New York: Hudson Hills Press, 1983.
- Brose, David S., James A. Brown, and David W. Penney. *Ancient Art of the American Woodland Indians*. New York: Harry N. Abrams, 1985.
- Brose, David S., and N'omi Greber (Eds.). *Hopewell Archaeology*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1979.
- Caldwell, Joseph R., and Robert L. Hall (Eds.). *Hopewellian Studies* (Scientific Papers, Vol. 12). Springfield: Illinois State Museum, 1977.
- Ceram, C. W. *The First American*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.
- Coe, Michael, Dean Snow, and Elizabeth Benson. *Atlas of Ancient America*. New York: Facts On File Publications, 1986.
- Cohen, Mark Nathan, and George J. Armelagos (Eds.). *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. Orlando, Fla.: Academic Press, 1984.
- Contributions from the Museum of the American Indian, Heye Foundation* (Vol. 14). New York: Museum of the American Indian, Heye Foundation, 1945.
- Cordell, Linda S. *Prehistory of the Southwest*. San Diego: Academic Press, 1984.
- Cordell, Linda S., and George J. Gumerman (Eds.). *Dynamics of Southwest Prehistory*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1989.
- Dragoo, Don W. *Mounds for the Dead*. Pittsburgh: Carnegie Museum of Natural History, 1989.
- Fagan, Brian M.: *Ancient North America*. London: Thames and Hudson, 1991.
- In the Beginning* (6th ed.). Boston: Scott, Foresman, 1988.
- Ferguson, William M., and Arthur H. Rohn. *Anasazi Ruins of the Southwest in Color*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1990.
- Fewkes, Jesse Walter. *The Mimbres: Art and Archaeology*. Albuquerque: Avanyu Publishing, 1990.
- Fish, Paul R., and Suzanne K. Fish. "Hohokam Political and Social Organization". In *Exploring the Hohokam*, edited by George J. Gumerman. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991.
- Flint, Richard, and Shirley Cushing Flint. *A Pocket Guide to Chaco Canyon Architecture*. Villanueva, N. Mex.: Richard and Shirley Flint, 1987.
- Fowler, Melvin L. *The Cahokia Atlas*. Springfield: Illinois Historic Preservation Agency, 1989.
- Frazier, Kendrick. *People of Chaco*. New York: W. W. Norton, 1986.
- Fundaburk, Emma Lila, and Mary Douglass Fundaburk Foreman (Eds.). *Sun Circles and Humman Hands*. Luverne, Ala.: Emma Lila Fundaburk, 1957.
- Gilbert, Robert L., Jr., and James H. Mielke (Eds.). *The Analysis of Prehistoric Diets*. Orlando, Fla.: Academic Press, 1985.
- Griffin, James B. "Changing Concepts of the Prehistoric Mississippian Cultures of the Eastern United States" (Chap. 2, Part 1 of *Alabama and the Borderlands*, edited by R. Reid Badger and Lawrence A. Clayton). University: University of Alabama Press, 1985.
- Gumerman, George J. (Ed.). *Exploring the Hohokam*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991.
- Hudson, Charles. *The Southeastern Indians*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1976.
- Jackson, Clarence S. *Picture Maker of the Old West: William H. Jackson*. New York: Charles Scribner's Sons, 1947.
- Jackson, William Henry. *Time Exposure*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1940.
- Jennings, Jesse D. *Prehistory of North America*. Mountain View, Calif.: Mayfield Publishing, 1989.
- Jones, William C., and Elizabeth B. Jones (Comps.). *William Henry Jackson's Colorado*. Boulder, Colo.: Pruett Publishing, 1975.
- Kopper, Philip, and the Editors of Smithsonian Books. *The Smithsonian Books of North American Indians: Before the Coming of the Europeans*. Washington, D. C.: Smithsonian Books, 1986.
- Lange, Frederick W. *Cortez Crossroads*. Boulder, Colo.: Johnson Books, 1989.
- Lekson, Stephen H. *Great Pueblo Architecture of Chaco Canyon, New Mexico*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1989.
- Lister, Robert H., and Florence C. Lister. *Archaeology and Archaeologists: Chaco Canyon*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1981.
- Mesa Verde National Park*. Mancos, Colo.: ARA Mesa Verde, 1987.
- Those Who Came Before*. Globe, Ariz.: Southwest Parks and Monuments Association, 1983.
- McAdams, William. *Records of Ancient Races in the Mississippi Valley*. St. Louis: C. R. Barns Publishing, 1887.
- McNitt, Frank. *Richard Wetherill Anasazi*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1966.
- Matlock, Gary. *Enemy Ancestors*. Flagstaff, Ariz.: Northland Publishing, 1988.
- Mays, Buddy. *Ancient Cities of the Southwest*. San Francisco: Chronicle Books, 1990.
- Michael, Henry N., and Elizabeth K. Ralph (Eds.). *Dating Techniques for the Archaeologist*. Cambridge: MIT Press, 1971.
- Morgan, William N. *Prehistoric Architecture in the Eastern United States*. Cambridge: MIT Press, 1980.
- The Mural Project: Photography by Ansel Adams*. Selected by Peter Wright and John Armor. Santa Barbara, Calif.: Rev-erie Press, 1989.
- Noble, David Grant. *Ancient Ruins of the Southwest*. Flagstaff, Ariz.: Northland Publishing, 1981.
- Noble, David Grant (Ed.): *The Hohokam*. Santa Fe, N. Mex.: School of American Research Press, 1991.
- New Light on Chaco Canyon*. Santa Fe, N. Mex.: School of American Research Press, 1984.
- Nordenskiöld, Gustav. *The Cliff Dwellers of the Mesa Verde*. Translated by D. Lloyd Morgan. Chicago: P. A. Norstedt & Söner, 1893.
- Palmer, Edward. *Edward Palmer's Arkansas Mounds*. Edited by Marvin D. Jeter. Fayetteville: University of Arkansas Press, 1990.
- Phillips, Philip, and James A. Brown. *Pre-Columbian Shell Engravings*. Cambridge, Mass.: Peabody Museum Press, 1978.
- Renfrew, Colin, and Paul Bahn. *Archaeology*. New York: Thames and Hudson, 1991.
- Rose, Martin R., Jeffrey S. Dean, and William J. Robinson. *The Past Climate of*

- Arroyo Hondo, New Mexico, Reconstructed from Tree Rings. Santa Fe, N. Mex.: School of American Research Press, 1981.
- Schaafsma, Polly. *Indian Rock Art of the Southwest*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1990.
- Sever, Thomas L. "Remote Sensing". Chap. 14 in *Benchmarks in Time and Culture*, edited by Joel F. Drinkard, Jr., Gerald L. Mattingly, and J. Maxwell Miller. Atlanta: Scholars Press, 1988.
- Silverberg, Robert. *Mound Builders of Ancient America*. Greenwich, Conn.: New York Graphic Society, 1968.
- Smith, Bruce D.: "Agricultural Chiefdoms of the Eastern Woodlands". Chap. 5 in *The Cambridge History of the Nativ Peoples of the Americas, North America* (Vol. 1), edited by Bruce Trigger and Wilcomb Washburn (in press).
- "Mississippian Elites and Solar Alignments: A Reflection of Managerial Necessity, or Levers of Social Inequality?" In *Lords of the Southeast*. Washington, D. C.: American Anthropological Society, 1991.
- "Mississippian Patterns of Subsistence and Settlement". Chap. 3 in *Alabama and the Borderlands*, edited by R. Reid Badler and Lawrence A. Clayton. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1985.
- "The Temple Mound Builders". In *The American Land*. New York: W. W. Norton, 1979.
- Smith, Duane A. *Mesa Verde National Park*. Lawrence: University Press of Kansas, 1988.
- Squier, E. G., and E. H. Davis. *Ancient Monuments of the Mississippi Valley: Comprising the Results of Extensive Original Surveys and Explorations*. New York: AMS Press, 1973.
- Steponaitis, Vincas P. "Location Theory and Complex Chiefdoms: A Mississippian Example". Chap. 14 in *Mississippian Settlement Patterns*, edited by Bruce D. Smith. New York: Academic Press, 1978.
- Stuart, Gene S. *America's Ancient Cities*. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1988.
- Supplee, Charles, Douglas Anderson, and Barbara Anderson. *Canyon de Chelly*. Las Vegas, Nev.: KC Publications, 1990.
- Thomas, Cyrus. *Report on the Mound Explorations of the Bureau of Ethnology*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1985.
- Viele, Catherine W. *Voices in the Canon*. Globe, Ariz.: Southwest Parks and Monuments Association, 1980.
- Watson, Don. *Indians of the Mesa Verde*. Mesa Verde National Park, Colo.: Mesa Verde Museum Association, n. d.
- Webb, William S., and Charles E. Snow. *The Adena People*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1974.
- Wenger, Gilbert R. *The Story of Mesa Verde National Park*. Mesa Verde National Park, Colo.: Mesa Verde Museum Association, 1991.
- Williamson, Ray A. *Living the Sky*. Boston: Houghton Mifflin, 1984.
- Woodward, Susan L., and Jerry N. McDonald. *Indian Mounds of the Middle Ohio Valley*. Blacksburg, Va.: McDonald & Woodward Publishing, 1986.
- ### ПЕРИОДИКА
- Beans, Bruce E. "Why? Chaco Fever". *Philadelphia Inquirer Magazine*, June 9, 1991.
- Canby, Thomas Y. "The Anasazi". *National Geographic*, November 1982.
- Cordell, Linda S. "Why Did They Leave and Where Did They Go?" *Exploration*. (Annual Bulletin of the School of American Research), 1985.
- Dexter, Ralph W. "F. W. Putnam at the Serpent Mound in Adams County, Ohio". *Journal of the Steward Anthropological Society*, Fall/Spring 1988-89.
- Douglass, Andrew Ellicott. "The Secret of the Southwest Solved by Talkative Tree Rings". *National Geographic*, December 1929.
- Fish, Paul R. "Prehistoric Land Use in the Perkinsville Valley". *Arizona Archaeologist*, January 1974.
- Gibson, Jon L. "Earth Sitting: Architectural Masses at Poverty Point, Northeastern Louisiana". *Louisiana Archaeology*, November 13, 1986.
- Haury, Emil W., and Helga Teiwes. "First Masters of the American Desert". *National Geographic*, May 1967.
- Hayes, Alden C. "Mesa Verde: A Century of Research". *Exploration* (Annual Bulletin of the School of American Research), 1985.
- Ina, Lauren. "Indian Burial Site Focus of Controversy". *Washington Post*, November 10, 1991.
- Joyce, Christopher. "Archaeology Takes to the Skies". *New Scientist*, January 25, 1992.
- Larsen, Clark Spencer: "Bioarchaeological Interpretations of Subsistence Economy and Behavior from Human Skeletal Remains". *Advances in Archaeological Method and Theory*, 1987, Vol. 10.
- "Telltale Bones". *Archaeology*, March/April 1992.
- Lekson, Stephen H., et al. "The Chaco Canyon Community". *Scientific American*, July 1988.
- Pilles, Peter J., Jr. "The Southern Si-nagua". *Plateau*, 1981, Vol. 53, no. 1.
- Rensberger, Boyce. "Placing Man in America 28,000 Years Ago". *Washington Post*, February 10, 1992.
- Rohn, Arthur H. "Prehistoric Developments in the Mesa Verde Region". *Exploration* (Annual Bulletin of the School of American Research), 1985.
- Wilford, John Noble. "Lofty Instruments Discern Traces of Ancient Peoples". *New York Times*, March 10, 1992.
- ### ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ
- Bradley, Zorro A. "Canyon de Chelly". Booklet. Washington, D. C.: U. S. National Park Service, 1973.
- Chapman, Jefferson. "Tellico Archaeology: 12,000 Years of Native American History". Publications in Anthropology no. 41. Tennessee Valley Authority, 1985.
- "Coconino National Forest", Draft interpretive trail guide Washington, D. C.: U. S. National Park Service, n. d.
- "The Dickson Mounds Controversy". Video produced by James Green with WILL TV/Channel 12, October 1991.
- "Dickson Mounds Museum". Pamphlet. Illinois State Museum, n. d.
- Galloway, Patricia (Ed.). "The Southeastern Ceremonial Complex". Catalog by David H. Dye and Camille Wharey. Lincoln: University of Nebraska Press, 1989.
- Griffin, James B. "Cahokia Interaction with Southeastern and Eastern Contemporary Societies". Paper presented at symposium *Exploring and Exploding Myths about Cahokia*, April 24-28, 1991, New Orleans, La.
- Holley, George R., Rinita A. Dalan, and Philip A. Smith. "Investigations in the Cahokia Site Grand Plaza". Manuscript. Edwardsville: Southern Illinois University, May 3, 1991.
- Jones, Dewitt, and Linda S. Cordell. "Anasazi World". Catalog. Portland, Ore.: Graphic Arts Center Publishing, 1985.
- Murphy, Dan. "Bandelier, the Man". Transcript of speech commemorating the 100th anniversary of A. Bandelier's first visit to Frijoles Canyon, delivered October 16, 1990.
- Smith, Bruce D. "Hopewellian Farmers of Eastern North America". Paper presented at 11th Congress, International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences, September 1-6, 1987, Mainz, Germany.
- Wymer, Dee Anne. "The Paleoethnobotanical Record of Central Ohio—100 B. C. to A. D. 800: Subsistence Continuity amid Cultural Change". Dissertation. Columbus: Ohio State University, 1987.

Номера страниц, выделенные курсивом, обозначают иллюстрации, относящиеся к данному объекту.

А

Адамс Ансель 118 его фотографии 118, 119.
Адена: Большой Змеиный Маунд 23—24, 28—29; деформация черепа 23; дома 23; и культура Хоупвелл 25; культурная трансформация 25; обработка земли 23, 46; пластинка из песчаника 24, 160; повседневная жизнь 23; погребальные ритуалы 19—22, 35, 36, 37, 160; поселения, карта 11; предметы в погребениях 21—22, 35, 160; скелеты 37; строительство маундов 14, 15, 19, 20, 34, 35, 36—37, 38, 160; сумка для переноски детей 22; трубки 23, 64; череп 27; установление хронологии 20—22

Айкс Гарольд 118

Акт о Репатриации и закон "О защите могил коренных американцев" 47

Анасази: и американские археологи 128—129; астрономические знания 139—140, 142—143; Бетатакин 136; бирюза 94—95, 126, 127, 140; ведение войны 145; влияние засухи 108, 144, 147; внешний вид 134; гравировка, развитие 10; деформация черепов у детей 125, 136; доминирующая культура на Юго-Западе Северной Америки 10—12, 125; жилища 125, 130, 131, 134, 135, 136—139, 151, 161; зернохранилища 135; Кайенга 125, 134, 137, 144—146, 147, 149; каменный топор 124; Каньон де Челли 121, 125—128, 131; керамика 92, 93, 123, 125, 139, 140, 141, 144, 148, 149; и корзинки 86, 89, 124, 125, 128—129, 130, 131, 134, 136, 140, 161; корзины 130; костяные фишки 131; и культура Могольон 97, 101—102; в Меса Верде 88, 93, 109, 123, 125; места погребения 83, 125, 128, 131; область влияния и поселения, карта 82, 125; обработка земли 126, 130, 131, 144—145, 146, 147, 148; одежда 126, 134—135; обувь 125, 134, 135; петроглифы 78, 84, 85, 86, 87; питание 88, 131, 134, 135, 140, 148; их предки 96, 128; предметы в погребениях 80, 92, 134; предметы роскоши 126—127; проблемы окружающей среды 124—125, 126, 130, 145—147, 148; происхождение названия 80; развитие 81, 96, 124—125, 128—129, 135; в районе Рио-Гранде 129; связи с Мексикой 125, 126, 127, 141; связи с современными племенами 83, 108, 129, 146; сумка для переноски детей 125; на территории Банделье 147—148; ткачество 131; торговые связи 84, 93, 125, 126, 127, 140, 152; три главные ветви 125; установление хронологии 128—129; флейта 124; уход из поселений 107, 108, 145—147, 148, 161; и фремонты 106; в Чако-Каньоне 93, 96, 123, 124, 131, 139, 147, 150; ювелирные изделия 94—95, 125, 135

Аризонский университет 90, 95, 96, 101
Архаические племена 87

Археологические методы: биоархеология и анализ скелетов 9, 58—59, 68, 100, 104—105, 136; Географические информационные системы 132; дендроклиматология 91; дендрохронология (датировка по древесным кольцам) 14—15, 88, 90—91, 95, 101, 108, 131, 138, 145; использование исторических записей 33; компьютерная обработка фотографий 62, 125, 132, 133; компьютеры, их использование 125, 143; магнитный анализ 138—139; радиоактивности анализ 141, 149; рисунки, их использование 33; службы, 33; стратиграфия 88, 89; устные традиции 69

Атвотер Каллеб 15—16

Б

Банделье Адольф 121, 149; открытие руин в каньоне Фрихолес 122—123, 124, 147; полевые работы в Пуэбло Нью-Мексико 122

Банделье, Национальный заповедник 122—123, 124, 137, 147—149

Большие Дома: церемониальная роль 155; в Чако-Каньоне 95, 131, 137—139, 141, 150; в Четро Кетла 154—155; строительство 151, 156

Большие кивы: в Йеллоу Джекетте 144, в Руинах Ацтек 138—139, в Четро Кетла 154—155

Большой Змеиный Маунд 23—25, 28—29
Броуди Дж. Дж. 97

В

Верде долина: поселения индейцев синагуа 106, 107

Вивьен Гордон 94

Вильмингтонская табличка 24

Вильсон Вудро 12

Всемирная Организация Здравоохранения 103

Вудленда Традиция 160. См. также Алена; Миссисипи культура; Хоупвелл
Вудхенджи 60, 66

Г

Гарвардский университет 16, 24, 88, 89, 96

Гладвин Гарольд 96, 104, 108

Грейв Крик маунд 14; пластинка из песчаника с текстом, найденная в 15

Гриффин Джеймс Б. 31, 32

Гумбольдт Александр фон 121

Д

Двухэтажный Скальный Дом 110—111

Де Сото, маунд 40—41

де Сото Эрнандо 9—10, 41, 47—48

Джадд Нейл 94—95

Джадж У. Джеймс 141

Джесон Уильям Генри 110, 111, 116

Джефферсон Томас 14

Джорнада стиль (культура Могольон) 85

Диксон Маунды 46—47

Доколумбова Америка значение курения 64; культуры пустынь, карта разворота; расцвет и упадок культур коренных американцев 9, 19; сохранившиеся свидетельства 9

Драго Дон В. 20—21, 23, 36

"Древние памятники долины Миссисипи" (Сквайр и Дэвис) 17, 18

Дуглас Эндрю Э. 90, 95, 138

Дэвис Эдвин Г. 19, 23, 38; изучение земляных сооружений в долине Миссисипи 16—17, 18, 33, 36

дио Прац Антуан Ле Паж 48—50

Е

Европейцы: болезни, принесенные ими 47, 50, 68; контакты с культурами коренных американцев 9, 10, 32, 46—47, 48—50, 55, 83, 148

Елового Дерева Дом 113, 116

Ж

Жемчуг: использование людьми Хоупвелл 30

З

Западного Пуэбло поселения карта, 82

Земляные сооружения: см. Маунды

Зуны 83, 96, 108, 129, 137, 147

И

Иллинойс: борьба за возвращение индейских останков и реликвий 47

Инджерсолл Эрнст 110—111

Искусство: анасази 10, 148, 149; культура Миссисипи, обложка 46, 69—77; мимбес 97; мотив открытой ладони 76—77; мотив свастики 76, 77; мотив человека-птицы 74, 76, 77; пиктографы и петроглифы 78, 84—87, 107, 142, 143; религиозное искусство Юго-Запада 84; Хоупвелл 26

К

Кайенты анасази 125, 134, 137, 144—146, 147, 149

Календари 60; 106

"Канзас-Сити Стар" 45

Кахокия (Иллинойс) 40, 121; артефакты, найденные в 50, 57; из боксита статуэтка 72; вудхенджи 60, 66; единственное поселение городского типа в Северной Америке в доколумбову эпоху 60; Маунд Монахов 60, 61, 63; маунды 33, 35, 41, 60, 61; повседневная жизнь 63—66; погребения в маундах 72, 62—63, 67; размеры и население 10, 52, 62—63, реконструкция внешнего вида 61; как религиозный и политический центр 63; свидетельство ритуальных жертвоприношений 67; сооружение скоростной магистралей и археологические работы 61—62; торговые связи 63—66; французские исследователи 60

Кашинг Фрэнк Гамильтон 96

Келли Артур Р. 53—55, 60

Керамика: анасази 92, 93, 123, 125, 139, 140, 141, 144, 148, 149, 161; в качестве археологического источника 9; в качестве ритуальных приношений 97; культуры Хоупвелл 27—28; развитие в Северной Америке 19; стиля мимбрес 81, 97, 98—99, 100, 161; стиля сингуа (Туангут Плейн) 7, 8; стиля фремонг 107; фигурные сосуды 98; хохокамов 96, 105

Кивы 88, 100, 137—138, 141, 144, 150, 161; церемониальные функции 137

Киддер Альфред В. 96, 130, 133

Кит Сил 137

Клементс Форрест Э. 43—45, 57—60

Коконино, Национальный заповедник: артефакты сингуа, найденные в 7, 8—9

Колдуэлл Джозеф Р. 25

Корделл Линда 102, 108

Коранцики 89, 94, 124, 125, 131, 134, 136; петроглифы 86

Корнеиус Элиас: раскопки комплекса маундов в Этова 51

Коронадо Франсиско де 9—10

Косгроув Гарриэт 97

Косгроув Корнеиус: раскопки в Сворте Руин 97

Кремер Уоррен 7—8

Кутлер Манассия 14—15

Кэмпбелл У. П. 45

Л

Ле Бланк Стивен 100—101, 102

Ледниковый период: миграция в Северную Америку 19, 96, 160

Лексон Стефен 97

Лесная служба США 145

Линдберг Чарльз 133

Листер Роберт 139—140

Листер Флоренс 139—140

М

Манс: мезоамериканское происхождение 46, 58, 59; метаты 135

Майямисбург Маунд 34

Мак-Адамс Уильям 35, 41

Мак-Кларг Вирджиния 115

Мамонтов Маунд 14

Маршалл Джеймс А. 29

Маунд Монохов 35, 41, 60, 61, 63

Маундвилл (Алабама): индейские маунды 40; артефакты, относящиеся к культуре Миссисипи, найденные в 57, 74, 77

Маундсвилл (Западная Вирджиния): индейские маунды 14, 15

Маунд-Сити: некрополь, относящийся к культуре Хоупвелл 6

Маунды: выемки земли 61; группы погребальных маундов 36; миф о "высшей расе" строителей маундов 14—15, 16, 17, 18; некрополь в Маунд-Сити 6, 16; открития XVIII и XIX веков 10, 50—51; поселения, карта 11, 33, 121; предназначение 12, 17, 29—31, 35, 41, 46, 54, 55, 160; разнообразие форм 13, 29; разрушения в течение времени 10, 15, 33, 61; ранние раскопки 13—16; священные

участки земли 38; Смитсоновская служба 18—19; сохранение 39; стены и изгороди 38—39; строительство 37, 41, 47, 53, 54, 61; фигурные маунды 12, 13, 24—25

Мейсон Чарли 79—80, 83, 113

Мексика: и анасази 93, 125—127, 141; и хохокамы 103—104; церемониальная игра в мяч 103

Менард Маунд 33

Меса Верде: артефакты, найденные в 127;

Двухэтажный Скальный Дом 110—111;

Елового Дерева Дом 113, 116; испанские исследователи в 109; Маг Хаус

116—117; Наблюдательная Башня 118;

национальный парк 115; охота за сокровищами в 114—115; полуземлянки в

130; раскопки в 116; Скальный Дворец

79—80, 109—119, 116, 119, 144—145;

туризм 114, 115, 117, 118, уход анасази

из поселений 107, 108, 123, 147; Фар

Вью Хаус 116; хронология пребывания

анасази 88, 101, 116, 145

Мимбрес: подгруппа могольонов 97; керамика стиля 81, 97, 98—99, 105, 161

Мимбрес долина: уход могольонов из поселений 107

Министерство внутренних дел США: проект фотопанно с видами национальных парков 118

Миссисипи долина: маундовые центры, карта 11, 46, 52, 53

Миссисипи культура: артефакты 42, 45,

69—77, 160; болезней влияние 47,

48, 50, 68; ведение войны 74; и де

Сото экспедиция 47—48; европейцев

контакты с сохранившимися остатками

46—47, 48—50; каменные топоры 54;

керамика 42, 70, 73, 74, 160; клима-

тических изменений возможное влияние

68; маиса виды, заимствованные из

Мезоамерики 46; маиса из кедра 56;

из меди предметы 71, 75; недостаток

письменных источников 46; питание

56, 58, 59; пластинка из красного ши-

фера 77; повседневная жизнь 50, 55—

58; погребальные ритуалы 54, 62;

погребений места 36, 49, 54; поселе-

ния, карта 11; почитание мертвых 43;

развитие 81; из раковин украшения и

подвески 66, 70, 73, 74, 76, 77; рели-

гиозный культ 69; скульптура из бокси-

та 72; социальная и политическая

организация 48—49, 66, 70; спортив-

ные игры 66; строители храмовых маун-

дов, расцвет 46, 63; строительство

маундов 33, 35, 40, 46, 55, 160; тор-

говые пути по рекам 46; трубки 64,

65, 74, 77; украшения 46, 57; упадок

48, 61, 68; ушные украшения 55, 71;

хищных птиц фигурки 55; фигурки, об-

ложка 50

Мичиганский университет 31

Могилы Ткача 125—128, 134

Могольоны: и анасази 130; братства 101;

датировка поселений в долине Мимбрес

101—102; жилища 100, 161; земледелие 161; идентификация в качестве самостоятельной культуры 97; пиктографы и петрографы 85; питание 100; погребальные ритуалы 101, 161; предметы в погребениях 97; равенство в обществе 100—101; развитие 81, 102; район влияния и поселения, карта 82; связь с современными племенами 83; торговые пути 84; уход из поселений 107

Мортон Сэмюэль Г. 16

Музеи: протест коренных американцев по поводу демонстрации останков индейцев и священных предметов 46—47

Мурихед Уоррен К. 26

Мэтлок Гари 108, 145, 146

Н

Навахо 80; 87, 92, 95, 108

Найцель Джилл 105

Натчеы 48, 63, 67; отчеты дню Праца 48—50

Национальный исследовательский комитет при Государственном Археологическом управлении 44

Норденскельд Густав Эрнк Адольф 113;

участие вместе с Уазериллами в раскоп-

ках Меса Верде 88, 89, 112

Нусбаум Джесси 116

Ньюарк (Огайо): комплекс маундов культу-

ры Хоупвелл 12; карта 39

Ньюберри Джон 109

Нью-Мексико университет 83, 97

О

Огайо: артефакты, относящиеся к культу-

ре Миссисипи 64, 65; артефакты, отно-

сящие к культуре Хоупвелл 30—31;

индейские маунды 6, 12, 23—25, 28—

29, 34, 39; источник трубчатого кам-

ня 27; поселения аденов 23, 160;

поселения культуры Хоупвелл, карта

11, 25—27

Огайо долина: строительство маундов куль-

турами Адена и Хоупвелл 35; поселе-

ния культуры Адена, карта 11

Огайо, Историческое общество 26, 29

Оклахома: артефакты, относящиеся к куль-

туре Миссисипи 74; торговля 66

Оклахомский университет 43, 44, 45

Окумьджин (Джорджия): уход из поселе-

ния строителей маундов 55; церемониаль-

ный центр 54; раскопки 52; индейские

маунды 50—51, 52—53, 60

Ортис Альфонсо 83

П

Палмер Мариэтта 93

Палмеров семья 89, 92

Патнем Фредрик Уард 24, 92

Пауэлл Джон Уэсли 17—18

Петтер Джордж 80, 92

Пибоди Люси 115

Пибоди, музей (Кембридж) 24

Пиллес Петер 8

Полуземлянки 100, 106, 130, 131, 134,

136—137, 151, 161

Пруфер Олаф 31
Пуэбло Альто 139, 152—153
Пуэбло Бонито 89—92, 95, 100, 153, 156—157, 158—159; бирюза и керамика, найденные в 92—93, 126, 127, 148; раскопки, проводившиеся Уэзериллом 92—93; Хайдовская исследовательская экспедиция 80
Пуэбло, индейцы 89, 122, 123, 129, 137, 146, 147, 152, 161
Пуэбло Кочити 122, 123, 148, 149

Р

Райт Маунд 22
Ред Рокс: скальные жилища индейцев синагуа 106—107
Рейд Дж. Джефферсон 101
Религия: адепов 22; анасази 137, 140; индейцев пуэбло 137; кива 137—138; людей Миссисипи 48, 67, 69—77, 137; религиозное искусство Юго-Запада 84; сипапу 137; храмовые маунды 46; шаманизм 22, 27, 28, 105
Робертс Франк 93

С

Сан-Хуана бассейн: поселения анасази 139, 141, 144, 145, 147, 150, 152
Свитленд Билл 137, 148
Свортс Руин: раскопки 97
Сильверберг Роберт 26
Симпсон Джеймс 138; и Пуэбло Бонито 89—92, 94
Синагуа индейцы: "котел" культур Юго-Запада 106; обработка земли 9, 106; повседневная жизнь 8—9; развитие 81; район влияния и поселения, карта 82; скальные жилища 106—107; тайник с керамикой, найденный в Национальном заповеднике Коконино 7—8; торговля 9; уход из поселений 107
Скальный Дворец 79—80, 112—113, 116, 119, 144—145
Сквайр Эфраим Г. 19, 23, 38; работа на земляных сооружениях в долине Миссисипи 33, 36
Служба национальных парков США: проект Чако 141
Слюда 22; использование в украшениях людьми Хоупвелл 27, 31, 160
Смит Брюс Д. 32
Смитсоновский институт 17—19, 32, 36, 47, 52, 53, 88, 94, 96, 116; политика охраны останков и священных предметов коренных американцев 47; служба по исследованию культур строителей маундов 18—19
Сноу Чарльз Э. 20
Соноран, пустыня 81, 104
Спиро Маунд: коммерческие раскопки 43—45; кубок для питья, изготовленный из раковины 57; маска из кедр, найденная в 56; погребальные функции 60; как церемониальный центр 46
Строители храмовых маундов 52—53, 69. См. также Миссисипи культура

Т

Тихоокеанское побережье 127
Томас Сирус 18—19, 36, 52, 53
Томлинсон Абелард 14—15
Трубки 64—65; фигурные трубки 28; в качестве погребальных приношений 23
Тулароса, пещера: артефакты, относящиеся к культуре Могольон 100

У

Уильямс Стивен 16
Уильямсон Рэй А. 142
Управление геологии США 17
Уэбб Уильям С. 22
Уэзерилл Ричард 96, 113, 128, 136; жемчужина на Маризте Палмер 93; знакомство с научными методами 88—89; открытие Скального Дворца 79—80; преданность изучению анасази 80—81; как проводник туристов в Меса Верде 114; противостояние академической науке и правительству 93; раскопки в Пуэбло Бонито 80, 92—93, 94; смерть 93; торговля артефактами 83

Ф

Феникс, район поселения хохокамов 96, 102, 103, 104
Фиш Пол 102—103
Фиш Сьюзен 102—103
Форд Дэвид 93, 152, 153
Фор Корнерс 79, 81, 82, 124, 125, 129, 146
Фостер Дж. У. 17
Фремонт, люди 106, 107; их пиктографы 107
Фрихолес, каньон: руины пуэбло в 122—123, 124, 148—149
Фьюкс Джесси Уолтер 116, 117; его рисунки 97

Х

Хаури Эмиль 95, 97, 103, 105
Хайд Талбот 88, 89, 92, 93
Хайд Фред 88, 89
Хайдовская исследовательская экспедиция 80, 88, 92—93, 127
Хейденская служба 111
Хила, скальные жилища 100, 101
Ховенит: поселения анасази в 146
Хопи 83, 88, 106, 108, 124, 129, 137, 146, 147
Хоупвелл: изобилие предметов 26; инженерное искусство и математические знания 29—31; обработка земли 31, 32, 46, повседневная жизнь 28, 31; погребальные маунды 6, 160; погребальные предметы 28, 30—31, 35, 37, 160; погребальные ритуалы 25—26, 30, 35, 36, 37; поселения карта 11; появление 25, 81; связь с культурой Адена 25; скелеты 37; социальная и экономическая система 25, 28—29; строительство маундов 14, 25, 29, 35, 36, 38, 39, 53; торговая сеть 25; трубки 28, 64, 65; упадок 32; хронология 21; художники 27—29, 30; церемониалы 28, 31; ювелирные изделия 27
Хоупвелл, группа: тайник с обсидианом, обнаруженный в маунде 11, 27
Хоупвелл Клод 26; артефакты, найденные в поместье 30—31
Хохокам: и анасази 130; гравировки процесс 103, 105, 161; жилища 96, 104; ирригационные работы 81, 95, 96, 102—103, 108; календарная система 106; каменные пластинки для растирания красок 102; Каса Буана 105; Каса Гранде 104, 106; керамика 96, 105, 161; и культура Могольон 97, 101; обработка земли 81, 102, 161; петроглифы 84; питание 104; платформенные маунды 105; погребальные ритуалы 96, 105; поля для игры в мяч 83, 95, 96, 103; регион влияния и поселения 81; карта 82; связь с современными племенами 83; Снейктаун 94, 103, 105; социальная структура 105; торговые пути 84; уход из поселений 107, 108; хронология поселений 102; ювелирные изделия и артефакты 96, 103, 105
Хьюитт Эдгар Л. 155

Ч

Чако-Каньон: астрономические функции 139—140, 141—142; Большие Дома 95, 124, 131, 137—139, 141, 150, 151, 152; дороги 132, 152—153; исследования с воздуха 133; количество населения 94, 139, 150; как национальный памятник 93; необычные архитектурные детали 157; открытие Уэзериллом и Мейсоном руин в 81; Пенаско Бланко 142; Пуэбло Альто 139; Пуэбло Бонито 80, 89—93, 95, 137—138, 153, 156—157, 158—159; раскопки 93—94; уход анасази из поселений 107, 123, 144, 147; хранители 127; хронология пребывания анасази 94, 95, 131; как церемониальный и торговый центр 139—140, 141, 150; Четро Кетл 154—155
Чанки (игра): снаряжение 66, 67
Чиллакоте (Огайо) 16, 18, 19, 26; раскопки поселений культуры Хоупвелл 31—32

Ш

Шетрон Генри 25—26, 27

Э

Эрслодж: его раскопки 52
Этова (Джорджия): индейские маунды 51; артефакты культуры Миссисипи, найденные в 57, 75

Ю

Южноаляскинский университет 61—62
Юктена: персонаж мифов индейцев чероки 72
Юта: поселения анасази 86, 87, 88—89, 126, 128, 131, 134, 140—141; поселения фремонтов, 81 106
Юты 109, 111, 115; петроглифы 87

Электронный вариант книги:

Скан: **vtijr**

Обработка, формат: manjak1961

ISBN 5-300-01182-7

9 785300 011826